

С.А. МОИСЕЕВА

**Семантическое поле
глаголов восприятия
в западно-романских языках**

МОНОГРАФИЯ

Белгород
2005

ББК 81.2
М74

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Белгородского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических наук, профессор *Л.М. Минкин*;
доктор филологических наук, профессор *Г.В. Овчинникова*

Н а у ч н ы й р е д а к т о р :

доктор филологических наук, профессор *Н.Н. Кириллова*

Моисеева С.А.

М74 Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: монография / С.А.Моисеева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.

ISBN 5-9571-0176-1

Монография посвящена описанию глаголов восприятия в западно-романских языках: французском, итальянском и испанском. Предпринята попытка комплексного исследования глаголов восприятия в системном, сравнительно-семасиологическом, когнитивном и прагматическом аспектах.

Для специалистов в области романской филологии, аспирантов и студентов романских отделений университетов.

ББК 81.2

ISBN 5-9571-0176-1

© Моисеева С.А., 2005.
© Белгородский государственный
университет, 2005.

ВВЕДЕНИЕ

Взирая с высоты XXI века на вторую половину предыдущего, можно ясно увидеть вырисовывающиеся вершины лингвистических направлений, которыми были охвачены исследования этого периода: функциональная лингвистика, лингвистика текста, язык в действии, теория речевых актов, прагматика и т.п. К числу таковых относится и теория поля, восходящая к 20-30-м годам XX века, достигшая расцвета в последнюю четверть второго тысячелетия. Метод поля потеснили другие теории, называемые «теориями XXI века», в центре которых находится языковая ментальность человека – когнитивные теории языка. В смене научных парадигм ясно проступает диалектика познания: то, что не изучено предыдущим направлением, становится целью идущего ему на смену. Когнитивная лингвистика и структурная семантика стали в какой-то мере антиподами, оперируя прямо противоположными понятиями: семантической структуре слова противостоит прототипическая организация значения, на смену семантическим свойствам лексической единицы пришел термин топологические свойства языкового образа. В исследованиях когнитивного аспекта языка прослеживается, что прототипическая организация значения является более гибкой и менее строгой, чем его семантическая структура (вспомним компонентный анализ). Данное утверждение звучит актуально и ново, но нельзя не заметить, как оно перекликается с понятием *расплывчатой категории* в языке, которое использовалось в психолингвистических трудах 60-70-х годов. Расплывчатые категории включали в себя понятия *метрики образа* (напр., высокий человек / человек маленького роста) и *топологии образа* (великан / карлик). Уже тогда утверждалось, что «язык как система может описываться на языке расплывчатых категорий» [Шапиро 1978]. В настоящее время это и является одной из задач когнитивной лингвистики: воссоздание прототипической организации языка и от нее переход к этнолингвистическому описанию картины мира того или иного языка [Rosch 1977; Кубрякова 1997; Бабушкин 1998; Рахилина 2002]. Все это свидетельствует, что когнитивная лингвистика стоит на плечах лексической семантики, а точнее, семантической синтагматики. Более того, идея черного ящика, с которым сравнивалось

мышление по своей недоступности прямому исследованию, является детищем кибернетической науки 50-х годов прошлого века. Уже тогда к познанию законов мышления подходили через познание законов языка, в особенности грамматики.

На современном этапе развития языкознания на повестку дня вышла новая научная парадигма, все исследования в которой объединены одним исходным понятием, называемым «антропоцентризм». Этим термином определяется любое изыскание в сфере языка, обуславливая тем самым его актуальность. «Именно человек выступает в роли субъекта, объекта и бенефицианта современных научных разработок» [Хомякова 2002: 3]. Отметим в связи с этим книги Н.Д. Арутюновой и Анны Вежбицкой, посвященные перцептивному, ментальному, эмотивному и волитивному модусам, их разновидностям и их взаимопроникновению, а также работы Ю.Д. Апресяна, целью которых было подведение теоретического фундамента под системную и интегральную лексикографию.

Изучается человек мыслящий (*cogens*), говорящий (*loquens*), действующий (*agens*), играющий (*ludens*), воспринимающий (*percens*). Последний, являющийся объектом настоящего исследования, изучается с двух точек зрения: как *человек воспринимающий*, то есть обладающий физиологической системой восприятия, представленной пятью органами чувств, и как человек *воспринимающий* какой-либо языковой продукт. В последнем случае его можно назвать человеком, декодирующим информацию.

Проблема восприятия – одна из важных проблем в исследовании человека. Способность человека воспринимать реальный мир относится к числу его фундаментальных способностей наряду с *чувствовать, воображать, думать, понимать*. Результаты процесса восприятия (чувственные ощущения, представления и перцептивные образы) связаны между собой, эта связь основана на приобретенном опыте. *Результаты перцепции* заключают в себе информацию об онтологии мира, отображенную с помощью когнитивных механизмов сознания. При исследовании перцептивной семантики номинативных единиц важным остается вопрос о том, каковы особенности окружающего мира, и как они вербализуются в языке. Перцептивная лексика является результатом непосредственного взаимодействия человека с миром и, следовательно, несет в себе информацию об этом мире, о возможностях человека оперировать ею в своей практической

деятельности. Семантика номинативных единиц восприятия характеризуется в первую очередь антропоцентричностью и взаимообусловленностью всех сфер деятельности сознания.

Поскольку, говоря гипотетически, весь объективный мир дан человеку в ощущениях посредством органов чувств, он (мир) и должен выступать в качестве объекта изучения; но, сознавая нереальность данного постулата, для придания объекту реальных очертаний должны быть применены методы, которые дадут возможность относительно полного описания данной области знания. Через восприятие человека осуществляется отражательная функция языка. Перцептивные глаголы (*видеть, смотреть, слышать, слушать, чувствовать, нюхать, пробовать, трогать*), являются единицами исследования в данной работе, они участвуют в выполнении языком не только эпистемической функции, но и когнитивной: наравне с языком они выполняют роль инструмента познания. Восприятие можно определить как связующее звено между действительностью и мышлением человека. Любые внешние раздражители, становясь фактом сознания, трансформируются и осмысливаются согласно сложившимся мыслительным категориям. Именно способы мышления регулируют «правильность» отражения действительности (КСКТ 1997: 21). Таким образом, глаголы восприятия, образующие структуру в виде семантического поля, рассматриваются в данной работе как объект когнитивного исследования.

Сопоставительное исследование глаголов восприятия, как основных репрезентантов перцептивной деятельности человека в национальном социуме, имеет целью выявление его когнитивного содержания, которое репрезентирует фрагмент сложившейся в среде народа языковой традиции мировидения. Глаголы восприятия в трех романских языках: французском, итальянском, испанском рассматриваются как элемент языковой картины мира народов выбранного ареала: Италии, Испании и Франции.

Исследование языковой картины ноосферы (по терминологии Б. Потье) позволяет вскрыть языковые стереотипы народов: визуальные установки, соотношение восприятия и впечатления, расстояние между восприятием и другими модусами и т.п. Указанные вопросы лежат в русле проблемы, называемой «человек в языке», под которой мыслится изучение способов представления

различных сфер внутреннего мира человека, в число которых входит и перцепция.

Семантическое поле (СП) перцептивных глаголов можно рассматривать как фрагмент когнитивной модели языка. Статутные характеристики глаголов восприятия, отражающие, с одной стороны, референтную связь с перцептивным процессом, который является полимодусным в силу принадлежности к функциональным системам человека, а также их полисемичность, с другой, создают предпосылки для поиска этнолингвистического компонента в их функционировании. Современные контрастивные исследования, которые оказались на втором плане после монолингвистических когнитивных разысканий, позволяют представить известные факты родственных языков в ином ракурсе, вскрывая тем самым новые связи между ними (сходные и отличительные).

Глава 1. Теоретические проблемы сопоставительного изучения глаголов восприятия

1.1. Полевой метод в системе методов изучения лексики определенных групп

Ученые давно осознали, что для понимания окружающей действительности необходимо изучать явления во взаимосвязи, как систему. В трудах швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, которого с полным основанием считают основоположником современного языкознания, было впервые выдвинуто положение о том, что «язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку» [Соссюр 1977: 61].

Системность на лексическом уровне проявляется, прежде всего, в существовании определенных лексических множеств как неких целостных образований, объективно выделенных из остального массива элементов лексического состава языка, и смысловых связей между членами этих множеств, которые составляют классы, группы, ряды, поля слов и образуют лексическую систему языка. В этом единстве нет резких границ, «оно все состоит из явлений, склонных к взаимопереходам, взаимопроникновению» [Кузнецова 1989: 10].

Для исследования семантики слова с начала прошлого века существовало три подхода: ономаσιологический [Цаунер, Дорнзайф, Квадри, Гак, Кубрякова, Арутюнова], семасиологический [Бреаль, Бенвенист, Будагов, Бережан, Кузнецов, Шмелев, Никитин] и семиологический [Морис, Греймас, Пиотровский, Степанов, Арутюнова, Уфимцева], они дополнились четвертым – когнитивно-прагматическим. Появление последнего связано с тем, что получить принципиально новые лингвистические знания, работая с такими традиционными объектами, как, например, классы слов, стало невозможно. В результате осознания этого факта произошел прорыв в две совершенно новые области, с одной стороны, в макромир или лингвистику текста, а с другой, в микромир или лингвистику лексикографического портретирования. Именно последним отмечен вектор семантических исследований последней четверти XX века, одним из основных положений которого является понимание языка как системы систем.

Предметом исследования в настоящей работе является лексическое множество – семантическое поле. В «Большом Энциклопедическом словаре. Языкознание» дается следующее определение поля: «поле – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [БЭСЯ 1998: 380].

Выделяемые на основании этих признаков группировки или поля представляют собой системные образования с характерными для них связями и отношениями и вместе с тем они обладают собственными специфическими чертами [Попова 1989: 4]. При полевом подходе объектом рассмотрения могут быть комплексы разноуровневых языковых средств, выполняющих сходные семантические функции, что дает возможность представления этих комплексов не только как парадигматических, синтагматических, ассоциативных, но и понятийных, морфосемантических, функционально-семантических и других видов полей.

Единицы лексико-семантического поля объединены таким образом, что представляют собой иерархическую структуру, организованную во взаимосвязанные семантические пространства, семантические сети, соотносимые с определенными концептуальными сферами. Изучение лексической системы языка в настоящее время сводится к синтезу уже структурированных и описанных лексико-семантических групп, лексико-семантических полей и т.п., заполнению своеобразных пустот, образовавшихся между рассмотренными парадигмами, объединению последних в межуровневые семантические поля.

Глаголы восприятия можно рассматривать и как эпидигматическое образование, суть и структура которого отвечает задачам когнитивного исследования. Лексические единицы в эпидигматике представлены как семантическая парадигма, которая представляет собой «stop-cadre» ее развития вглубь, по вертикали (полисемия), по горизонтали (словообразование), с ассоциативными связями между ними, что позволяет нам исследовать глагольную перцептивную лексему как динамическую структуру со своим смысловым «фокусом», вплетенным в сеть ассоциативных связей.

Термин *эпидигматика* был введен в теорию словообразования Д.Н. Шмелевым: как третье измерение лексико-

семантической системы языка наряду с синтагматикой и парадигматикой. «Семантическая структура каждого отдельного многозначного слова может рассматриваться как отражение этого вида отношений, которые могут быть названы эпидигматическими, или деривационными (в широком смысле слова) [Шмелев 1973: 191-194]. Эпидигматические связи, по словам Е.С. Кубряковой, «отражают способность слова, благодаря словообразованию и процессам его семантического развития, входить одновременно в различные лексико-семантические парадигмы и демонстрировать, таким образом, помимо парадигматических и синтагматических еще и эпидигматические связи [Кубрякова 1990: 366-367].

«Поле» отражает определенный «участок» нашего мира и весьма рельефно раскрывает смысловые особенности лексических единиц. Объемы поля могут быть различными в зависимости от прагматических и научных целей авторов, их группирующих. Большее по объему поле (макрополе) может объединять ряд микрополей. Так, в состав исследуемого нами лексико-семантического поля «восприятие» входят пять микрополей: зрительного, слухового, обонятельного, осязательного и вкусового восприятия в соответствии с пятью чувствами, отражающими сам процесс физического восприятия.

Под термином **лексико-семантическое поле** мы понимаем упорядоченное множество языковых единиц одной части речи с общим значением, группирующихся вокруг ядерной семы. За означаемое поле восприятия принимаем опыт человечества, связанный с отражением и осмыслением объективного мира, выражающийся в перцептах и образах, «отлитых» в языковые формы. Применительно к нашей теме этот опыт ограничен рамками трех этнических групп, трех языков.

Представление о системности поля включает в себя мысль о таких фундаментальных его свойствах, как взаимозависимость составляющих поле элементов и его структурная самостоятельность, предусматривающая унифицированное толкование слов, относящихся к одной группе на основе единых установленных параметров с учетом знаковой природы языка.

З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что полевая модель утверждает представление о языке как системе подсистем, между которыми происходит взаимодействие и взаимопроникновение. По этой модели язык предстает как функционирующая система, в

которой происходят постоянные перестройки элементов и отношений между ними. В процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью. Механизм этих связей, его закономерности позволяют выявить особенности языкового сознания и раскрыть его национально-специфические черты [Попова 1989: 7].

На наш взгляд, объединение родственной лексики обусловлено наличием когнитивной модели, отражающей определенную структуру знания, не хаотического нагромождения информации, знания вообще, а знания, соотносимого с исследуемой концептуальной сферой. Являясь макросистемой, лексико-семантическое поле, помимо перечисленных свойств, обладает также автономностью, самостоятельностью в лексической системе языка [Ахманова 1966: 334], целостностью, полнотой [Денисов 1993: 135] и специфичностью в разных языках.

Для определения семантического поля можно указать также ряд опознавательных признаков: 1) обширность, смысловая аттракция, а не бинарное противопоставление; 2) целостность; 3) упорядоченность; 4) взаимоопределяемость элементов, когда каждый элемент поля прилегает к соседнему, 5) полнота; 6) произвольность и размытость границ; 7) непрерывность. Для семантического поля также сохраняет силу общий принцип выделения центра и периферии [Там же: 135].

Как показали работы А.В. Бондарко [1984] и Т.В. Булыгиной [1980], лексические поля имеют неодинаковую типологию. По структурным характеристикам различаются поля моноцентрические с четко выраженной доминантой и полицентрические, базирующиеся на совокупности различных средств и не образующие единой системы. В процессе исследования семантических полей наметилось два основных пути в их разработке: изучение парадигматических (ассоциативных) и синтагматических полей.

Важнейшим в семантической структуре поля является его иерархическая организация. Для моноцентрического семантического поля постулируется наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением – идентификатор, по терминологии Ш.Балли [1961], (ср.

«систематизирующий термин» О.Н. Трубачева, слово-доминанту В.А. Звегинцева и архилексему Б. Потье). Идентификатор относится к более высокому уровню иерархии внутри поля и выступает в роли «центра» конститuentов исследуемого семантического поля как «имя» этого поля, слово с наиболее емким значением, отражающее по возможности в общем виде содержание всего поля.

Иерархическая структура лексики является отражением формы организации реального мира. Разнообразные объективные связи, существующие в мире между вещами, предметами и явлениями, проецируются на лексическую систему, расчленяя ее на взаимосвязанные лексические блоки. Семантические связи между словами, входящими в такие лексические блоки, являются отображением объективно обусловленных связей между предметами внешнего мира, номинированными этими словами, воплотившимися в языке как выраженные, закреплённые и социально значимые. Эту мысль подчеркивали в своих работах Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов и др.

Метод поля наилучшим образом отвечает пониманию языка как «продукта» сферы сознания этноса, поэтому метод поля не снижает своей актуальности и в настоящее время, поскольку позволяет рассматривать лексику в свете концепции **языковой картины мира**.

1.2. Картина мира и восприятие

Термин «картина мира» впервые был введен в научное обращение в конце XIX – начале XX в. физиком Г. Герцем. Понятие «картина мира» прочно вошло в современные научные теории, в которых под «миром» подразумевается предметная область фундаментальных наук. О картине мира в общенаучном ее понимании писали М. Планк, А. Эйнштейн, считавшие ее необходимым условием практической деятельности человека и центром его духовной жизни. Под термином «общенаучная картина мира» ученые понимают картину мира, сформированную в области философии, стоящую над конкретными науками, в рамках которых формируются частнонаучные картины мира. Подходя к общему определению понятия картины мира с общенаучной и гносеологической точек зрения, проф. З.Д. Попова и И.А. Стернин

под картиной мира в самом общем виде предлагают понимать «...упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова 2002: 4].

В настоящее время идет стадия формирования понятия научной картины мира и отдельных способов освоения действительности: изучается физическая, химическая, экологическая и др. картины мира [Постовалова 1988: 33]. В них заключается идея некоего целостного образа познаваемой действительности, целиком и полностью связанная с актом познания.

Понятие картины мира важно для современной науки, но оно требует четкого определения, поскольку неопределенность и вольное обращение с ним не позволяют представителям разных дисциплин понять друг друга, достичь согласованности в описании картины мира средствами разных наук. Особенно важно определить это понятие для лингвистики и культурологии, которые в большей степени, чем другие науки, в последнее время используют его. Человек воспринимает картину мира не как хаотическое нагромождение фактов и предметов, она существует в сознании человека и этноса в целом. С последним связана национальная картина мира, которая, с одной стороны, является некоторой абстракцией, а с другой, когнитивно-психологической реальностью, обнаруживающейся в мыслительной и познавательной деятельности народа, в его поведении – физическом и вербальном.

Принципиальным представляется разграничение двух картин мира – непосредственной и опосредованной. Непосредственная картина мира – это картина, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности. Познание осуществляется как при помощи органов чувств, так и при помощи абстрактного мышления, которым располагает человек, она формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления. Непосредственная, прямая картина мира – это результат отражения мира органами чувств и мышлением человека, результат познания мира общественным или индивидуальным сознанием. Непосредственная картина мира включает как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание

и интерпретацию тех или иных явлений действительности. К непосредственным картинам мира можно отнести когнитивную картину мира. В сознании личности она системна и влияет на восприятие окружающего мира, предлагая классификацию элементов действительности, приемы ее (действительности) анализа, упорядочивая чувственный и рациональный опыт личности для хранения его в сознании, в памяти.

Опосредованная картина мира – это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира [Там же: 4-5]. К опосредованным картинам мира относятся языковая и художественная картины мира. **Языковая картина мира (ЯКМ)** стала одним из самых актуальных и основных понятий этнолингвистики, одним из центральных в концепции человека, поскольку выражает специфику его бытия. Концепция ЯКМ сформировалась сравнительно недавно, но мысль об особом языковом мировидении, без использования термина «картина мира», была высказана еще В. Гумбольдтом в начале XIX века. По мнению ученого, понять природу языка и объяснить ее можно лишь исходя из понимания человеком природы его самого. Представители неогумбольдтианства, опираясь на философию Э. Канта, признают существование объективного мира, не зависящего от сознания человека и воздействующего на его чувственную сферу. Но результат этого воздействия считается хаотическим, и только язык способен упорядочить эмпирические факты. Данная точка зрения была развита и обоснована в работах американских лингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа, а также немецкого языковеда Л. Вайсгербера. Теория Э. Сепира и Б. Уорфа о влиянии языка на сознание и поведение людей, называемая «гипотезой лингвистической относительности», отстаивает положение о том, что язык детерминирует мышление, мировоззрение и поведение людей, и пишет о том, что следует признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях их употребления языка, сколько в его постоянно действующих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений [Уорф 1999, 58]. Э. Сепир считал, что «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на языковых нормах данного общества, по его мнению, не существует двух языков настолько тождественных, чтобы

их можно было считать выразителями одной и той же социальной действительности [Сепир 1993].

Итак, ЯКМ – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития. Она представляет собой комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира. Язык в той мере, в какой он отражает традиционные знания (понятия, верования, стереотипы и т.п.), находится в центре «антропологической лингвистики» (этнолингвистики или этносемантики). «Картина мира содержит и этнический компонент, который представлен языковой картиной мира и совокупностью традиций, обычаев, верований, суеверий, т.е. тем, что предопределяет этнический стереотип поведения представителей того или иного этноса» [Рылов 2003: 3]. Из подобной трактовки взаимоотношений языка и человека естественным образом вытекает задача через исследование языка изучить культуру, ментальные структуры данного общества, то есть языковую картину мира.

В работах Ю.Д. Апресяна основные положения понятия «языковая картина мира» были сформулированы следующим образом:

1. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

2. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут по-разному видеть мир, через призму своих языков.

3. С другой стороны, он «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления людей отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные.

Отражая глубинный слой миропонимания людей, картина мира создается в результате двух процессов познания: во-первых, в результате опредмечивания, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека, во-вторых, в результате создания, разработки новых образов мира в

процессе рефлексии объективной действительности. Последнему утверждению не противоречит тот факт, что «интуитивные представления о вещах не всегда расходятся с научными» [Апресян 1995: 299].

Содержательная сторона языка не копирует внешний субстрат, а выражает его в специфически преломленной системе лексико-семантических объектов, при этом необходимо различать два обстоятельства, которые, взаимодействуя, определяют конкретные признаки данной лексико-семантической организации. Несмотря на то, что содержательная сторона языка коррелирует прежде всего с перцептивной информацией, в основе которой лежит познавательная деятельность человека, она (содержательная сторона) небезразлична к тем факторам, которые обусловлены природой языка как самостоятельного, но имманентного явления. В лексико-семантической организации исследуемой группы глаголов восприятия прослеживаются как те, так и другие факторы. И по этой причине данная тема соприкасается с некоторыми философско-лингвистическими направлениями, среди которых необходимо в первую очередь вспомнить неогумбольдтианство, с одной стороны, и когнитивную лингвистику, с другой. И то, и другое направление, имея схожие цели – познание объективного мира и его отражение в языке, имеют разные исходные философские предпосылки. Первая опирается на положение, высказанное еще в 1925 г. Э. Дюркгеймом: «Понятийная система, которой мы пользуемся в повседневной жизни, содержится в лексическом составе нашего языка. Эти понятия суть коллективные представления, через которые общество осмысляет собственный опыт» [цит. по: Кабакова 1993]. Эта гипотеза, как известно, была поддержана и развита, с одной стороны, Э. Бенвенистом («язык окружает общество, содержит его в своем понятийном аппарате ... он структурирует общество, устанавливая то, что можно назвать социальным семантизмом»), а с другой – Э. Сэпиром и Б. Уорфом («мы воспринимаем окружающий мир, руководствуясь грамматической структурой родного языка»).

Именно язык распределяет слова по классам и устанавливает между классами и их членами различные пространственные, временные, причинно-следственные отношения. Язык с помощью работы человеческого сознания создает копию объективного мира, которая, имея множество лакун и отклонений, не является

абсолютной по отношению к «оригиналу». Копия объективного мира в языке и есть языковая картина мира. Она целиком и полностью связана с актом познания, в котором не последнюю роль играет перцептивный акт, способы обозначения которого и составляют одну из задач нашего исследования.

При исследовании системных отношений между словами в современной лингвистике используется немало теоретических концепций и методов, одним из них является когнитивная лингвистика, представляющая собой результат когниции (познания) действительности и выступающая в виде совокупности упорядоченных знаний – концептосферы. **Когнитивная картина мира** – это те понятия и стереотипы, которые в восприятии и понимании мира нашим сознанием задаются культурой, она существует в виде концептов, образующих концептосферу народа. Когнитивная картина мира в сознании личности системна:

- она влияет на восприятие окружающего мира;
- она предлагает классификацию элементов действительности и приемы ее (действительности) анализа (объясняет причины явлений и событий, прогнозирует их развитие, предсказывает их последствия);
- она упорядочивает чувственный и рациональный опыт личности для его хранения в сознании, памяти.

Если национальная когнитивная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа, обнаруживающееся в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах, то языковая картина мира существует в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка [Попова 2002: 6].

Таким образом, когнитивная картина мира и языковая картина мира тесно связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное воплощение.

К опосредованным картинам мира относится **художественная картина мира**, в которой отражаются особенности национальной картины мира. Она возникает в сознании читателя (зрителя, слушателя) при восприятии им художественного произведения или

произведения любого искусства. Язык выступает средством создания вторичной художественной картины мира, которая отражает картину мира создателя художественного произведения.

Картина мира в литературном произведении создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается:

– в отборе элементов содержания художественного произведения;

– в отборе используемых языковых средств, как, например, определенных тематических групп языковых единиц, повышения или понижения частотности отдельных единиц и их групп, употребления индивидуально-авторских средств и др. [Там же: 8].

В художественной картине мира могут быть обнаружены концепты, присущие не только данному этносу, но и отдельному авторскому восприятию мира – индивидуальные концепты писателей, художников, режиссеров и т.п. Так, например, художники используют обычно в живописи не только уже установленный язык, но и используют свою выстроенную картину мира. Известно, что пять чувств, которым посвящена данная работа, служили объектом аллегории в живописи и мифологии. Ниже приведен отрывок текста Дж. Холла, воспроизведенный с небольшими сокращениями и с сохранением авторского оформления. Обратим внимание на два момента: а) этническую окрашенность художественной картины мира; б) легкость изображения одних чувств и трудность изображения других, к последним относится «запах».

«Чувства обычно предстают в виде пяти женщин, занятых каждая своим каким-то наиболее характерным делом. Так, Слух обычно ассоциируется с музыкой и имеет ФЛЕЙТУ, ОРГАН – портатив или смычковый инструмент (в зависимости от эпохи). Зрение держит ЗЕРКАЛО и с восхищением смотрит в него; реже у нее горящий ФАКЕЛ. У Вкуса корзина с ФРУКТАМИ, а у Обоняния – букет ЦВЕТОВ или ВАЗА с благовониями. Манера изображения Осязания менее устоявшаяся. У нее может быть – ЕЖ и горноста́й (ГОРНОСТАЕВЫЙ МЕХ) (грубая и нежная чувствительность); в более позднюю эпоху ПТИЦА сидит на ее поднятой руке. Другие животные, ассоциирующиеся с чувствами в XVI веке: ОРЕЛ (Зрение), ОЛЕНЬ (Слух), ОБЕЗЬЯНА с каким-нибудь фруктом во рту (Вкус); СОБАКА (Обоняние). Иной подход

характерен для фламандских жанристов XVII века – их сцены в тавернах включали пьяниц (Вкус), курильщиков трубок (Обоняние), певцов, поющих во всю глотку, и деревенских скрипачей (Слух). Осязание изображалось в виде мужчины, держащего за талию женщину, или хирурга, пускающего кровь» [Холл 1997: 462].

Таким образом, из изложенного выше мы можем сделать вывод, что восприятие тесно связано с языком и мышлением, а также с картиной мира, как непосредственной, так и опосредованной, языковой и художественной.

В последние десятилетия заметно возрос интерес к лексике, относящейся к сфере восприятия и ощущений человека, появилось значительное число научных работ, посвященных прилагательным цвета, света, осязания, звука и т. д. «Ощущение – отражение свойств предметов объективного мира, возникающее в результате воздействия их на органы чувств и возбуждения нервных центров коры головного мозга. Существуют многообразные виды ощущений: осязательные, зрительные, слуховые, вибрационные, температурные, обонятельные, вкусовые, болевые и др.» [ФЭС 1983: 473]. Специфическим свойством ощущений является их активный характер. Это свойство связано с особенностями взаимодействия человека и внешнего мира. Речь идет об использовании чувствительной способности как сознательно направленной деятельности человека. Результаты процесса восприятия: чувственные ощущения, представления и перцептивные образы связаны между собой, эта связь основана на приобретенном опыте. «Довольно трудно сказать, что в нашем восприятии обусловлено непосредственно ощущениями, а что опытом и тренировкой» [Гельмгольц 1993: 25]. Ощущение как элемент познания выступает в тесном единстве с абстрактным мышлением. Чувственное и логическое – это самостоятельные категории, но их самостоятельность действительна лишь в рамках диалектического единства, поскольку чувственное предполагает логическое и наоборот. Чувственное и рациональное могут рассматриваться как две ступени познания не только генетически, но и в чисто логическом, статическом плане – это два момента, пронизывающие познание во всех его формах, во всех языковых единицах, на всех этапах их становления [Уфимцева 1986: 89-90]. Перцептивная деятельность человека направлена на предметный мир, который

выступает в этой деятельности как начальный стимул: он действует на наши органы чувств, посылая сообщения субъекту восприятия, каузируя в нем некоторые сведения о внешнем мире. Чувствительность – это способность живого организма воспринимать действие раздражителей из внешней и внутренней среды: температурная, световая, вкусовая чувствительность [БЭСБ 1998: 718]. Сенсорные системы воспринимают и анализируют информацию о воздействии на организм различных раздражителей. Основная переработка сенсорной информации осуществляется в центральной нервной системе, находящейся в коре больших полушарий головного мозга, точнее, за сенсорную обработку информации отвечает правое полушарие [Мерзлякова 2003: 69].

Восприятие – это процесс отражения действительности в форме чувственного образа объекта. В отличие от ощущения, отражающего отдельные свойства вещей, восприятие дает информацию об объекте в его целостности при непосредственном воздействии объекта на органы чувств. Объективной основой восприятия как целостного образа является единство различных сторон и свойств объекта. Процесс восприятия предполагает обнаружение объекта в воспринимаемом поле, различение в нем объективных признаков и их синтез. Одновременно с приспособлением перцептивных органов к особенностям воспринимаемого объекта субъект своими действиями стремится поставить объект в такие условия, в которых последний мог бы восприниматься наилучшим образом и с разных сторон. Это двустороннее «подстраивание» субъективных познавательных способностей к особенностям воспринимающего субъекта позволяет построить наиболее адекватный чувственный образ объекта [ФЭС 1983: 93].

Восприятие составляет важную часть человеческой жизни. Восприятие – это живое, активное взаимодействие с миром, с окружающей средой, направленное на приспособление человека к среде и к его выживанию [КСКТ 1997: 17]. Восприятие – это форма чувственного отражения действительности в сознании, способность обнаруживать, принимать, различать и усваивать явления внешнего мира и формировать их образы.

Существует множество определений процесса восприятия, изучаемого различными научными дисциплинами. Проблема восприятия интересует философов, психологов, лингвистов,

социологов, литературоведов, культурологов. Даже педагоги рассматривали проблемы восприятия. Так, К.Д. Ушинский в своем фундаментальном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» посвятил две главы ощущениям и чувственному восприятию [Ушинский 1990: 63-88].

В наиболее обобщенном виде в исследовании процесса восприятия можно выделить три подхода: философский, психофизиологический и собственно лингвистический.

В **философском** понимании восприятие определяется «как чувственный образ внешних структурных характеристик, предметов и процессов материального мира, непосредственно воздействующих на органы чувств» [ФС 1987]. Восприятие представляет собой «процесс отражения действительности в форме чувственного образа объекта» [ФЭС 1983: 92]. Сам объект представлен в форме целостного образа во всей совокупности свойств и признаков, обусловленных объективностью существования окружающего мира, что имеет свои особенности, получившие выражение в языке.

В истории философии известно два направления в теории познания: сенсуализм и рационализм. Исходным пунктом первого направления был постулат о том, что единственным источником познания объективного мира является чувственный опыт человека, вырабатываемый благодаря работе органов восприятия. И поэтому все содержание познания выводилось из функционирования органов чувств. Все идет от ощущения, наши знания есть трансформированные или составленные ощущения – провозглашал Э.-Б. Кондильяк, философия которого базировалась на связи языка с познанием мира (цит. по: Hagege 1985: 161; Condillac 1947).

Второе направление признает разум основой познания людей Э. Кант писал: «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме» [Кант, цит по: ФЭС 1983: 569]. Именно из философии Э. Канта исходили представители неогумбольдтианства Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Х. Уорф, Й. Трир и Г. Ипсен. Они, признавая существование объективного мира, не зависящего от сознания человека и воздействующего на его чувственную сферу, считали результат этого воздействия хаотическим. Лишь язык вносит порядок в этот «хаос». Подобные взгляды на соотношение действительности и языка как на объект восприятия и его результат, вошедшие в

историю языкознания под названием «гипотезы языковой относительности», легли в основу **этнолингвистики**, научной области, которая, как и теория поля, переживает второе рождение. Среди последних, соотносящихся с нашим временем, следует назвать **когнитивное направление**, имеющее междисциплинарный характер. В лингвистических работах последнего времени обращение к проблеме восприятия связывают с когнитивной лингвистикой. «В большинстве представленных сегодня когнитивных концепций о языке постулируется исключительная роль чувственного, наглядного мира для всего строения языка» [Кубрякова 1997: 60]. Когнитивная лингвистика приводит убедительные факты неразрывной связи восприятия с эпистемическими процессами. Человек на основе чувственного восприятия вырабатывает посредством языка суждения об окружающем его мире, и в то же самое время, процесс восприятия осуществляется при помощи языка [Rosch 1973, 1977; Найссер 1981; Лакофф 1981].

В **психологии** восприятие описывается как «целостное отражение предметов, ситуаций, явлений, возникающих в сознании человека при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности его органов чувств. Вместе с процессом ощущения восприятие обеспечивает непосредственно-чувственную ориентировку в окружающем мире. Оно всегда в большей или меньшей степени связано с мышлением, направляется мотивацией и имеет аффективно-определенную окраску» [Психология 1990], т.е. восприятие является одним из эмпирических факторов, обуславливающих универсальные структурные характеристики наряду с мышлением, памятью и эмоциями.

Процесс восприятия – явление многоплановое, о чем свидетельствуют множество подходов к его изучению: эмпирический [Вундт 1880; Гельмгольц 1993], генетический [Smith 1957; Ломов 1984], исследования гештальт-психологов [Koffka 1935], бихевиористски ориентированные исследования [Gibson 1966], деятельностный подход [Запорожец 1967; Леонтьев 1977], исследования когнитивной психологии [Найссер 1981; Piaget 1969]. В психологических исследованиях ученые нередко обращаются также к его физическим и нейрофизиологическим основам.

Восприятие, по мнению А.Н. Леонтьева, является «коренной проблемой психологической науки» [Леонтьев, 1982: 3]. Если обратиться к наиболее разработанным классическим вопросам психологии, то восприятие раскрывается в двух планах: 1) как чувственное отражение действительности («гносеологическая» характеристика, фиксирующая отношение содержания восприятия – его объект); 2) как переживание (перцептивное образование) с собственным бытием («онтологическая» характеристика, выражающая способ его объективного существования) [Барабанщиков 1990].

Информация об окружающем мире предоставлена человеку в непосредственно-чувственной форме: многообразие цвета, звука, вкуса, запаха. Каналы получения этой информации (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) составляют общую систему физического восприятия мира человеком. Каждый отдельный способ восприятия отличается тем, что создает свои собственные механизмы, регулирующие получение сведений с помощью конкретного органа восприятия. Восприятие – это непрекращающаяся связь индивида с миром, в реализации которой мир, непосредственно данный человеку, оказывается ему доступным.

В экспериментальной психологии перцептивная деятельность рассматривается как операции, посредством которых устанавливаются связи между элементами, воспринимаемыми в различных полях нервной системы человека. По мысли Ж. Пиаже, первичные сенсорные образы, возникающие в мозгу человека, превращаются в перцепты посредством включения в процесс их порождения «образов представления» о мире [Пиаже 1969].

Изучение познавательного, когнитивного аспекта стало основой в **когнитивной психологии**, где активно разрабатываются механизмы и способы чувственной презентации действительности. Восприятие, понимаемое как один из видов когнитивной деятельности человека, рассматривается во взаимосвязи «с мышлением, с ментальными репрезентациями, со знанием и способами его получения, ибо для всех этих вопросов базой является именно восприятие» [КСКТ 1997: 19].

Акцент на когнитивных основах восприятия представляет его как «преобразование информации, начиная с воздействия стимулов на органы чувств и до ее самостоятельного функционирования в кратковременной памяти» [Барабанщиков 1986]. Иными словами,

важным аспектом в исследовании восприятия человека является трансформация сенсорного раздражителя в факт сознания. Эта глобальная проблема связана с пониманием того, что сознание и мышление человека, сложившиеся не только на основе чувственного созерцания как такового, а и в предметно-практической деятельности, являются той структурой, которая влияет на «качество нашего перцептуального опыта» [Langacker 1987: 101]. То есть, восприятие рассматривается как один из процессов, участвующих в формировании единой когнитивной системы человека. Но репрезентация объектов внешнего мира не является простым сложением внешних раздражителей, оно представляет собой явление комплексного и целостного взаимодействия сенсорных сигналов. Поэтому перцептивная информация в когнитивных исследованиях рассматривается как единица, обработанная нашим сознанием [Кубрякова 1997: 65], характеризующаяся интерсенсорным взаимодействием [Барабанщиков 1999]. Безусловно, онтологическая характеристика перцепции не противопоставлена гносеологической, изучающей результат чувственного отражения: состав и структуру образных репрезентаций. Онтология чувственного восприятия неизбежно апеллирует к рассмотрению трех исходных реальностей восприятия: действительности, индивида и способов их взаимодействия. Своеобразие онтологического подхода заключается в том, что он позволяет представить восприятие в единстве внешних и внутренних условий его существования, и предполагает раскрыть сам процесс, лежащий в основе превращения сенсорной информации в элемент опыта индивида.

Один из известных теоретиков феноменологии восприятия французский философ Морис Мерло-Понти посвятил свои труды различным аспектам изучения восприятия объективного мира человеком [Merleau-Ponty 1964]. Рассматривая бытие человека как бесконечный диалог субъекта с миром, ученый пишет, что загадка человека заключается в том, что его тело является одновременно видящим и видимым. Язык, по Мерло-Понти, как и у В. фон Гумбольдта, участвует полностью в видении, при помощи которого человек находится в отношениях с миром, сам язык уже является взглядом на мир, актом перцепции. В то самое время, когда человек «видит» мир, он участвует в нем, он сам является в мире существом «видимым», а глаз одновременно является и

инструментом, и объектом видения. [Там же: 85-86]. «L'enigme tient en ceci que mon corps est a la fois voyant et visible. Lui qui regarde toutes choses, il peut aussi se regarder, et reconnaitre dans ce qu'il voit alors «l'autre cote» de sa puissance voyante. Il se voit voyant, il se touche voyant, il est visible et sensible pour soi-meme» [Merleau-Ponty 1964: 85-86].

Эта обратимость, реверсивность видения составляют оригинальность феноменологии М. Мерло-Понти. Исследователь утверждает, что именно тело у человека скрепляет единство языка и мира, а взаимодействие человека с миром обычно происходит через систему восприятия [Там же: 115].

М. Мерло-Понти проводит строгое разграничение между говорящим субъектом и языком: высказанные слова обретают объективированное существование как единицы физического мира или чувственных данных. Ученый признает существование антиномии между субъективным высказыванием (enonciation) и тем его объективным характером, который оно автоматически приобретает, как только оно уже высказано (enonce).

В современных психологических и лингвистических исследованиях восприятие понимается как когнитивный процесс, который формирует сенсорный уровень познания, являющийся базовым для всей когнитивной деятельности человека [КСКТ 1997: 21].

Восприятие – важнейшая из функций высшей нервной деятельности человека, включающая в работу следующую, не менее важную – функцию мышления. С точки зрения психологии процессы восприятия и мышления тесно связаны между собой. При рассмотрении вопросов соотношения восприятия и других психических процессов мы опираемся на несколько аксиом, выработанных в ходе развития современной психологии как отечественной, так и зарубежной:

1. Аксиоматично положение о том, что человека отличает от животного наличие сознания. Сознание формируется в процессе психической деятельности, понимаемой как процесс взаимодействия субъекта с объективным миром, а это взаимодействие начинается с воздействия предмета, шире – окружающего мира – на человека. «...сознание – всегда есть осознание чего-то, что находится вне его» [Рубинштейн 2001: 48].

2. Осознавать – значит отражать объективную реальность посредством объективированных в слове общественно выработанных обобщенных значений. Без языка нет сознания. Не слово само по себе, а обобщенно накопленные знания, объективированные в слове, являются стержнем сознания [Там же: 49-50]. Познание есть взаимодействие субъекта и объекта восприятия, результатом которого является новое знание о мире.

3. Наличие сознания предполагает выделение человека из его окружения, проявление его отношения как субъекта действия и субъекта познания к объективному миру.

4. Сам человек является частью этого мира. Предметом осознания становятся его психические состояния, переживания, ощущения и в том числе восприятие. Но даже это само восприятие является опосредованным через объективно данные сознанию его действия и состояния. «Самосознание всегда есть познание не чистого духа, а реального индивида, существование которого выходит за пределы сознания и представляет собой для него объективную реальность» [Там же: 49].

5. Осознание окружающего вплетено в жизнь, «...вся противоречивость жизни и отношений человека к ней сказывается не только в том, как человек осознает действительность, но и в том, *что* он осознает и *что* выключается из его сознания» [Рубинштейн, 2001: 54-55]. Отметим, то, что выделено самим автором цитаты, является основополагающим для сопоставительных лингвистических исследований, проводимых на когнитивной основе. На роль языка в восприятии объективного мира существуют две точки зрения:

1) за словом признается лишь индикативная и ориентирующая процесс восприятия роль (ср. знаки-индикаторы, знаки-символы и знаки-изображения Пирса [Peirce 1979: 156-173];

2) слову-понятию приписывается креативная функция, которая заключается в превращении хаоса испытываемых нами ощущений в целостные осмысленные образы [Леонтьев 1976: 13]. Л.С. Выготский, разработавший теорию динамической модели языка, считает, что «мысль в слове не выражается, а совершается в нем» [Выготский 1982: 20]. Язык (слово) по отношению к восприятию выполняет роль средства звуковой регистрации результатов восприятия. Органы восприятия и их функции представляют собой ту предметную область, которая, будучи

лексически обозначенной, составляет предмет изучения для лингвистов. Они, являясь также средством познания объективного мира, сближаются в этой функции с языком, поскольку мир можно познавать двумя путями: через рецепторы (предмет биологии) и посредством языка (предмет языкознания). Различие между ними заключается в том, что первые образуют первую сигнальную систему, а язык – вторую сигнальную систему. Перцептивные лексемы представляют собой сплав двух сигнальных систем. Семантическое поле восприятия, референт которого входит в *первую сигнальную систему* человека, как часть языка входит и *во вторую сигнальную систему*. Оно (восприятие), следовательно, представляет собой точку, в которой сходятся два способа познания объективного мира: перцептивная деятельность человека и языковая система выполняют одну и ту же роль – роль орудия познания. Первый способ – на перцептивном уровне, когда первичные сенсорные образы, возникающие в мозгу человека, превращаются в перцепты посредством включения в процесс порождения «образов представления» о мире, второй – на концептуально-языковом. И те, и другие знания участвуют в формировании языковой картины мира: первые имеют отношение к экстенционалу, вторые – к интенционалу языковой семантики. В число объектов восприятия входит и сам язык как физическая субстанция, имеющая письменную (объект зрения) и устную (объект слуха) формы существования. Объектом тактильного восприятия является азбука (точнее шрифт) Брайля для обучения чтению слепых.

Реальный мир, с одной стороны, обуславливает появление и использование тех или иных языковых форм, а с другой – язык оказывает определенное воздействие на восприятие отображаемой действительности носителями того или иного конкретного языка и на их языковую картину мира.

Таким образом мы можем сделать вывод, что восприятие – это часть нашего перцептивного, когнитивного и аффективного опыта.

1.3. Категория значения с когнитивной точки зрения

Основным элементом языка является слово и его лексическое значение, в нем отражается и веками хранится социально-

исторический опыт носителей данного языка. Передача лексических значений осуществляется на коммуникативном уровне, именно на этом уровне оно представлено наиболее полно, многообразно, во всех его разновидностях и комплексном взаимодействии.

Проблема, связанная с категорией значения, широко исследовалась как отечественными [Ю.Д. Апресян, Р.А. Будагов, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, И.М. Кобозева, М.В. Никитин, А.А. Уфимцева, Л.В. Щерба], так и зарубежными [Ш. Балли, Э. Бенвенист, Л. Блумфилд, М. Бреаль, Л. Вайсгербер, А. Греймас, Б. Потье, Э. Рош, Ч. Филмор] лингвистами, а также учеными, занимавшимися психологией, логикой, семиотикой, математикой [Р. Барт, П. Бриджмен, Р. Карнап, У. Куайн, Д. Льюис, Ч. Моррис, Г. Фреге, А. Черч и др.].

Значение, по словам известного психолога А.Н. Леонтьева, это «обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже в форме умения как обобщенного «образа, действия», норм поведения и т.п.» [Леонтьев 1972: 290]. Многие русские психологи и психолингвисты Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Залевская и др., признавая отражательный характер значения, подчеркивают при этом его процессуальный характер.

В лингвистике известны два основных подхода к определению значения: одни ученые [Ф.И. Буслаев, Г. Пауль, А.И. Смирницкий, А.А. Шахматов, Д.Н. Шмелев] определяют его как психическую сущность, как отражение предметов и явлений действительности в нашем сознании, другие [Л. Вайсгербер, Г. Стерн, В.А. Звегинцев] – как отношение слова к предмету (денотативное значение), к понятию (сигнификативное значение), к другим словам (структурное значение), к сфере или ситуации его употребления (стилистическое или прагматическое значение). Русской лексикологической традиции свойственно глубокое и всестороннее проникновение в сущность слова во всем многообразии его проявлений и сложных взаимосвязей с другими элементами языковой системы. В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, А.И. Смирницкий, Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, З.Д. Попова, И.А. Стернин определяют лексическое значение слова как языковую категорию, детерминированную как языковыми, так и

внеязыковыми факторами. Определение значения как психической сущности также отвечает требованиям современной науки.

Вопрос о природе значения тесно связан также с проблемой знака. Значение, выражаемое словом, есть содержание соответствующего знака. «Рассуждать о значении самом по себе, в отрыве от его носителя, практически невозможно. Ведь значение – сущность идеальная, не данная нам в непосредственном наблюдении. Носителем значения выступает знак – сущность, в отличие от значения материально-идеальная» [Кобозева 2000: 30].

Общественно установленное системное (лексическое) значение – это информация, связываемая с данным знаком конвенционально, согласно общепринятым правилам употребления этого знака в качестве средства передачи информации. Знаки в языковой системе обладают значимостными свойствами и валентностными потенциями, которые находятся в виртуальном состоянии и актуализируются в речи. Роль языка состоит в представлении для речи на основе имеющихся в системе форм большего или меньшего выбора контекстных значений. Значение одной системной формы предполагает определенный диапазон контекстных значений в речи [Гийом 1992: 83]. Такое разграничение языковых и речевых значений основывается на двух лингвистических реальностях: виртуальной (потенциальной) – языковой и актуализированной – речевой. В речевой деятельности свойства языка и речи не суммируются, а интегрируются [Там же: 37]. Система языка структурирована по позиционному принципу, и позиция компонента (знака) определяется по его сигнификативному (понятийному) значению. В употреблении оно (значение) выступает как тот или иной актуальный (речевой) смысл, как информация, связываемая с данным знаком в сознании носителя языка в определенный период времени в определенном контексте (ситуации) [Мерзлякова 2003: 13].

Семасиологическое и смысловое значение общего содержания знака находится в отношении дополнительного соответствия. Соответствие как определенное отношение между взаимодействующими сторонами знака является фундаментальным свойством его организации. Оно предполагает взаимное согласование существенных сторон объекта, их взаимодействие. Соответствие как отношение включает в себя момент изоморфизма,

так как всякое взаимодействие имеет место благодаря некоторому единству сторон. Как правило, соответствие охватывает согласование всяких изменений плана содержания и плана выражения [Минкин 1987: 26-27].

Согласование языкового и речевого значений происходит в рамках знака, а знаковая симметрия / асимметрия устанавливается изначально в пределах означаемого, а не при согласовании самого знака и означаемого. Форма знака остается консервативной, динамично прежде всего его содержание. Согласование плана содержания и плана выражения определяет не только потенциально-речевые, но так же и внутрисистемные свойства знака. Другими словами, существует определенная зависимость между степенью соответствия означаемого и означающего знака и отношением знаков в поле языковой системы. При этом само соответствие становится системообразующим признаком – главным ориентиром при определении структуризации единиц одного уровня языковой системы [Минкин 2000: 19]. Если рассматривать соответствие не как «нечто замкнутое, самодавяющее в себе», а как динамическую характеристику отношений между означаемым и означающим, то соответствие / несоответствие означающего и означаемого не только определяет позицию знака в поле языковой системы, но и указывает на отношение знаков друг к другу, т.е. на их значимости. Языковая система объединяет знаки с экстремальным соответствием / несоответствием означающего и означаемого. Знаки с постоянным соответствием / несоответствием становятся также фактом языковой системы. Очевидно, при полном соответствии как означаемое, так и означающее отвечают сущности определенной лингвистической категории, такой знак концентрирует основные категориальные признаки и располагается в центре соответствующего поля языковой системы [Там же].

При анализе отношения означаемого и означающего знака постулируется существование **прототипического знака**, который называет основной концепт, ему присуща полная симметрия двух сторон знака. Прототип имеет подтиповые знаки, в которых отмечается некоторый сдвиг (несоответствие) означаемого и означающего. При этом изменение в соответствии означаемого и означающего маркирует определенную позицию на некоторой периферии от центра.

Одно из открытий когнитивной науки состоит в том, что в основе категоризации, ключевого процесса познавательной деятельности человека, лежит нежесткий принцип прототипичности, предполагающий рассмотрение категории в единстве центральных (прототипических) и периферийных признаков. Центральные признаки образуют содержательное ядро слова, его прототип, который остается неизменным несмотря на наличие других актуальных значений. Прототипическая организация значения в естественных языках, характеризующаяся отсутствием четких границ между различными лексико-семантическими группами, некоторой размытостью семантики словесных знаков, ее лабиальным характером, и тем самым оптимальным образом удовлетворяет таким принципам прототипичности как гибкость, нежесткость и вместе с тем структурная стабильность.

Существенной особенностью классификации языковых значений является их многоаспектность: при их исследовании принимаются во внимание самые разнообразные признаки слова (семантические, функционально-синтаксические, формально-грамматические, деривационные и др.). Если под отдельным значением слова понимается **семема**, то материальной стороной слова является **лексема**, а семантема – это совокупность значений многозначного слова как структуры. В.Г. Гак определяет семантему как «неизменяемую смысловую единицу на уровне плана содержания» [Гак 1966: 14]. Семантемы условно представляют собой совокупности (комплексы) связанных друг с другом значений полисемантического слова, т.е. глобальное содержание лексемы (словоформы).

Лингвисты признают неоднородность лексического значения. Одни ученые [Городецкий 1969; Комлев 1969; Шмелев 1973; Косовский 1975; Уфимцева 1986; Винокур 1990; Кобозева 2000; Кузнецов 2000; Новиков 2001] считают, что в семантике слова представлены денотативный, сигнификативный, прагматический, синтаксический, стилистический, эмоциональный, оценочный, культурный, национально-культурный, структурный, эмотивный и другие компоненты значения. Из разнообразия выделяемых аспектов обязательными являются денотативный и сигнификативный компоненты. По мнению других ученых [Арнольд 1973; Васильев 1990; Гинзбург 1979; Гайсина 1981;

Стернин 1985], в структуре значения выделяются макрокомпоненты и микрокомпоненты. Макрокомпоненты определяют основную специфику семантики слова и могут быть выделены через семантические оппозиции лексических единиц. В лексическом значении исследователи выделяют два макрокомпонента: денотативный и коннотативный.

Денотативный макрокомпонент – основной компонент лексического значения слова, представляющий собой основную предметно-понятийную коммуникативно значимую информацию, он указывает на свойства, признаки предмета номинации.

Коннотативный макрокомпонент значения выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова, а также несет другую дополнительную информацию, например, функционально-стилистическую, характеризующую принадлежность слова к тому или иному функциональному стилю.

Денотативный и коннотативный макрокомпоненты вычленяют в своем составе микрокомпоненты. Значение слова базируется на представлении о нем как сложной многокомпонентной системе, состоящей из более дробных, чем «значение» единиц. В лингвистике нет единства в определении единого термина для обозначения минимального компонента лексической единицы (ЛЕ), его называют: семантический компонент [Шрамм 1979], дифференциальный признак [Арнольд 1979], семантический признак [Уфимцева 1986], семантический примитив [Вежбицкая 2001]. Для обозначения минимальной единицы содержания используются также термины: «сема», «семантический множитель», «семантический маркер», «атом смысла», «ноэма» и т.д. [У. Вайнрайх, Л. Ельмслев, А. Мартине, Б. Потье, С. Ульман, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, И.М. Кобозева, А.А. Уфимцева]. Большинство лингвистов сходится в том, что термин «сема» более предпочтителен в силу своей краткости и формального соответствия с термином семема, однако они дают разные определения этим двум понятиям. Ряд ученых основывается на равноправии семантических компонентов внутри семемы [Мельчук 1974; Вежбицкая 2001], для других исследователей сема – это элементарный, далее неделимый для языкового сознания компонент семемы, являющийся единицей семантического яруса языка [Васильев 1990: 36; Гак 1972: 394; Новиков 2001: 479].

Наиболее полно типология сем в отечественной лингвистике разрабатывалась в трудах Л.М. Васильева [Васильев, 1990: 91] и И.А. Стернина [1985: 56-73]. И.А.Стернин выделяет семы в составе лексического значения, актуализирующиеся в коммуникативном процессе, определяя их как денотативный, коннотативный и функционально-стилистический микрокомпоненты [ср. Touratier 2000: 62-69].

При сравнении семантически близких слов в сравниваемых словах всегда выделяются одинаковые семы, их называют **интегральными**. Семы, различающие значения сравниваемых слов, называются **дифференциальными**. «Достоинство анализа по семам состоит в том, что он дает возможность четко и полно представить весь объем значения и смысловую структуру языковых единиц, и установить смысловые связи между разными значениями одной единицы, а также между разными единицами» [Гулыга, Шендельс 1969: 2].

Известно, что структура полисемантического слова окрашена идиоэтнически, т.е. имеет сугубо индивидуальный покров [Уфимцева, 1974], для изучения этой структуры учеными разработан метаязыковой аппарат, который служит «шаблоном» при «наложении» одной структуры на другую. Этот шаблон имеет определенный набор характеристик, используемых в качестве признаков для сопоставления. К числу таких характеристик в первую очередь относится семный состав: число сем и их ранжировка.

Проблема содержательного ядра слова постоянно привлекала внимание исследователей, относящихся к школам разных направлений. Авторы многочисленных концепций отмечают идею иерархической организации признаков в составе значений слов, выделяя в значении постоянные и переменные составляющие. Эти различия в лексическом содержании слова у разных авторов рассматриваются по-разному, в виде различных противопоставлений: ближнего и дальнего [Потебня 1958], узкого и широкого [Серебренников 1972], архисемы и дифференциальных сем [Гак 1977], интенционала и импликационала [Никитин 1997]. Комплексный характер плана содержания ЛЕ отмечен в концепции В.М. Никитина. Между реальной действительностью и отражающим ее языковым содержанием находится сознание человека, в котором языковые

значения представлены различными способами (например, наглядно-образным, предметным, операционным, понятийным и т.п.). Они могут быть сведены к трем типам контекстов: экстенсионалу, интенсионалу и импликационалу. В центре **ЭКСТЕНСИОНАЛЬНОГО** контекста находится субъект воспринимающий и думающий, он учитывает кроме семантической, еще когнитивную и прагматическую составляющие лексической единицы, что представлено на рис. 1.

Значение слова		
Когнитивная часть		Прагматическая часть
Контенсиональная часть	Экстенсиональная часть	Импликационал
Ядро: интенционал		
Гиперсема	Гипосема	

Рис. 1. Содержательная структура слова

Структура слова отражена, как мы видим на рисунке, не просто семантической, но и содержательной.

Интенционал проявляется в установлении знаковых отношений, объединяющихся и хранящихся в мозгу в виде ассоциативно-вербальных сетей. В силу взаимосвязей и зависимостей признаков интенционал значения окружен периферией семантических признаков. Эти признаки имплицитуются из интенциональных признаков и образуют информационное поле интенционала – импликационал значения. Интенционал значения формируется гиперсемой и гипосемами. Гиперсема – это общая сема родового значения (архисема, категориальная сема). Она, являясь центральной и иерархически главной в структуре значения, отражает общие категориальные свойства определенного класса. Гипосемы – это дифференциальные семы видового значения, при помощи которых описываются различия и создаются семантические оппозиции между словами.

Импликационный контекст связан с человеком интерпретирующим. Он создается вокруг событий и поступков человека и наполнен личностным и социальным содержанием. Импликационал (прагматический компонент значения, фоновые знания) формирует также аксиологический контекст, актуальный для изучения семантического поля. При исследовании значения

слова учитывается то, что в содержание интенционала входят существенные, главные признаки, в содержание экстенционала – несущественные, второстепенные, а в импликационал – ассоциативные, потенциальные, вероятностные. Когнитивную часть составляет объективированная информация. Прагматическая часть – это субъективное эмоционально-оценочное отношение.

Семантические ассоциации, или коннотации, отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующие в данном обществе, практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы. Они существенно различаются у совпадающих или близких по значению слов разных языков или одного и того же языка.

На возможности расширения значения основывается метод сопоставительного компонентного анализа, который в течение долгого времени применялся в сопоставительных и контрастивных исследованиях. Сопоставительный компонентный анализ содержания лексических единиц двух языков состоит в разложении лексемы на семантические признаки и выяснении того, какие из полученных признаков в их составе совпадают, а какие различаются. В данной работе при монолингвистическом анализе лексических единиц мы используем термин «сема», как компонент значения, отражающий отличительный признак денотата ЛЕ (предмета, явления, процесса) и способный различать значения слов. При сопоставительном анализе глагольной лексики двух и более языков нами используется термин «ноэма», стержневое терминологическое понятие в теории Б. Потье.

Традиционно ноэма понимается как синоним другого более распространенного термина сема, или дифференциальный признак [БЭСЯ 1998: 438], но Б. Потье не объединяет эти два термина, а разъединяет их, соотнося с разными областями исследования: сема связана с монолингвистическими изысканиями, а ноэма – с исследованиями межъязыковыми [Pottier 1987: 9].

Таким образом, лексическое значение слова – это семантика знака (наивное понятие) и та часть его прагматики, которая включается в модальную рамку толкования.

Лексическое значение слова характеризуется нечеткостью, размытостью границ: оно имеет четкое ядро (сигнификативная сторона знака), благодаря чему обеспечивается устойчивость лексического значения слова, и нечеткую периферию. В

лексическом значении слова отражается диалектическое соотношение общего и особенного, устойчивого и подвижного.

В данной работе используется интегральный подход к семантике слова, он позволяет учитывать в единой теории значения все семантические признаки, реально проявляющиеся или могущие проявиться в самых различных контекстах. Учитывая психологически реальное значение лексической единицы, он позволяет объяснить многие явления, связанные с подтекстом, различными уровнями и объемами актуализации и восприятия значения слова, с пониманием его значения.

1.4. Сравнительно-сопоставительные исследования в языкознании

В последнее время в языкознании все большую популярность приобретают сравнительно – сопоставительные исследования. Научные основы сопоставительной лингвистики относятся к концу XVIII – началу XIX в., время, когда благодаря открытию сравнительно-исторического метода языкознание сформировалось как самостоятельная научная область. Одновременно со становлением исторической компаративистики были заложены основы сопоставительного исследования языков на синхронном уровне. Дальнейшее развитие сравнительных исследований языков привело к многообразию направлений: если метод сравнения избирается в качестве основы анализа, исследование проводится в русле **сравнительно-исторического** языкознания, объектом изучения которого являются родственные языки; фактор теории является определяющим в становлении **структурной типологии**, отдельно выделяется **лингвистическая компаративистика** (сравнение неродственных языков).

Сравнительно-исторический метод – это совокупность приемов и процедур историко-генетических исследований языковых семей и групп, а также отдельных языков, используемых для установления исторических закономерностей развития языка. С помощью этого метода прослеживается диахроническая эволюция генетически близких языков.

Соотношение генетических связей и типологических сходений между языками исследует **сравнительно-сопоставительное**

языкознание. В качестве определяющих признаков сравнительного исследования языка выделяются следующие:

1) характер объекта сравнения (родственные, неродственные, близкородственные языки, национальные варианты, диалекты, профессиональные языки и т.п.)

2) цель сравнения (анализ степени родства языков, поиск универсалий, установление эквивалентности и межъязыковых соответствий);

3) направление сравнения (синхрония / диахрония);

4) теория как система научно-обоснованных характеристик объекта сравнения;

5) метод как система приемов сравнительного анализа [Конецкая 1993: 6-7].

Анализ имеющихся работ по **сопоставительной лингвистике** на материале разных языков позволяет выделить несколько направлений исследования: классификационный, универсологический, характерологический, признаковый, внутрисистемный, контрастивный.

При применении метода **универсалий** изучаются черты, присущие языкам мира или их отдельным группам. Языковая универсалия определяется как некоторый признак, закон, свойство, тенденция, присущие большинству или всем языкам: «...это единообразный, изоморфный способ выражения внутрисистемных отношений языковых элементов, или однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира» [Серебренников 1972: 5]. Наличие языковых универсалий свидетельствует об определенной универсальности видения мира у народов, говорящих на разных языках. Ш. Балли еще в начале XX столетия высказал мнение о существовании единого общеевропейского менталитета, отраженного во взаимном переплетении языковых картин мира, возникшем в результате заимствований и калек [Балли 1955: 51-52].

Согласно **классификационному** подходу все языки мира по одному какому-либо признаку разграничиваются на группы языков. Известны генеалогическая, ареальная, морфологическая классификация, единицами которых являются языковая семья, языковой союз и класс языков.

В сравнительных исследованиях применяются следующие методы: диахронический, синхронический, синхронно-диахронический; типологический, характерологический, сопоставительный и его модификация – фронтативный или контрастивный.

Сопоставительный метод – это исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности (системной идиоматичности) [БЭСЯ, 1998: 481]. В сопоставительном языкознании изучению подвергаются любые языки, сравниваются два или более языков независимо от их генетического родства или ареальной принадлежности, выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему, устанавливается специфика системной организации микросистем в изучаемых языках. Цель сопоставительного исследования – обнаружение сходств и различий подсистем разных языков, при этом одноименные подсистемы сравниваемых языков могут изучаться и описываться автономно, как, например, в настоящей работе, глаголы восприятия в трех западно-романских языках вначале исследуются в каждом языке отдельно, затем результаты описания подвергаются сопоставлению.

В процессе сопоставления языков устанавливаются их общие черты, что приводит к выявлению лингвистических универсалий, изучение которых занимает видное место в теории языка. Ученые, исследующие типологические черты сравниваемых языков, стремятся выявить их, как на системно-языковом уровне, так и на уровне национально-культурной специфики и даже на уровне языкового сознания [Кириллова 2003].

В начале развития сопоставительного направления анализ материала сосредотачивался только на данных языковой системы, на сопоставлении отдельных лексем, морфологических категорий и синтаксических конструкций, но в последние два десятилетия ученые все больше обращаются к сопоставлению языкового воплощения речевой деятельности [ср. Гак 1988: 17; Wierzbicka 1992]. И в том, и в другом случае сопоставительные исследования показывают, какими специфическими средствами выражения в сравниваемых языках обозначается один и тот же концепт, одна и та же пропозиция или один и тот же речевой жанр, иными словами, обобщенный тип речевого акта [Гладков 1994:19]. В подобных

исследованиях в качестве третьего члена сопоставления выступает семантическая категория. С этим связана и вторая задача сопоставительной лингвистики, которая заключается в выявлении эквивалентных соотношений между сравниваемыми языками. Предпосылкой установления эквивалентов является референтная идентичность языковых номинаций в сравниваемых языках. Отражая тождественные денотаты, каждый язык характеризуется автономностью своего конкретного кодирования, поэтому для установления эквивалентных соотношений учитывается весь диапазон разноуровневых средств выражения в каждом из сопоставляемых языков: морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные, типологические.

Чешский лингвист Вл. Скаличка справедливо заметил, что типология – самый древний, хотя и менее других разработанный раздел языкознания [Скаличка, 1963: 19]. Общая неразработанность проблем типологии и типологического метода обусловлена во многом тем, что общепринятого определения целей и задач подобного подхода к изучению языка до сих пор не существует.

Сравнительная типология не ограничивается грамматическими системами и грамматическими категориями, большое место в этом направлении занимает изучение лексики. Традиционным примером уже разработанного системного описания лексики в типологическом плане можно считать знаменитую работу Б.Берлина и П. Кея о поле цветообозначений (Berlin, Key 1969).

Если в курсе лексикологии лексика составляет объект наблюдения, то в курсе сравнительной типологии «...она выполняет роль своеобразного инструмента, позволяющего получить некоторые представления об особенностях языковой реакции носителей исследуемых языков на аналогичные ситуации. Цель рассмотрения лексики в курсе сравнительной типологии состоит в изучении через язык языкового или, как принято говорить, вербального мышления его носителей» [Репина 1996: 13].

Разработка типологии значений – на материале как одного, так и нескольких языков важна для развития семантической теории языка. Типологический метод позволяет глубже понять различия во внутреннем устройстве сопоставляемых языков.

Одним из направлений в русле сопоставительного языкознания, активно разрабатываемом в последние два

десятилетия и ставшим самостоятельной областью языкознания является **контрастивная лингвистика**, сложившаяся в середине 20-х годов на базе типологии. Контрастивная лингвистика представляет собой синхроническое описание исследуемых явлений. С одной стороны, она основывается на общих подходах к аналитическому сравнению языков в плане присущих им сходств и различий, а с другой – включает поиск межъязыковых соответствий в конкретных языках, являющихся объектом сопоставления [Гвишиани 2004: 59 – 72].

В контрастивной лингвистике изучаются:

- 1) не любые языки и не в любом количестве, а только два языка: исходный язык и язык сопоставления;
- 2) не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка;
- 3) лексические единицы исследуются не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке.

Если целью сопоставительной типологии является выявление языковых универсалий, то контрастивная лингвистика занимается, выявлением различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом. Главное при этом – выявление различий, сходства выявляются автоматически [Стернин 2004: 17]. Последнее утверждение проф. И.А. Стернина неоспоримо, но при исследовании перцептивной лексики следует учитывать обстоятельства связанные прежде всего с универсальной природой реально существующего процесса восприятия действительности человеком, который в исследуемых языках может быть отражен во многом одинаково. Следовательно, при поиске отличий мы можем находить большое количество сходных тенденций.

В первой половине XX века появился новый метод исследования, который был назван его создателем В. Матезиусом **лингвистической характерологией**. Цель метода была определена автором как выявление своеобразия конкретного языка, его **идиоэтнических** черт, характерных особенностей в сравнении с другим (другими языками). Автор также обосновал место данной дисциплины среди других лингвистических методов. «Если задача описательной лингвистики, – пишет В. Матезиус, – дать полный перечень всех формальных и функциональных элементов,

существующих в данном языке в данный период его развития, то лингвистическая характерология имеет дело лишь с важными и фундаментальными характеристиками данного языка в данный момент времени, исследует их на общелингвистической основе и пытается выявить отношения между ними» [Матезиус 1989: 18-26].

В дальнейшем этот метод разрабатывался в рамках Пражской лингвистической школы последователями В. Матезиуса [Сгалл, Новак 1959; Скаличка 1963] и применялся при исследовании различных языков в различных странах в аспекте «один язык в зеркале другого» по выражению В.Г. Гака [Гак 1977; 1988].

Характерология в зависимости от предмета анализа может быть внутриязыковой, она исследует внутреннюю типологическую специфику конкретного языка, и межъязыковой, когда рассматриваются определенные явления в группе языков, объединяемых чаще всего по признакам генетического родства. Характерология может быть ориентирована на языковую систему в целом или на отдельные звенья этой системы, как в данном исследовании.

Сравнение как универсальный прием лингвистических исследований является доминирующим и в характерологии, которая, являясь относительно автономной типологической дисциплиной, исследует системные явления, выявляя между ними имплицативные отношения. В.Ф. Васильева отмечает, что имплицативные отношения имеют разную системную «протяженность». Они способны проявляться как на одном участке языковой системы, так и на нескольких, имея сквозной характер. Их разная интенсивность в родственных языках обуславливает межъязыковую асимметрию на аналогичных уровнях языковых систем, тем самым, придавая своеобразие смысловому содержанию информации, реализующейся в семантических структурах каждого языка [Васильева 2003: 8].

Сравнительные исследования языков выходят в настоящее время на новый виток: после периода их изучения структурными методами наступил период когнитивного подхода [см. Slodzuan 1997: 14-24].

Известно, что **романские языки** в сравнительно-исторических и сопоставительных исследованиях разных языковых групп пользовались особым вниманием лингвистов. Предметом их

рассмотрения были и остаются все уровни языка: фонетика, грамматика и лексика.

Одно из наиболее ранних и интересных наблюдений, касающееся общности и различий западно-романских языков принадлежит Данте Алигьери, отраженном в трактате «О народном красноречии» («De vulgari eloquentia»), написанном в 1303-1305 гг. В нем впервые предпринята попытка установления общности происхождения известных поэту родственных романских языков и их классификация. Суждения автора в данной работе отражают его интерес не только к грамматическим и общеязыковым явлениям, но и к их лексике [Данте 1968].

В конце XV- начале XVI века в связи с формированием национальных литературных языков в романских странах начинают создаваться грамматики и словари нормативного характера. Первой грамматикой такого рода была испанская грамматика А. де Небрихи. Самое полное описание итальянского языка появилось в начале XVII века в капитальном труде Б. Буоматтеи «Della lingua toscana». Во Франции наиболее значительными трудами в XVI веке явились грамматики Л. Мегре и Р. Этьенна.

Что касается лексики романских языков, то дальнейшее накопление сведений о ней осуществлялось не иначе как путем случайных и изолированных наблюдений, пока для установления норм литературных языков в XVI – XVII веках в Италии и Франции и в XVIII веке в Испании не были созданы Академии, которые начали разрабатывать и издавать свои словари. В это время появляются ценные труды по этимологии, обосновывается латинское происхождение испанского, португальского, французского и итальянского языков. Но прошло не одно столетие, прежде чем изучение романской лексики в сравнительном плане получило прочную основу. Вплоть до середины XIX века интерес к общим проблемам романского словаря ограничивался эмпирическим сопоставлением лексических элементов, соотносимых в смысловом и материальном аспектах. Примером такого подхода может служить исследование члена Французской Академии Ф. Ренуара [Raynouard 1844]. Его работы стали фундаментом подлинно научного подхода к проблемам романской лексики. Очень важными для развития романистической школы явились работы немецкого филолога Ф. Дица, основоположника научного романского языкознания. Романо-латинские архетипы,

восстановленные школой Ф.Дица, были подтверждены письменно зафиксированными фактами в публикациях вульгарной (народной) латыни. Романский лексикон в них представлен с точки зрения его происхождения [1887]. Дальнейшее развитие романистики связано с именами ряда испанских, итальянских, французских, русских и австрийских филологов [Г. Асколи, Г. Грёбер, В. Мейер-Любке, Г. Парис, Г.Зольфс, М.В.Сергиевский, Г. Шухардт].

Исследования романского лексикона проводились с применением количественного сопоставления данных, характеризующих этимологические основы романского лексикона. Так, М.В. Сергиевский установил, что из общего числа зарегистрированных у В. Мейер-Любке исконно латинских слов, за вычетом разного рода заимствований (ок. 6700), только 1300 нашли свои отражения во всех романских языках. Около 3900 единиц являются общими лишь в нескольких романских языках, и около 1500 отмечены как свойственные только отдельным романским языкам [Сергиевский 1946: 32]. Впрочем, автор предупреждал, что эти данные нельзя принимать за абсолютные.

Сравнительные исследования лексики романских языков получили свое развитие в первой половине XX века в связи с потребностями преподавания и перевода. Одним из наиболее активных центров таких исследований стала разноязычная Швейцария, где благодаря исследованиям Ш. Балли был заложен фундамент сопоставительного изучения французского языка с другими языками. Эти исследования привели к важным выводам: обнаружилось, что недостаточно постичь значения слов, их строение или сочетаемость. Неповторимость и своеобразие языка связаны не только с тем, имеются ли те или иные слова в языке, но еще в большей степени они зависят от закономерностей употребления слов одинакового значения. Более того, сопоставительное изучение лексики языка показало, что своеобразие языковой формы связано еще и с тем, какие понятия при описании одной и той же ситуации фиксируются данными языками [Гак 1977: 6-7]. Вопросы, которые при этом изучались, не уместались в рамках традиционного понимания лексикологии и грамматики, поскольку речь шла не столько о сравнении лексических систем двух языков, сколько о сравнении функционирования этих систем, о соотношении между лексическими элементами и описываемой реальностью. Такие

вопросы издавна относились к стилистике, и написанные в этом плане работы стали называть сравнительными стилистическими. Наиболее значительными из них являются: «Стиль французского языка» Р. Штроемейра. Известны также работы, написанные в сравнительном плане: А. Мальблан «Сравнительная стилистика немецкого и французского языков» [Malblanc 1961], Ж.-П. Винэ, Ж. Дарбельне «Сравнительная стилистика французского и английского языков» [Vinay, Darbelnet 1958] и др. Авторы в этих исследованиях стремились не просто сопоставить отдельные факты, но и выявить общие тенденции в развитии и употреблении словаря французского языка, концентрируя свое внимание на отдельных явлениях, выделяя их своеобразие и характерные особенности языка в сравнении с другими.

Позже появился целый ряд работ, полностью или частично посвященных лексике одного из романских языков, либо лексики одного языка в зеркале другого, где авторы пытались дать общий портрет лексики исследуемого языка. В этот список входят работы: В. Брендаля «Французский язык – абстрактный язык», В. Поллака «Немецкий язык в зеркале французского языка», Ж. Галише «Физиология французского языка», А. Доза «Дух французского языка», А. Миттерана «Французские слова», О. Соважо «Облик французского словаря», также работы Г. Любке, М. Кршепинского, Г. Рольфа. В этом же ключе Ю.С. Степановым написан учебник «Французская стилистика», в которой стилистика современного французского языка дается в сопоставлении со стилистикой современного русского языка [Степанов 1965]. Большинство этих работ ориентировано на отдельное, изолированное слово, объектом исследования в них является набор лексических единиц, зачастую слабо связанных между собой и с общей системой лексики, что в свое время отмечал Р.А. Будагов [Будагов 1963: 19].

В России научный интерес к романским языкам возникает во второй половине XIX века. На романо-германских отделениях университетов в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове начали читаться курсы введения в романское языкознание. Основатель советской школы романистики В.Ф. Шишмарев и академик М.В. Сергиевский стали инициаторами изучения живых романских языков. В 60-е годы в СССР романским сектором Института языкознания Академии наук СССР были предприняты исследования проблемы структурной общности генетически

близкородственных языков. Создан ряд фундаментальных трудов, посвященных сравнительному изучению близкородственных романских языков, ставящих целью выявление системных связей, средств и способов языкового выражения. Вначале была опубликована серия небольших монографий под общим названием «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков». Были изданы работы: М.С. Гурычева, Н.А. Катагощина «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галло-романская подгруппа» [1964]; М.С. Гурычева «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Итало-романская подгруппа» [1966]; Н.А. Катагощина, Е.М. Вольф «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа» [1968], Л.И. Лухт «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык» [1970]. В каждой монографии содержалось синхронно-сравнительное описание определенной группы современных романских языков, этот труд завершился заключительной частью серии, вышедшей в 1972 году под названием «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности» [Лухт 1972]. Исследования показали, что, например, в области фонетического строя в синхронном плане между романскими языками не наблюдается структурной общности, но в сфере грамматики, особенно в аспекте содержания грамматических значений, эта общность проявляется довольно ярко. Следует отметить также монографию М.А.Бородиной «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Ретороманская подгруппа» [Бородина 1973] и монографию Т.А. Репиной «Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский)», написанную гораздо позднее [Репина 1996].

Среди более поздних работ в области сопоставительных исследований романских языков следует отметить следующие труды: «Actes du 1-er Colloque Europeen sur la Grammaire et le Lexique Compares des Langues romanes», изданную в 1984 году, книгу Reinheimer S., Tastowsky L. «Pratique des langues romanes. Espagnol, francais, italien, portugais, roumain» [1997], и вышедший в 1996 году труд Р. Познера «The Romance language» [Pozner 1996].

В настоящей монографии исследуются перцептивные глаголы в трех западно-романских языках, но анализ материала и научной

литературы показал, что базой, основой исследования целесообразно взять французский, как исходный язык сопоставления. Причины такого выбора кроются в следующем: французский язык развивается и разрабатывается весьма активно начиная с эпохи Возрождения. Французская грамматика Пор-Рояля сыграла выдающуюся роль в становлении романского языкознания. Компаративисты и немецкие младограмматики, работая во второй половине XIX века в основном с французским языком, внесли значительный вклад в развитие теории языка. В начале XX века Франция становится одной из ведущих лингвистических стран. Именно в это время проявляются значительные достижения французской национальной школы, в которой определяющую роль для развития лингвистики имела деятельность А. Мейе и Ж. Вандриеса, учеников Ф. де Соссюра, под влиянием идей которого возрос интерес к описанию современного состояния романских языков. Благодаря Ф. де Соссюру в 20-40-е гг. значительно интенсифицируются исследования романских языков как в синхронном, так и историческом аспектах. Идеи Ф. Соссюра получили развитие в ряде работ по грамматической структуре современного французского языка, среди которых наибольшую теоретическую значимость имеют научные труды Ш. Балли.

В 30-е годы XX века Г. Гийом заложил основы психосистематики, учения, в котором делается попытка объяснить функционирование единиц языка в речи наиболее общими направлениями движения человеческой мысли. Французская лингвистика 40-60-х годов в лице Л. Теньера, Э. Бенвениста, А. Мартине внесла значительный вклад в развитие мировой лингвистической науки. Структурные методы анализа нашли свое применение прежде всего на материале современного французского языка [К. Тогебю, П. Гиро, Ж. Дюбуа, О. Соважо и др.].

Лексика французского языка была всегда предметом пристального внимания со стороны лингвистов многих стран. В сотнях статей, монографий, диссертаций исследованы многие частные и общие вопросы французской лексикологии. Так, в Советском Союзе по свидетельству М.А. Бородиной только за 15 послевоенных лет было опубликовано более 150 работ, посвященных различным сторонам французской лексики [Borodina et al., 1962]. С тех пор не перестают выходить новые труды, ежегодный выпуск их все увеличивается. Во французской

лингвистике, на наш взгляд, наиболее четко и ясно прослеживаются самые современные тенденции развития лингвистической науки, в связи с чем, выбор французского языка в качестве основы исследования представляется вполне оправданным. Проблема взаимопонимания носителей романских языков и попытки лингвистов ее решения являются весьма актуальными в европейских странах. Так, во Франции, например, проблемой межъязыковой коммуникации занимается исследовательская группа, работающая по программе InterRom, деятельность которой по развитию контактов между языками западной части Романии освещена в специальном выпуске лингвистического сборника «L'intercomprehension: le cas des langues romanes» [1997]. В этом сборнике можно отметить статьи Б. Потье «La parente des langues romanes» [Pottier 1997: 75-82] и статью Ж.Руссо «L'escalier derobe de Babel» [Rousseau 1997: 38-45].

Первые работы по лексике восприятия были написаны в конце 60-х годов XX столетия. Приведем, к примеру, работу Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay 1969]. Эта монография стала ориентиром для всех дальнейших изысканий в этой области. Анализ имеющихся в настоящее время работ по глаголам восприятия (ГВ) на материале разных языков позволяет выделить несколько направлений исследования.

1. Диахронические исследования, посвященные онтологии данных глаголов. Так, в 1972 году была издана фундаментальная монография В.В. Макарова «Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков». Исследование было проведено в диахроническом ключе с использованием сравнительно – исторического метода. Эта работа В.В.Макарова посвящена глаголам восприятия в латинском языке и их развитию в новороманских языках. В этой работе латынь служит одновременно и типологическим эталоном в сопоставлении романских языков, и их генетическим источником [Макаров 1972: 76]. В.В. Макаров отмечает, что типологическое изучение структур родственных языков представляется весьма перспективным, так как при наличии значительных совпадений легче проследить степень своеобразия каждого отдельного языка, различия в функции генетически тождественных элементов и т.д. [Там же]. В монографии проводится анализ лексической дивергенции

романских языков и рассматриваются различные пути семантической эволюции латинских этимонов глаголов восприятия.

2. В изысканиях, осуществленных в рамках типологических исследований глаголов восприятия, следует отметить работы А. Роджерса [Rogers 1971] и Т. Скоувела [Scovel 1971]. Т. Скоувел, например, исследовал глаголы восприятия пяти языков: английского, французского, испанского, тайского и китайского.

Наиболее полное исследование ГВ в типологическом аспекте было проведено О. Вибергом. Автор собрал и проанализировал данные 53 языков, представляющих 14 различных языковых групп. Одним из важных результатов его работы явилось описание иерархии сенсонных модальностей. На первом месте ученый ставит зрение, за ним идет слух, далее осязание, обоняние и вкус [Viberg 1983]. Обратим внимание также на исследования А. Гудавичюса [1985], Л.Г. Ерасовой [1973]. В сравнительных изысканиях в области семасиологии большой интерес представляют книги Р.А. Будагова «Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки)» [Будагов 1963]; «Типы соответствий между значениями слов в родственных языках» [Будагов 1968]; «Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал» [Будагов 1985]; «Язык и речь в кругозоре человека» [Будагов 2000]. Во всех этих работах анализируются в том числе и глаголы восприятия.

В его последней монографии за основу анализа берется не одно какое-либо слово или группа слов, но общая семасиологическая категория: многозначность и экспрессивность в слове и в словосочетании и т.д. Такой подход, проведенный последовательно во всей работе, позволяет глубже и полнее отразить специфику исследуемых романских языков.

Типологический подход при сравнении лексики двух неродственных языков: французского и русского получил в нашей стране наиболее полную и последовательную.

3. Анализ лексических и синтаксических свойств лексики восприятия и глагольных сочетаний на материале разных языков [Виллюман 1971; Кретов 1982, 1984, 1987; Моисеева 1998 и др.], сравнение глаголов восприятия на материале неродственных языков [Duras 1997]. В университете Пуатье (Франция) также проводятся исследования глаголов восприятия на синтаксическом и

семантическом уровнях. Так, на материале французского и английского языков в 2003 г. издан научный сборник «Verbes de paroles, de pensee et de perception».

4. В когнитивном аспекте глаголы восприятия исследовались в работе Теодоры Кристевой [Cristeva 1987], монография Ж. Франкеля и Д. Лебо [Franckel et Lebaud 1990], в монографии Шанталь Дюпас «Perception et langage» [Dupas 1997]. В последней проведен анализ функционирования глаголов зрительного и слухового восприятия на материале неродственных языков: английского и французского языков.

Следует подчеркнуть, что почти все лингвисты, занимающиеся проблемами общей семасиологии, не прошли мимо глаголов восприятия. Так, в аналитической монографии румынского лингвиста Й. Йордана «Романское языкознание» автор обращает внимание на своеобразное употребление латинского этимона *audire* в разных романских языках [Йордан 1971]. Вышли работы: J. Grimm «Die fünf Sinne//Zeitschrift fur deutsches Altertum»; F. Bechtel «Ueber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprache»; V. Machek «Verbes slaves pour designer les cinq sens» [Machek 1955]; C. Buck «A dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages. A contribution to the history of ideas» [Buck 1949]; A. Meillet «Introduction a l'etude comparative des langues europeennes» [Meillet 1964]. Я.И. Чобану «Семантика романского глагола (историко-семасиологическое исследование)» [Чобану 1985]. Издана книга испанского исследователя Г. Ньолона на материале трех романских языков «Materiales para el estudio lexico contrastivo del espanol, del frances y del italiano» [Nolon 1985], опубликована книга В. Дитриха «El aspecto verbal perifrafico de las lenguas romanicas» [Dietrich 1983].

В отечественной лингвистике в 70 – 80-х годах на материале романских языков появились работы, посвященные теме «восприятие» [Ерасова 1973; Токаревич 1987]. В работе Е.Д. Емшановой рассматривается фразообразовательная активность французского глагола, исследование проведено на материале глаголов зрения [Емшанова 1988].

Но следует все же подчеркнуть, что глаголы восприятия в романских языках в сопоставительном плане в синхронии исследовались недостаточно.

1.5. Генетическая эволюция семантики глаголов восприятия в западно-романских языках

Известно, что родственные языки имеют единый источник происхождения, но лексика родственных языков, сформированная из этого источника по мере развития национальных языков, в силу лингвистических, географических, социальных и культурно-исторических причин начинает функционировать в каждом из них настолько своеобразно, что это не дает возможности констатировать семантическое и стилистическое единство лексем генетически однородных. В этих языках в процессе их эволюции происходит существенная дифференциация, они начинают отличаться и друг от друга и от языка-источника.

Лексико-семантическое поле глаголов восприятия характеризуется в западно-романских языках признаками многообразной общности. Эта общность определяется в значительной мере прямым продолжением в романском материале тех свойств, которые были присущи соответствующим глаголам в языке-источнике, в латинском языке. В данном случае имеются в виду моменты материального порядка. Сохранившиеся в сопоставляемых языках латинские лексические типы такие, как, например, *lat. vedere* (>*fr. voir, it. vedere, esp. ver*), *percipere* (>*fr. percevoir, it. percepire, esp. percibir*), *sentire* (>*fr. sentir, it. sentire, esp. sentir*) и др., придают изучаемой лексике черты сходства, которые тем ярче, чем ближе семантические и функциональные позиции соответствующих глаголов в сопоставляемых языках. В этом плане следует отметить актуальность для романской сопоставительной лексикологии исследований, подобных работам М.В. Сергиевского и Г. Зольфса, в которых дифференциация романского словаря оценивается прежде всего в материальном аспекте. Во многих работах, посвященных сравнительному изучению романских языков, вопрос о дифференциации романской лексики рассматривается именно в этом ключе. Задача, поставленная в данной работе, не только установить, какие элементы объединяют или, наоборот, разъединяют романские языки в плане их материального отношения к исходному языку, но и выяснить, как соотносятся между собой романские языки с точки зрения системной организации словаря, учитывая, как говорил А. Мартине, что каждый язык характеризуется как таковой (тем

самым противопоставляясь любому другому языку) прежде всего внутренней организацией «*sui generis*» [Мартине 1960: 90].

Глаголы восприятия, объект исследования в данной работе, являются материальными выразителями связи перцепции и языка, которая в биологии связана с сенсорными областями пяти чувств – зрительной, слуховой, обонятельной, вкусовой и осязательной. Эти общественно закрепленные формы, которыми обозначены элементы сенсорного опыта (операции восприятия и осознания), Вокруг них группируются все остальные, относящиеся к данной (перцептивной) категории объекты (т.е. их синонимы). Их звуковая форма восходит к латинским глаголам, но значения этих глаголов в большинстве случаев претерпели существенные изменения в ходе и по причине историко-социального развития.

При анализе лексических отношений в романских языках отмечаются три известных направления: первое – сплошное парадигматическое обследование с целью выявления количественного соотношения исконно латинских слов, продолжающих существовать в романских языках, оно проводится на базе двух знаменитых этимологических словарях, остающихся основными источниками исследования романских языков: это словарь Ф. Дица [1878] и «Этимологический словарь романских языков» В. Мейер-Любке [Meurer-Lubke 1935].

Второй подход – ономасиологический, в нем продолжается направление, заложенное в трудах Квадри и Рансона [Quadri 1952; Renson 1962], исследование обозначений одного и того же понятия в романских языках. Третье – представлено работами акад. Р.А. Будагова и его учеников, выявляющих внутренние, смысловые аспекты романского лексикона, объединяющего не только цельнооформленные лексемы, но и устойчивые раздельнооформленные единицы. Р.А. Будагов первым в нашей стране обратился к сравнительно-семасиологическим исследованиям. Ученый отмечает: «Лингвисты стали больше обращать внимание на интернациональные и универсальные тенденции языков и меньше всего – на их национальное своеобразие. Это понятно, но это неправомерно. Только тщательно изучая особенности каждого национального языка, можно осмыслить и универсальные тенденции, свойственные данному языку или данным языкам» [Будагов 1985: 129 и сл.].

Латинский словарь, являясь исходной базой и лексико-семантическим эталоном для изучения романских языков как хорошо изученный и постоянный компонент сравнения, приобретает особое значение в системе исследовательских средств. С одной стороны, латинский язык воспринимается как начальная веха в исторической перспективе разветвления романских языков и как фон, на котором прослеживаются особенности их развития, а с другой, использование латинского языка является существенным элементом методической структуры исследования.

Существуют разные точки зрения о разделении Романии на зоны по родству языков. Одна из них – наличие двух языковых зон на этой территории: западной и восточной. К последней, например, относится румынский язык не только по причине значительного процента в нем нероманской лексики (ср. лексемы '*роза*', '*сок*, *напиток*' в трех исследуемых языках: fr. *rose*, *jus*, esp. *rosa*, *jugo*, it. *rosa*, *succo* и roum. *trandafir*, *zeamă*), связанной с семантической бифуркацией самой латинской лексики на две зоны, две части ее наследственного лексического фонда. Они разделяются на основании специфического выбора лексем, обозначающих одно и то же понятие.

Разнонаправленное развитие многих лексических групп отмечается не только в названных двух зонах, но и в самой среде западно-романских языков. Яркий пример этой эволюции представляют глаголы восприятия, которые еще в латинском языке развивали полисемию путем обозначения не только сенсорных, но и других модусных состояний субъекта. Так, молдавский лингвист Я.И. Чобану в исследовании, посвященном лексико-семантической группе глаголов знания в латинском и романских языках, установил, что благодаря гипонимическим связям в эту группу включены и глаголы восприятия. Ряд глаголов восприятия, расширив свой экстенционал за счет эпистемических сем, присоединился к группе глаголов семантического поля «знание» [Чобану 1985: 110].

В языке не только слова образуют систему, но и различные значения внутри полисемантических слов тоже формируют своеобразную систему. Чтобы истолковать каждую микросистему полисемантического слова, нужно обратиться к макросистеме всей лексики исследуемого языка. Так, на вопрос, почему итальянское *sentire* означает прежде всего '*слышать*', а французское '*sentir*' не

имеет такого осмысления, ответ надо искать в глаголах – конкурентах, вступающих в те или иные контакты и оппозиции с интересующим нас lat. *sentire*. В частности латинский глагол *intendere* ‘*натягивать*’ во французском языке приобрел значение ‘*слышать*’ *entendre*, а в итальянском – ‘*понимать*’. У итальянского *intendere*, первоначально шагавшего в ногу с французским *entendre*, позже значение ‘*слышать*’ ослабело, и, соответственно, освободившееся значение занял глагол it. *sentire* ‘*слышать*’, что привело к семантической оппозиции lat. *sentire* - *intendere*. В реальном функционировании языка оппозиции обычно бывают многоплановыми. Одно слово противостоит и взаимодействует со многими словами одновременно [Будагов 2000: 238].

На примере приведенных глаголов мы видим, что в семантике членов этой группы проявились национальные черты, присущие семантике отдельных исследуемых языков.

Латинские глаголы восприятия и их рефлексy в романских языках подробно описаны в словаре С. Бака [Buck 1949], который опираясь на данные трудов таких авторитетных ученых, как Ф. Диц [Diez 1887] и В. Мейер-Любке [Meyer-Lubke 1935], и применяя метод поля, прослеживает развитие романской сенсорной лексики западных и восточных романских языков. Вслед за своими предшественниками и в соответствии с характеристиками сенсорной системы человека С.Бак выделяет в СП глаголов восприятия группы **субъектных** и **объектных** глаголов. Первые подразделяются на а) глаголы пассивного восприятия, куда входят субъектные латинские глаголы: *videre* ‘*видеть*’; *audire* ‘*слышать*’; *olfacere* ‘*обонять*’; *sapere* ‘*ощущать на вкус*’; *tangere* ‘*осязать*’, и б) глаголы активного восприятия: lat. *Mirare, aspicere* ‘*смотреть*’; *auscultare* ‘*слушать*’; *odorari* ‘*нюхать*’; *gustare* ‘*пробовать на вкус*’; *temptare (tentare)* ‘*ощупывать*’.

Исследование глаголов активного восприятия в латинском языке показало, что не все глаголы этой группы сохранились в новороманских языках, так, глагол *aspicere* не сохранился ни в одном из романских языков. В испанском и каталонском языках в зоне восприятия он был компенсирован перемещением глагола *mirare* из соседней лексической сферы (см. исп. *mirar*). Французский, и итальянский языки заимствовали герм. *waardon* (fr. *regarder*, it. *guardare*). Общий признак этих лексических единиц – подчеркнуто активная направленность восприятия. Активный

аспект зрительного восприятия в латинском языке передается также глаголами: *cernere* 'различать', *considerare* 'осматривать', *contemplari* 'созерцать', *lustrare* 'обозревать', *servare* 'наблюдать' и др. [Guiraud 1964: 8,15].

К объектным глаголам сенсорной сферы в латинском языке относятся: *videri* 'виднеться'; *lucere* 'светиться', 'блестеть'; *albere* 'белеть'; *nitere* 'блестеть', 'сверкать'; *splendere* 'блестеть'; *sonare* 'звучать'; *olere, fragrare, putere, foetere* 'пахнуть'.

Эти глаголы рассматриваются нами с целью оценки степени сохранности исконных латинских элементов семантического поля восприятия в лексике западной зоны романских языков и нахождения признаков, которые помогли бы соотносить словарные значения в новороманских языках с их генетической основой.

Латинское наследие в лексике восприятия романских языков не сводится лишь к материальной стороне. Зависимость романского лексико-семантического типа от латинского источника сказывается и в организации словаря, в частности, в его парадигматическом основании. В соответствии с генетическим прототипом СП глаголов восприятия в трех романских языках опирается на систему гиперо–гипонимических связей, образующих парадигматическую ось данной группы. На фоне этой парадигматической оси можно дать объяснение некоторым сдвигам, которые имеют место в лексико-семантических позициях отдельных глаголов изучаемой группы. Примером может служить эволюция латинского глагола *sentire*, которому в латинском языке принадлежала функция идентификатора, т.е. слова, воплощающего в себе основные признаки глаголов – в нашем случае семантическое поле глаголов восприятия – на парадигматической линии.

При анализе глаголов воосприятия В.В.Макаров вводит понятие «основной лексический репрезентант», что в настоящем исследовании соответствует гиперониму, и понятие «дробный лексический репрезентант», соответствующий гипониму [Макаров 1972: 31-32]. Автор предлагает методы их выделения в семантической структуре глаголов поля восприятия и показывает, как перестраиваются отношения между основными и дробными репрезентантами в семантическом поле романских языков.

В силу конкретных обстоятельств дробные элементы языка-источника нередко становятся основными репрезентантами (гиперонимами) в языке – продолжателе: lat. *mirare* – дробный репрезентант - esp. *mirar* - основной, а в другом языке он остается дробным – fr. (*se*) *mirer*, или lat. *intendere* – дробный репрезентант стал гиперонимом fr. *entendre*. А латинские гиперонимы могут переместиться в разряд дробных, неосновных, как например, латинский глагол *audire* – основной репрезентант микрополя слуха становится гипонимом it. *udire* в итальянском языке, гиперонимом этого микрополя в итальянском становится глагол *sentire*.

Вследствие того, что в самом начале формирования романских языков глаголы восприятия уже приняли в своем развитии направление в сторону «от латинских прототипов», сложились языковые ситуации, характеризующиеся дивергентным развитием будущего семантического потенциала сенсорных глаголов, что было вызвано факторами, достаточно хорошо описанными в романистике: это социально-исторические условия, внешняя система и внутренняя структура языка [Dauzat 1948: 60-61; Степанов 1976: 33), к которым следует добавить и социально-психологические и когнитивные факторы.

В нашей монографии исследуется современный языковой материал: глаголы восприятия, восходят к одному языку – этимону, они имеют общую материальную основу, развивающуюся в постоянном взаимодействии в рамках единой европейской культуры. Этимологические словари отмечают, что ГВ во французском языке были зарегистрированы в эпоху формирования общенародного французского языка в первых письменных памятниках, относящихся к X – XIII векам,. Так, например, глагол *voir* от латинского *vedere* зарегистрирован в книге «La vie de saint Leger» в X веке. От этого же этимона произошли итальянский глагол *vedere* и испанский глагол *ver*.

В XI веке отмечается появление глагола микрополя зрительного восприятия *apercevoir* от латинского *adpercire*, впервые зарегистрированный в поэме «La chanson de Roland», как и глагол *epier*, восходящий к франсийскому *spehon*. Отметим, что итальянский глагол *spiare*, испанский *espiar* относятся к этому же этимону. Французский глагол *guetter* восходит к лексеме *wahton*

франсийского диалекта, он зарегистрирован впервые в XI веке в «Poeme de Saint Alexis».

От лат. *distinguere* произошли глаголы fr. *distinguer*, it. *distinguere* и esp. *distinguir*.

Французский глагол *examiner* от лат. *examinare* зарегистрирован в XIII веке в книге «Regle de Saint Benoit» (ср. итальянский *esaminare*, испанский *examinar*).

Продолжателями лат. *discernere* стали fr. *discerner*, it. *discernere*, esp. *discernir*. К лат. *indicare* восходят fr. *indiquer* (XVI век), it. *indicare*, esp. *indicar*. От латинского *monstrare* произошли fr. *montrer*, it. *mostrare*, и esp. *mostrar* и т.д. [Dauzat 1938, 1993; Zanichelli 1999; Benaben 2000].

Появление глаголов чувственного восприятия в исследуемых западно-романских языках, как мы видим, не было одновременным, так, например, глагол микрополя вкусового восприятия 'дегустировать', 'пробовать на вкус' от лат. *degustare* появился в итальянском языке в XIV веке, а французский *deguster* – только в XIX веке.

У глагола 'смотреть' не наблюдается единообразной картины, каковую мы наблюдали, например, у глагола *видеть* в трех исследуемых языках. Глагол, восходящий к лат. *mirare* находим только в испанском языке: *mirar*, во французском языке ему соответствует глагол *regarder* этимологически восходящий к *wardon*, слову франсийского диалекта Северо-Западной части Галлии [Migliorini 1975], зарегистрированный в XI веке в «Рейхенаузских глоссах», включивших 1200 латинских лексических единиц (ЛЕ), которые толкуются словами живого разговорного языка [Dauzat 1938].

Испанский глагол *cegar* и итальянский *accescare* имеют латинское происхождение, они восходят к латинскому *caescare* [Migliorini, 1975].

Гиперонимом микрополя глаголов слухового восприятия в латинском языке является глагол *audire*, он применяется для обозначения акта пассивного слухового восприятия в субъектном плане. Этот глагол сохранился в полноте своего значения в испанском языке в виде *oir*. Во французском языке продолжателем *audire* является глагол *ouir*, в итальянском языке *udire*. Анализ словарей показал, что во французском и итальянском языках он не имеет той полноты значения, которая была присуща слову –

этимону, он во многом потерял свою глагольную парадигму и значимость, в функциональном отношении он оказался настолько ослабленным, что не представляется возможным считать его полновесным средством выражения значения 'слышать'. В итальянском этот глагол употребляется скорее в высоком стиле [Migliorini 1965], во французском его семантический и грамматический объемы настолько сократились, как отмечает словарь Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui, что он употребляется только в форме инфинитива или причастия прошедшего времени *J'ai oui dire que...* В словарях он маркируется как устар.(vieilli) и применяется в высоком стиле или как термин юриспруденции.

Ouir –1) percevoir les sons par l'oreilles ;

2) recevoir la deposition de: *ouir les experts* [Robert 1993: 707].

В микрополе слухового восприятия сохранились глаголы, развивающие латинский прототип *sonar* 'звучать'. Если в латинском языке он используется как наиболее общее обозначение для звуковых действий: в выражении '*vox sonat*' глагол *sonare* имеет значение 'звучать', в выражении '*tibiae sonant*' – 'издавать звук', глагол *sonare* актуализируется как 'журчать' в выражение '*fons sonat*' и др. [ЛРС 1986: 717]. В итальянском языке продолжателем латинского глагола *sonare* является глаголы *sonare*, *sonorizzare*, что означает '*rendere sonore*' [DGLI 1965]. Во французском языке глагол *sonner*, *sonoriser* актуализируется значение '*rendre sonore ce qui etait silencieux, muet*' [PR 1992: 955]. У итальянского и французского глаголов наблюдается сужение их семантического объема по сравнению с объемом латинского глагола.. В испанском языке семантический объем продолжателя латинского глагола еще более сузился: он стал употребляться как термин: *asonar* 'быть созвучным, ассонировать' [ИРС 1995: 98].

В микрополе слухового восприятия в исследуемых языках сохранился исконный глагол, lat. *auscultare*, связанный с выражением активного слухового восприятия, от него произошли fr. *ecouter*, esp. *escuchar*, it. *ascoltare*. Все они сохранили в основном семантический объем латинского этимона.

Итак, анализ показал, что глаголы зрительного и слухового восприятия в западно-романских языках, входящие в ядро семантического поля восприятия, в основном сохранили связь со своими этимонами, но у большинства этих глаголов произошли

изменения: сокращение их семантического объема, а иногда и грамматических характеристик.

В микрополе осязания в исследуемых языках полное единство воплощения этого участка поля наблюдается у глаголов, восходящих к латинскому этимону *toccare* (см. REW): fr. *toucher*, esp. *tocar*, it. *toccare*. Второй по значимости глагол этого микрополя fr. *tater*, it. *tastare* ‘ощупывать’ восходит к латинскому этимону *tastare*, в испанском языке им соответствует глагол *tentar*, означающий ‘*ejercitar el sentido del tacto, palpando tocando una cosa materialmente*’ [Alonso 1982].

Лексическая репрезентация микрополя глаголов обоняния в латинском языке была довольно развита. Наше исследование показало, что и в латинском и в западно-романских языках наблюдается дробное лексическое воплощение этой семантической области, что отмечается также и другими лингвистами [Buck 1949: 1022]. Смысловым стимулом дробности глаголов обоняния является, как правило, стремление особо выделить аксеологический аспект: негативные и позитивные элементы в семантике соответствующего слова. В латинском языке, как и в других языках помимо основного лексического средства, означающего «*пахнуть*», использовались также глаголы со специализированной семантикой, именно глаголы со значением «*пахнуть хорошо*» и «*пахнуть плохо*». Общее обозначение *пахнуть* в латинском языке актуализируется у глагола *olere*, основного репрезентанта данного микрополя, его дробными репрезентантами являются *fragrare*, *putere*, *foetere*. Глагол *olfacere* ‘*делать пахучим*’ характеризуется нейтральной семантикой, а *odorare* имеет положительные смысловые оттенки.

В итальянском языке для выражения значения ‘*обонять*’ используется глагол *odorare*, восходящий к латинскому *odorari*. Для обозначения *пахнуть* в итальянском языке используется глагол *fiutare*, восходящий к латинским глаголам *flatare* + *flutare* [1979]. При сопоставлении латинского прототипа и его итальянского продолжателя обнаруживаются различия: в семантике у латинского *odorari* главенствует активный аспект восприятия ‘нюхать’, а в итальянском языке слово *odorare* связано с пассивным восприятием.

При сопоставлении латинского глагола *olere* ‘пахнуть’ и испанского *oler*, входящего в микрополе обоняния, отметим, что испанский глагол, сохранив исконное значение прототипа, обогатился еще и значениями ‘обонять’ и ‘нюхать’, т.е. в этом случае у испанского глагола произошло расширение семантического объема у этого глагола.

Значение *обонять* во французском языке передается глаголом *sentir* от латинского *sentire*. Этот глагол является гиперонимом микрополя глаголов обоняния во французском языке, а значение *нюхать* актуализируется у глагола *flairer*, дробного репрезентанта исследуемого микрополя, этимологом которого является латинский глагол *fragrare*.

В микрополе вкусового восприятия значение ‘ощущать на вкус’ в трех исследуемых языках восходят к латинскому этимону *gustare* [см. REW] fr. *gouter*, esp. *gustar*, it. *gustare*. Этот глагол относится к активным глаголом поля восприятия.

В итальянском языке активное восприятие проявляется и у глагола вкусового восприятия *assaggiare*, восходящего к латинскому *exagiare* [Migliorini 1975]. В испанском языке глагол микрополя вкуса *probar* ‘пробовать на вкус’ восходит к латинскому *probare*, актуализирующим значения ‘испытывать’, ‘проверять’, ‘одобрять’, ‘признавать’, ‘хвалить’ [ЛРС 1986: 619]. Будучи многозначным, он относится к семантическим полям умственной деятельности, эмоциональных состояний и этических оценок. Следует отметить, что итальянский глагол *provare* и французский *prouver* в большей степени сохранили значения своего латинского прототипа.

Представим в виде таблицы ГВ латинского языка и их продолжатели в западно-романских языках.

Табл. 1

Глаголы-эквиваленты микрополей обоняния, осязания и вкуса

Lat.	Fr.	Esp.	It.
Toccare	Toucher	Tocar	Toccare
Taxare	Tater	–	Tastare
Temptare	Tenter (не воспр.)	Tentar	Tentare
Olere	–	Oler	–

Sentire (обон., осяз., вкус)	Sentir (обон., осяз., вкус)	Sentir (обон., осяз., вкус)	Sentire (слух, обон., осяз., вкус)
Odorare	Odorer	–	Odorare
Fragrare	Flairer	–	–
Gustare	Gouter	Gustar	Gustare
Probare	Eprouver (не воспр.)	Probar,	Provare (не воспр.)
Exagiare	–	–	Assaggiare

В табл.1 приведены латинские глаголы и их эквиваленты в исследуемых языках, в случае отсутствия эквивалентов отображены лакуны. В таблице также отмечены случаи, когда перцептивные глаголы выступают не в перцептивных значениях, относясь тем самым, к другим СП, это – fr. *eprouver*, *tenter* и it. *provare*.

Для более полного понимания отмеченных явлений, очевидно, следует обратиться к понятию симметрии / асимметрии, превратившемуся, по словам В.Г. Гака, в одну из всеобщих категорий познания, применимую к разным областям науки [Гак 1998: 107].

В.Г. Гак отмечает, что межъязыковая лексико-семантическая асимметрия в западно-романских языках проявляется в двух аспектах: синтагматическом и парадигматическом. Парадигматическая асимметрия состоит в том, что одно и то же латинское слово-этимон в новороманских языках приобрело различные значения и, наоборот, одно и то же значение может быть выражено разными по происхождению словами (семасиологический и ономасиологический аспекты асимметрии). В этом случае асимметрия касается внешней формы в номинации. Анализируя качественно наиболее употребительные слова – понятия в современных романских языках, В.Г. Гак вводит некоторые коррективы в данные о судьбе латинских слов, основанные на этимологическом анализе. Он утверждает, что около четверти всех наименований в романских языках имеют этимологическую общность, примерно одна десятая различна во всех языках, совпадения слов наиболее частотны во французском, испанском, итальянском языках [Гак 1978: 5].

Латинские глаголы восприятия и ГВ в западно-романских языках в основной своей массе многозначны, но в семантическом развитии последних наблюдаются дивергентность: различие в

оттенках значений, в коннотациях, что особенно ярко проявляется в устойчивых словосочетаниях, в идиоматике. Рассмотрим глагол *sentire*, в латинском языке у него актуализируются значения: 1) чувствовать, ощущать (*sentire dolorem* 'чувствовать боль') воспринимать (*sentire varios odores* 'воспринимать (обонять) различные запахи'); 2) узнать, изведать, испытать; 3) думать полагать, считать; 4) быть восприимчивым; 5) выражать свое мнение высказываться [ЛРС 1986: 700-701].

Значения исследуемого глагола относятся в основном к двум модусам: модусу восприятия и к мыслительному модусу. Как отмечает Р.А. Будагов, между модусом восприятия и мыслительным модусом у латинского глагола *sentire* не было никогда большого расстояния, у него с древнейших времен формировались два основных значения: воспринимать с помощью чувств (*чувствовать*) и воспринимать с помощью разума (*понимать*) [Будагов 1963: 180].

Смысловые потенции исследуемого глагола показывают высокую степень подобия со всем полем не только в плане общей ориентации, но и с точки зрения способа организации его семантики. Выразитель обобщенных свойств поля, латинский глагол *sentire* является семантически более емким и функционально более мощным, чем любой другой член поля в отдельности. В его семантической структуре отражены существенные организационные черты представляемого им поля. Являясь главным репрезентантом СП глаголов восприятия в латинском языке, он «цементирует подсистему, обнимая, подобно своеобразной скрепе, ее наиболее характерные признаки» [Макаров 1972: 20].

В западно-романских языках продолжателями латинского *sentire* являются fr. *sentir*, it. *sentire*, esp. *sentir*. Известно, что генетическое родство не предопределяет автоматически структурно-типологического сходства, причем расхождения между языками могут касаться их разных сторон, в связи с чем возникает вопрос об общей типологии этих расхождений, которые определяются характером выбора, аспектом языковой реализации.

Глагол *sentir* во французском языке имеет следующие значения: 1) v.tr. чувствовать, ощущать, испытывать; *sentir la faim* 'испытывать голод'; *sentir ses bras* 'чувствовать боль в руках';

2) сознавать, понимать; *faire sentir* 'дать почувствовать', 'дать понять'; *se faire sentir* 'чувствоваться', 'проявляться';

3) нюхать, обонять; *ne (pas) pouvoir sentir qn* 'не выносить кого-л.';

4) отдавать, припахивать; *ce vin sent son terroir* 'это вино имеет особый вкус';

5) v. intr. пахнуть чем-л., отдавать; *qu'est-ce que ça sent?* 'чем это пахнет?'; 'проявляться'; *cette viande sent* 'это мясо попахивает';

6) чувствоваться, ощущаться; *cela se sent généralement* 'обычно это чувствуется';

7) чувствовать себя; *se sentir bien (mal)* 'чувствовать себя хорошо (плохо)';

8) *se faire sentir* 'чувствоваться', 'проявляться'; *se sentir malade* 'чувствовать себя больным';

9) чувствовать в себе что-л.; *je ne m'en sens le courage* 'у меня на это не хватит смелости';

10) не выносить кого-л.; *ils ne peuvent pas se sentir* 'они не выносят друг друга' [НФРС, 1995: 1005].

Из десяти приведенных значений – восемь относятся к семантическому полю глаголов восприятия, одно значение относится к СП интеллектуальной деятельности и последнее – к семантическому полю эмоций.

Исследование показало, что объем семантической структуры у французского глагола в сравнении с латинским намного сократился: у него остались значения, относящиеся к микрополям обоняния, осязания, вкуса, но исчезли значения, относящиеся к микрополям зрения и слуха. Тем самым глагол fr. *sentir* перешел на более низкий уровень организации СП по парадигматической линии.

Аналогичный испанский глагол имеет следующие значения:

Sentir v.tr. 1) чувствовать, ощущать; 2) чувствовать, испытывать (радость, ненависть); 3) слышать воспринимать; *siento pasos* 'я слышу шаги'; 4) быть чувствительным (о растениях); *sentir las heladas* 'быть чувствительным к холоду (к заморозкам)'; 5) огорчаться, сожалеть, переживать; *lo siento mucho* 'мне очень жаль';

6) судить, иметь мнение; *digo lo que siento* 'я высказываю свое

мнение'; 7) чувствовать, понимать; 8) предчувствовать, предвидеть [ИРС, 1995: 697].

У испанского *sentir* сохранились такие значения, как 'слышать', 'пробовать (на вкус)', 'понимать', 'сознавать'. В его семантической структуре актуализируются значения, относящиеся к семантическому полям интеллектуальной деятельности и эмоциональной сферы: 'предчувствовать', 'предвидеть', 'быть чувствительным' (о растениях); 'огорчаться', 'сожалеть', 'переживать'.

У итальянского *sentire* в «Новом итальянско-русском словаре» [1995] отражены следующие значения:

1. vt 1) чувствовать, ощущать, испытывать; *sentire freddo* 'ощущать холод'; *sentire fame* 'чувствовать голод'; *sentire dolore* 'испытывать боль'; *sentire un sapore* 'чувствовать вкус'; *sentire ammirazione* 'чувствовать восхищение', 'восхищаться';

2) понимать, сознавать; *sentire la propria superiorita* 'понимать свое превосходство'; *sentire la propria incapacita* 'сознавать свою неспособность';

3) слушать; *stare a sentire* 'прислушиваться'; *sentì un momento...* 'послушай-ка...'; *che sento!* 'что я слышу!'; *sentire il polso a qd a) med* 'прощупать пульс у кого-л.'; б) fig 'выяснить настроение (замыслы кого-л.)';

4) слышать; *non sentire* 'не слышать (о глухом)';

5) слушаться (+G); следовать (+D); *sentire un consiglio* 'слушаться совета', 'следовать совету';

б) чують, предчувствовать, предвидеть; *sentire la preda* 'чують добычу';

7) пробовать; *sentì si e giusta di sale la minestra* 'непробуй, достаточно ли я посолила суп?';

8) узнать, спросить, посмотреть; *sentire il dottore* 'обратиться к врачу';

2. vi (a) 1) судить, считать; *sentire troppo di se* 'ставить себя слишком высоко';

2) (de qc) отдавать, припахивать (+S); иметь вкус (привкус, запах); (+G) *sentire di muffa* 'пахнуть затхлым'; *sentire di amaro* 'горчить';

3) (di) походить, смахивать (на +A); *sentire di briccone* 'смахивать на плута', 'производить впечатление плута' [ИРС 1995: 821].

Семантический объем исследуемого итальянского глагола оказался более полным, чем у его французского и испанского аналогов, у него сохранились практически все значения латинского этимона. К значениям, относящимся к семантическому полю интеллектуальной деятельности, добавились новые значения, относящиеся к эмоциональной сфере и ко всем пяти микрополям чувственного восприятия. Глагол *sentire* в значении ‘*слушать*’ стал гиперонимом микрополя слухового восприятия в итальянском языке. Анализ показал, что итальянский глагол по сравнению с испанским и французским глаголами более всего близок к своему латинскому прототипу.

Итак, сопоставительный анализ семантики глаголов, восходящих к латинскому глаголу *sentire* в трех западно-романских языках, показал, что у продолжателей этого глагола произошло сокращение семантического спектра. Это сокращение коснулось в основном микрополей зрительного и слухового восприятия. В итальянском и в испанском языках значение ‘*видеть*’ практически не репрезентировано. Что касается семантических аспектов глагола в микрополях обонятельного, осязательного и вкусового восприятия, то в исследуемых западно-романских языках они сохранились, более устойчивыми они оказались во французском и итальянском языках [см. словари Dubois 1966; Quillet 1955; Robert 1993; Garzanti 1965; Migliorini 1975].

Обычно определенное значение слова в одном или нескольких языках выступает как главное (основное), в другом или других языках – как неосновное, вторичное, как более или менее периферийное (гипоним микрополя). Как было отмечено выше, глагол *sentire* в латинском был основным репрезентантом СП глаголов восприятия. В западно-романских языках его продолжатели переходят на более низкий иерархический уровень той же парадигматической линии. Р.А.Будагов опираясь на данные толковых и двуязычных словарей, письменные тексты разнообразных жанров, установил, что в сопоставляемых языках у этого глагола существует определенная последовательность основных, наиболее частотных значений:

Fr. sentir 1) чувствовать; 2) пахнуть;

It. sentire 1) слышать (гипероним); 2) чувствовать;

Esp. sentir 1) чувствовать; 2) слышать [Будагов 2000: 237].

Таким образом, мы видим, что в способах воплощения сопоставляемых полей в разных романских языках проявились резкие отличия как в качественном отношении, так и в количественном. Во многих случаях произошла утрата исконных материальных элементов. Самые частотные лексические единицы семантического поля восприятия в латинском языке в значительной части явились этимонами глаголов восприятия в исследуемых новороманских языках, но без сохранения старинной филиации значений, характерных у них в латинском.

Возникновение, сохранение отдельных ЛЕ и их лексико-семантических вариантов, а также случаи изменения семантики ЛЕ, утраты той или иной формы являются примерами языковой дивергенции в западно-романских языках. Исследование показало, что самым 'консервативным' из исследуемых романских языков оказался итальянский язык. С точки зрения эволюции глаголов в системе восприятия инновации проявились более всего во французском языке, Глаголы восприятия испанского языка претерпели наибольшее количество семантических изменений.

Итак, перцептивные лексемы представляют собой сплав двух сигнальных систем. Их особенностью является то, что, с одной стороны, они являются именами функций рецепторов и анализаторов, с помощью которых в сознании формируется картина мира, с другой стороны, они сами, как лексемы языка, являются элементами этой картины.

Лексическое значение представляет собой сложную структуру, тесно связанную с проблемой знака: его семантикой, прагматикой, синтактикой. Содержательная сторона языка не копирует внешний субстрат, а выражает его в специфически преломленной системе лексико-семантических объектов, она (содержательная сторона) языка коррелирует прежде всего с перцептивной информацией, которая лежит в основе познавательной деятельности человека, где данная тема соприкасается с когнитивной лингвистикой, цель которой – выявить способы мышления о мире и составить «картину» отражения его в языке, то, что и принято называть «языковой картиной мира».

Основным принципом сопоставительного языкознания является лексико-семантическое сравнение на фоне семантического континуума исследуемых языков, что требует выделения единиц и

категорий для контрастного описания лексики; применения адекватных методик и методов лексико-семантического анализа лексики, сопоставления словарного состава сравниваемых лексических систем для эффективного выявления их специфики; структурирования элементов СП «восприятие» и описания каждого типа семантического объединения внутри поля.

Глава 2. Структурная организация лексико-семантического поля глаголов восприятия в западно-романских языках

2.1. Функционально-семантическая типология глаголов восприятия

К актуальным проблемам семасиологии можно отнести анализ особенностей проявления одной и той же семантической универсалии в разных языках. Соотношение универсального и идиоэтнического в различных языках тесно связано с проблемой взаимоотношения языка и мышления и поэтому интересует ученых, работающих в области психологии, логики, языкознания. В лингвистической традиции установился подход к человеческому языку как состоящему из двух языков: один – точный, близкий к логике, общий для всех людей, другой – своеобразный у каждого народа [Степанов 1985: 108]. В формировании этого своеобразия не последнюю роль играет процесс восприятия и в буквальном, и в переносном смысле. Многочисленные исследования по теории номинации, по теории референции, а также в последнее время когнитивные изыскания показали, что референтный мир и мир воспринимаемый не перекрываются полностью, так как восприятие не лишено избирательности. Задачей когнитивной лингвистики является исследование познавательной ценности языковых объектов как инвентарных единиц языка.

Разработка типологии значений на материале как одного, так и нескольких языков имеет весьма важное значение для развития семантической теории. Основные функциональные типы языковых значений должны выделяться с учетом деления слов на части речи. К таким типам относятся, во-первых, значения знаков-десигнаторов и знаков-форматоров, во-вторых, предметные (непредикатные) и признаковые (предикатные) значения, в-третьих, номинативные и указательные (дейктические) значения [Васильев 1997: 108-109].

Номинативные единицы языка представлены двумя разрядами слов и их эквивалентов: предметными (существительные) и признаковыми (глаголы, прилагательные, наречия, а также некоторые группы существительных). Значения первых в

современной семантике часто называют идентифицирующими (или денотатными), а значения вторых – предикатными (или сигнификатными). Глаголы, относящиеся к предикатным словам, являются предметом настоящего исследования. Суть предиката, как утверждает Н.Д. Арутюнова, состоит в обозначении и оценке статических свойств и динамических проявлений предметов действительности, их отношений друг к другу. Идентифицирующая семантика обращена к пространственному параметру мира, предикатная – организована временной осью. Между этими семантическими типами нет пропасти, их соединяет мост, перекинутый процессами транспозиции, взаимообменом, созданием суждений разных степеней абстракции [Арутюнова 1988].

При исследовании СПГВ учитывается, что как глаголы, они имеют темпоральное измерение, будучи глаголами *в о с п р и я т и я*, они направлены на объекты, имеющие физические характеристики, но многие из них, являясь глаголами не только физического, но и умственного восприятия, ориентированы на восприятие понятий. Вот почему глаголы восприятия развивают полисемию, которая идет в разных направлениях: пространственно-конкретном, временном и понятийном, *spatial, temporel* и *notionel*, по Б. Потье [Pottier 1974: 37]. Эта дискретная тройственная модель представлена следующим образом: *monde referentiel: spatial A, temporel B, notionnel ni A ni B*. [Там же: 73], она означает, что референтный мир включает следующие параметры: пространственный А, временной В, понятийный – ни А, ни В. Если учесть, что идентифицирующая семантика обращена к пространственному параметру мира, предикатная – организована временной осью, то именно в области предикатов дифференцируются значения и шлифуется система понятий.

С.Д. Кацнельсон писал о том, что все *чувственно воспринимаемое* [выделено нами. – С.М.] составляет в языке базисные значения: для субстанциональных имен базисными являются лексические значения, отображающие физические тела. Для атрибутивных слов – лексические значения, передающие признаки предметов, для предикативных слов – лексические значения чувственно наблюдаемых изменчивых признаков – предикаты действия и состояния [Кацнельсон 1972: 175]. В структуре глаголов восприятия базисные значения, проистекающие

из чувственно воспринимаемого, мы рассматриваем как интенционал или, в более традиционной терминологии, как сигнификат.

При анализе глаголов учеными рассматриваются следующие аспекты: *лексико-семантический* (глагол как лексема), *семантико-синтаксический* (глагол в качестве компонента содержательной структуры предложения) и *динамико-функциональный* аспект (глагол выступает в роли структурно-функционального узла синтаксической схемы предложения).

В основе выделения частей речи основополагающим является характер номинации, отображения внеязыковой действительности в слове [Гак 2000].

По способу отображения действительности основные части речи, к которым относится и глагол, обозначают элементы действительности расчлененно, самостоятельно и непосредственно.

По характеру отображения объекта глаголы обозначают процессы. Если в основе имени существительного лежат пространственные координаты, фиксируемые сознанием, то в основе глагола – временные. Их морфологический аспект образуется совокупностью грамматических категорий, которые обуславливаются их общим категориальным значением. Различные, присущие процессу свойства и отношения к нему со стороны говорящего, лежат в основе грамматических категорий глагола: времени, вида, залога, лица, склонения.

По структурно-синтаксической классификации глаголы бывают переходные / непереходные, возвратные / невозвратные.

По функционально-семантической классификации – номинативные (денотативные) и указательные (дейктические).

По идеографической классификации ГВ входят в следующую группу: Человек. Человек, физическое существо. Органы чувств человека и их деятельность [НВ 1963: 132-133].

В лингвистической литературе существует немало классификаций глаголов: как семантических, так и семантико-грамматических.

По семантической классификации глагольная лексика делится на два класса: 1) *предикатные* глаголы (каузативные, модальные, аспектуальные, темпоральные, таксисные, фазисные) и *модусные* (речи, мысли, памяти, знания, эмоций, ощущения,

представления, восприятия, оценочные). Модусные глаголы обозначают ситуации, отражающие вербальную и психическую деятельность человека.

Глаголы традиционно разграничиваются на глаголы *действия* и *состояния* и их деление на *неакциональные* и *акциональные*. Неакциональные глаголы подразделяются на *статические*, обозначающие ситуацию – ситуативные глаголы, и *динамические*, обозначающие процессы и события, а акциональные – на *процессуальные* и *событийные*. Существуют семантически переходные (агентивные) глаголы, обозначающие действия субъекта, переходящие на объект (например, *Петр видит друга. Он смотрит фильм*).

Исследуя функциональную характеристику глаголов чувственного и умственного восприятия, Л.М. Васильев выделяет *акционально-процессуальные* глаголы (*видеть, слышать, чувствовать, понимать, смотреть, слушать, замечать, показывать, обращать внимание* и т.п.) [Васильев 1971; 1990].

Объективная трудность в изучении семантики глагола, по мнению А.А. Уфимцевой, заключается в характере его логико-предметного содержания [Уфимцева 1986]. Конкретное значение глагола может выявляться не только лексически, т.е. зависеть от семантики сочетающихся с ним слов, но и синтаксически (структурный тип дополнения, подлежащего, характер модели). В отличие от имени понятийная основа глагола бывает настолько широка, что глагол может стоять на грани полной десемантизации.

Процесс восприятия осуществляется в несколько этапов:

- 1) обнаружение объекта в воспринимаемом поле;
- 2) различение признаков и свойств объекта;
- 3) синтез указанных признаков.

Признак наличия / отсутствия действия, предполагает как минимум, активного субъекта (агенса), совершающего определенные действия над объектом, и соответствующий этому процессу динамизм (изменение) самого действия, выраженного глаголом. Субъектом выделяется смысловой аспект применения чувствительной способности, который раскрывается при противопоставлении признаков пассивности / активности восприятия, как например, (fr. *voir / regarder*; it. *vedere / guardare*, esp. *ver / mirar*, 'видеть' / 'смотреть'). Глаголы могут в равной степени охватывать и статику, и динамику. Отсюда возможность

противопоставить процесс и результат восприятия, т.е. выделять глаголы результирующей и нерезультирующей семантики.

Некоторые глаголы восприятия обладают такими чертами, которые за ними закреплены в качестве их функциональной характеристики. Например, ГВ *видеть, слышать*, fr. *voir, entendre*, в отличие от *смотреть, слушать* fr. *regarder, écouter*, называются констатирующими [Арутюнова 1988: 113]. Ср. fr. *J'ai écoute mais je n'ai rien entendu*, 'Я слушал, но ничего не услышал'. *J'ai regarde mais je n'ai rien vu* 'Я смотрел, но ничего не увидел'. Констатирующие глаголы включают в себя мотиваторы (мотивационные детерминанты), т.е. факторы, которые участвуют в перцептивном акте и обуславливают принятие решения [Там же].

В результате анализа в семантической структуре перцептивных глаголов были выделены общие для всех групп глаголов восприятия семы: «способность перцептивного восприятия», «постоянное функционирование способности», «обладание перцептивной способностью», «каузирование этой способности». Первые две общие семы дали возможность выделить две архисемы: архисему состояние и действие. Далее были выделены дифференциальные семы: для состояния – сема результативность, для действия – целенаправленность.

Способность воспринимать мир определенным органом чувств – это нецеленаправленный процесс (*видеть, слышать, осязать, обонять, чувствовать*), а глаголы с семой «использовать способность восприятия» выявляют целенаправленный процесс (*смотреть, слушать, пробовать, касаться*). Вторые обозначают действие благодаря тому, что включают сему «воля» и «намерение» [Пешковский 1956: 79]. Отсутствие данной семы у первых глаголов расширяет их специфику, позволяет этим глаголам двойное употребление: они входят в группу симметричных глаголов. *Pierre voit = Pierre n'est pas aveugle*. 'Петр видит = Петр не слепой / *Pierre ne voit pas = Pierre est aveugle*. 'Петр не видит = Петр слепой'.

Глаголы с нерезультирующей семантикой, но заключающие в себе сему воля, назовем *глаголами намеренного действия*.

По признаку дистантного / недистантного воздействия на объект глаголы восприятия подразделяются на **контактные** (осязания, вкуса) и **бесконтактные** (зрения, слуха, обоняния) (контакт рецепторов с внешней средой не принимается во

внимание). Особенности этих глаголов проявляются в аспектуально-залоговом функционировании.

Следует отметить, что функции пяти сенсорных систем обозначены во многих языках не пятью, а семью глаголами, зрительная и слуховая модальности в исследуемых романских языках, как и в латинском, оснащены двумя глаголами для различения активного и пассивного действия: fr. *voir / regarder, entendre / écouter*. Такое неравнозначное присутствие глаголов зрительного и слухового восприятия в языке пяти сенсорных систем вскрывает и другие черты гетерогенности обозначающих их глаголов. Глаголы восприятия в этих системах неравнозначны по своей активности как в языке (многозначность, словообразование, фразеология), так и в речи (частотность их употребления).

Субъект восприятия может не только пассивно воспринимать какой-то объект, но и активно использовать соответствующий орган восприятия для того, чтобы получить нужную информацию о мире. Глаголы *entendre* и *voir* 'видеть' и 'слышать' обозначают использование информационных объектов в соответствии с их функцией.

Во французской фразе *J'ai vu ce film. Я видел этот фильм* субъект либо воспринял зрением, как любой другой физический объект, либо воспринял сознанием его информационное содержание. Так, в предложении *J'ai entendu son rapport. Я слышал его доклад*, субъект восприятия либо слышал звуки какой-то речи, либо воспринял сознанием информационное содержание сообщения. Противопоставление просто *воспринимать* или *воспринимать, извлекая из объекта информацию*, для сообщения которой он предназначен, представлено в паре активных глаголов *regarder, écouter*. *Я посмотрел на часы* – либо просто направил на них взгляд, либо взглянул, чтобы узнать время, т.е. удовлетворить свою информационную потребность.

Таким образом, при анализе глаголов восприятия учитывается один из признаков, существенных для характеристики состояний, процессов и действий человека – предназначение или функция объекта. Субъект и объект, как два участника первичной ситуации восприятия, объединены предикатными отношениями, которые выражаются одним из членов четырёхчастной оппозиции: *воспринимать – восприниматься – использовать способность восприятия – активно воздействовать на органы чувств* [Апресян

1995: 365], примером четырехчленной структуры перцептивного акта во французском языке будет *sentir – etre senti– humer – prendre a la gorge*. Все клетки четырехчастной структуры должны быть заполнены глаголами, но это единообразие не всегда осуществимо, порой остаются пустые клетки, которые заполняются фразеосочетаниями. В русском языке, как отмечает Ю.Д. Апресян, в микрополе обоняния есть «лакунарные» клетки, так, для понятия *воспринимать носом* нет нейтрального слова: *обонять* – слишком научное, а *чують* – излишне просторечное. Хуже всего обслужена глаголами серия *восприниматься* – в ней есть только один глагол «пахнуть».

Возможно допустить пятую серию у исследуемых глаголов, обозначающих «активное воздействие объекта на органы чувств», в русском языке это *бросаться в глаза* для зрения, *доноситься* для слуха, которая может быть представлена семантической парадигмой, задающей основной лексикографический тип в сфере лексики восприятия [Там же: 357].

Таким образом, глаголы восприятия, если добавить к четырехчастной оппозиции еще одну часть, в идеале имеют пятичастную структуру. fr. *voir – etre vu – se voir (refl.) – regarder – sauter aux yeux*; для слухового восприятия: *entendre – etre entendu – se faire entendre – ecouter – abattre les oreilles*.

2.2. Группы глаголов восприятия как полевые структуры

Лингвистика второй половины XX века характеризовалась тем, что в центр ее внимания был поставлен человек говорящий («язык в действии» Э. Бенвениста, правила общения Р. Грайса, теория речевых актов, теория коммуникации, прагмалингвистика); менее исследована область лингвистики, касающаяся человека воспринимающего. Как известно, без учета перцептивных сторон любого явления не обходится ни одно исследование, касающееся темы «человека в языке».

Восприятие является одним из эмпирических факторов, обуславливающих универсальные структурные характеристики, наряду с мышлением, памятью и эмоциями. Человек мыслится в

языковой картине мира прежде всего как динамическое, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны состояния: восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.д. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия [Апресян 1995]. Каждым видом деятельности, каждым типом состояния, каждой реакцией ведает своя система, которая локализуется в определенном органе, выполняющем определенное действие, формирующем нужную реакцию. Так, например, физическое восприятие (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус) локализуется в органах восприятия (глаза, уши, нос, кожа, язык).

Различные системы и подсистемы человека в разной мере автономны и в разной мере взаимодействуют друг с другом. Чем проще система, тем она более автономна; чем сложнее – тем менее автономна. Наиболее автономно восприятие. Чистое восприятие происходит само собой, независимо от деятельности других систем. Действительно, можно видеть или слышать что-либо, находясь при этом в совершенно неподвижном состоянии, ничего не желая, не думая, не чувствуя и не говоря. Исключения составляют те случаи, когда мы хотим что-то воспринять и актом воли приводим соответствующий орган в такое положение, когда восприятие с его помощью становится возможно: ср. *смотреть, слушать, пробовать, щупать* [Там же, 1995: 361]. Менее автономна деятельность сознания. Она невозможна без восприятия каких-то фактов, как отправной точки для процессов мышления [Зализняк 1988].

Прибегая к метафоре, можно назвать глаголы восприятия «воротами» из мира объективной реальности в мир языковой, они обозначают первый – произвольный и непроизвольный – контакт человека с объективным миром. Их референтной областью является психическая деятельность человека, направленная на: 1) восприятие окружающего мира, 2) на его осознание, то есть операции и операторы перцептивно-мыслительной деятельности. Референтами глаголов поля восприятия являются функции пяти подсистем, пяти органов чувств, а объектом восприятия является практически весь объективный мир, данный нам в ощущениях, то есть перцептивные глаголы имеют в качестве своего объекта доступную восприятию действительность.

Перцептивное поле включает в себя следующий состав лексем: 1) **названия органа** (здесь и далее иллюстрации из трех языков приводятся в заданной последовательности: французский, итальянский, испанский), по микрополям восприятия: зрительное, слуховое, микрополе обоняния, осязания, вкуса. В данном исследовании мы различаем перцептивную информацию, приобретаемую непосредственно через рецепторы, и когнитивную, получаемую посредством языка через когнитивный процесс. Лексемы, характеризующиеся национальной спецификой (помеченные далее звездочкой) являются свидетельством отличия когнитивной информации от сенсорной, именно эти лексемы являются идиоэтническими. Они неравнозначны по своей активности как в языке (многозначность, словообразование, фразеология), так и в речи (частотность их употребления в различных речевых актах).

Oeil, occhio, ojo / oreille, orecchio, oreja / nez, naso, nariz / langue, lingua, lengua / peau, pelle, piel, *cutis 'peau de visage';

2) **функции органов чувств** (имена существительные):

le sens	il senso	el sentido
la vue	la vista	la vista
l'odorat	*l'odorato, *l'olfatto	el olfato
le gout	il gusto	el gusto
le toucher (sens)	*il tatto	*el tacto
le toucher (action)	*il tasto	*el tocar

3) **манифестации функций:**

le regard	lo sguardo	la mirada
l'ouïe,	l'udito	el oído
l'odeur	l'odore	el olor
la fragrance	la fraganza	la fragancia fr. 'bonne odeur'
la puanteur	il puzza, *il fetore	el hedor, *la hediondez 'mauvaise odeur'

4) **физические свойства** предметов объективного мира:

а) *зрительное восприятие:*

la lumière	la luce	la luz
la couleur	il colore	el color
la vue (chose vue)	*la veduta	la vista
la forme,	la forma	la forma

la distance,	la distanza	la distancia
la dimension,	la dimension	la dimensione

b) *слуховое восприятие:*

le bruit	il rumore	el ruido
le fracas	il fragore	el estrepito
le vacarme	lo strepito	el estruendo
le tapage	il chiasso, il baccano	el alboroto, la batahola

К слуховому восприятию относится также идиотичная ЛЕ: итальянское существительное *il tonfo, которому во французском языке соответствует словосочетание ‘le choc sourd’, в испанском языке это значение лексически не покрывается, оно лакунарно.

c) *осязание*

la surface	la superficie	la superficie
la temperature	la temperatura	la temperatura

e) *вкус*

le gout	il gusto	el gusto
la saveur	il sapore	el sabor

Семантическое поле глаголов восприятия отражает референтный мир, в центре которого находится человек воспринимающий в отличие от человека чувствующего (мир эмоций), человека созидającego (мир созидания / разрушения), человека говорящего (мир речевой деятельности) и т.д. Через восприятие осуществляется отражательная функция языка, благодаря которой языковой знак служит мощным средством хранения информации.

Различные ощущения и в целом восприятие составляют основу опыта, необходимого для когнитивной деятельности человека. Когнитивные процессы – это совокупность процессов, обеспечивающих преобразование сенсорной информации от момента попадания стимула на рецепторные поверхности и до получения ответа в виде знания. При этом само восприятие следует понимать как активность, определенный вид деятельности [Найссер 1981].

Глаголы восприятия – *видеть, смотреть, слышать, слушать, чувствовать, нюхать, пробовать, трогать* – стоят у истоков сенсорной информации, которая представляет собой непосредственный отпечаток фрагментов мира, воспринимаемого органами чувств. Предикаты чувственного восприятия

ориентированы на актуальное состояние мира в его предметном, процессуальном и событийном аспектах [Там же: 10]. Благодаря этому объективный мир существует в трех формах представления:

- 1) бытийное или научное представление картины мира;
- 2) субъективное представление мира;
- 3) объективированная с помощью языка картина мира

[Уфимцева 1980].

Все, что человек воспринимает, отражается в семантике слов. Любое предложение, стоящее в изъявительном наклонении, опирается на данные, полученные перцептивным путем. Утверждение «*Иван пришел*» предполагает модус «*Я говорю, что я знаю, потому что видел, что Иван пришел*», но сам факт перцепции остается не обозначенным. Он входит в **пресуппозицию** данного высказывания. Пресуппозицией в лингвистике называют совокупность предварительных знаний собеседников о предмете речи» [Гак 1998]. Пресуппозиция – это фоновые знания говорящего и слушающего (пишущего и читающего, адресанта и адресата, отправителя и получателя речи), на основании которых в процессе порождения выражения и восприятия смысла осуществляется экспликация имплицитного, подразумеваемого, предназначенного для сообщения содержания [Лисоченко 1992: 12]. Эта дефиниция проявляет свое действие при изучении коммуникативных актов, когда участвуют два и более актанта.

Пресуппозиция рассматривается учеными как своеобразная предпосылка общения. Ю.Д. Апресян называет ее **экспозицией** – слабым элементом значения, который описывает: а) подготовительную фазу той ситуации, именем которой является данный глагол. Например, у глагола *приходить* – это пешее перемещение по направлению к конечной точке; у *находить* – поиски; у *замечать* – работа сознания или внимания; б) положение вещей, возникающее в момент завершения действия: нахождение в конечной точке в случае *приходить*, восприятие объекта в случае *находить*, легко нарушаемый контакт в случае *касаться*, созерцание или понимание определенной ситуации в случае *замечать* и т.д. (Апресян 1995: 236).

Психология XX века, характеризуя факт перцепции, отмечает, что она компактна, неразложима, может быть представлена в виде концепта, в форме гештальта. Французские психологи и лингвисты, принявшие для гештальта термин *la Forme*, утверждают, что

основным его свойством является интеграция всех составляющих элементов явления в целостное единство. Перцепт не является продуктом организации отдельных, представленных в беспорядке элементов ощущения, он заранее организован, так, например, глаголы *услышать* и *увидеть* означают в поле опыта организованные гештальты.

Для французского ученого Поля Гийома гештальты – это психические факты (явления), органические единства, которые индивидуализируются и ограничиваются в пространственном и временном поле перцепции или представления [Guillaume 1979: 23].

Идея гештальта подразумевает, что восприятие – это мгновенное «схватывание» значения, оно похоже на мгновенное понимание произнесенной фразы, заранее организованной вокруг какого-то смысла. Эта идея открывает перспективу принципов «схватывания» смысла, перспективу, при которой возникает ассоциация между актом восприятия и актом мгновенного понимания произнесенной фразы. Вспомним Л.Д. Выготского «... восприятие целого первично к восприятию частей» [Выготский 1982: 306].

Изучению соотношения процесса восприятия как психической активности и языка посвящены труды В.Ф. Петренко. Адаптируя лингвистические методы исследования значения к изучению перцептивного образа, автор констатирует существование единой системы значений в восприятии и в языке. На основе чувственного материала формируется образ как аналог плана выражения, а продукт этого формирования – образ как план содержания [Петренко 1976: 268-292].

Следовательно, глаголы fr. *voir, regarder, sentir, entendre, écouter, toucher, goûter* – это общественно закрепленные формы, которыми обозначены элементы сенсорного опыта (операции восприятия и осознания), как мы отмечали выше, они составляют прототипическое ядро всей языковой системы восприятия, так как языковыми прототипами в нашем сознании являются понятия психологически наиболее выделенные [КСКТ 1997]. Формы являются производными от языка, а сами операции относятся к когнитивным процессам. Поэтому «открытие» глубинных и поверхностных структур в языке, связанное с именем американского лингвиста Н. Хомского, и разрабатываемое лингвистами разных стран, имеет в своих истоках не языковые

постулаты, но учение психологов, а именно Л.С. Выготского, о существовании понятий внутренней и словесной речи [Выготский 1982]. Труды этого психолога, а также лингвистов Д.С. Кацнельсона, Р.Г. Пиотровского, А.К. Жолковского, И.А. Мельчука, Дж. Каца и Дж. А. Фодора, Дж. Лакоффа, Ч. Филмора и др. [см. Глубинные и поверхностные структуры 1972], направленные на разработку глубинных структур языка, фиксируют несовпадение внешних языковых структур и структур сознания, следствием чего, как принято считать, является «различный покров» языков. Связь глубинных структур языка с познавательными процессами (мышлением и восприятием) позволяет проникнуть в суть семантики перцептивного образа. Таким образом, с одной стороны реальный мир обуславливает появление и использование тех или иных языковых форм, а с другой – язык оказывает определенное воздействие на восприятие отображаемой действительности его носителями.

Языковая модель должна быть организована по законам языка, ее основным содержательным элементом является семантическое поле. В основе языковой модели лежат знания, закрепленные в семантических категориях, семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по разному структурированных в границах конкретного поля того или иного языка. Концептуальная модель мира организована по законам физического мира – ее единицы константы сознания. Она (концептуальная модель мира) содержит информацию, представленную в понятиях.

На современном этапе развития языкознания представление о том, как человек классифицирует, категоризирует и концептуализирует окружающую его действительность существенно изменились. Основная идея такова: окружающий человека мир не хаотичен, он определенным образом структурирован, соответственно восприятие и отражение человеком действительности носит упорядоченный характер.

Названия функциональных органов: глаза, уши, нос и язык – это название частей тела, имеющих внешний вид, форму и четкие функции. С их помощью мы слышим, видим, обоняем и ощущаем что-либо на вкус. Однако нет специального однословного выражения для той части тела, которая осязает, язык не выделяет

их в качестве «органа осязания», это может быть ладонь, подушечки пальцев (точнее, кожа этой части рук).

В языке, как известно, существует множество «нелогичностей». Остановимся на одной из них, так, например, обозначение органа восприятия в некоторых случаях как бы допускает варианты, толковые словари, интерпретируя глаголы fr. *voir*, esp. *ver*, it. *vedere*, ‘видеть’; соответственно fr. *entendre*, esp. *escuchar*, it. *udire*, ‘слышать’; fr. *sentir l’odeur*, esp. *olere*, it. *sentire il odore*, ‘обонять’ выбирают не «глаза», «уши» и «нос», а нечто другое. Например:

Fr. *Voir* – *connaitre par la vue* = it. *vedere* – *conoscere con la vista*, ‘видеть – узнавать зрением’.

Fr. *Entendre* – *connaitre par l’ouïe* = it. *udire* – *conoscere con l’udito*, ‘слышать – узнавать слухом’.

Fr. *Sentir l’odeur* – *connaitre par l’odorat* = it. *sentire il odore* – *conoscere con l’odorato* ‘чувствовать запах – узнавать обонянием’.

Е.В. Урысон в статье «Языковая картина мира vs Обиходные представления (модель восприятия в русском языке)» отмечает, что толковые словари объясняют понятия «зрение», «слух» и «обоняние» как «способность». Зрение – «способность видеть», слух – «способность слышать», обоняние – «способность обонять» и т.д. Таким образом, глаголы «видеть», «слышать» и «обонять» толкуются по схеме «воспринимать способностью», но слова *зрение*, *слух* и *обоняние* обозначают не только «способность». В некоторых контекстах они выступают как обозначения чего-то предметного, подобного органу восприятия. Так, слух предстает как нечто, с помощью чего человек воспринимает звуки. Что же касается сочетаний «воспринимать зрением» и «воспринимать обонянием», то их можно естественно интерпретировать лишь в том случае, если согласиться, что слова «зрение» и «обоняние» могут означать нечто вроде органов. Подобное характерно для слова «слух» и менее типично для слова «зрение», в этом случае можно употребить термин «инструмент» [Урысон 1998: 3-21]. Если проследить, как организована семантика этих слов, можно сделать вывод, что они полисемичны, ср.: слух I = «способность слышать»; слух II = «орган слуха». Но очевидно, что слух ≠ ‘уши’, зрение ≠ ‘глаза’, обоняние ≠ ‘нос’. Уши, глаза и нос – вполне реальны, они обладают определенной локализацией, их можно подвергать физическому воздействию.

Эта тема рассматривается также в работах Ю.Д.Апресяна [1995б] и А. Вежбицкой [1986]. А Вежбицкая отмечает, что глаголы чувственного восприятия можно рассматривать следующим образом:

видеть – воспринимать глазами
слышать – воспринимать ушами
обонять – воспринимать носом
ощущать на вкус – воспринимать языком
осязать – воспринимать телом [Вежбицка, 1986: 338]

Но слух, зрение, несмотря на то, что они имеют функции органов, все же нематериальны. Локализация этих органов довольно неопределенна, они находятся где-то внутри реальных органов восприятия и обеспечивают их функционирование. Действительно, человек может иметь глаза, но быть слепым, иметь уши, но быть глухим, иметь нос, но не воспринимать запах. Значит, глаза, уши и нос – это просто части тела человека, а истинные органы восприятия невидимы, хотя и связаны с данными, телесными органами. Так, воспринимая зрением, мы видим не какой-то один аспект ситуации, а предмет или ситуацию во всей полноте, мы видим весь мир, а не его аспекты или компоненты. Следовательно, в языке нет стандартного однословного средства для обозначения того, что воспринимается зрением.

Когда человек слышит, он воспринимает не тот или иной аспект предмета, а нечто иное – звуки, которые сопутствуют какому-то действию (процессу), т.е. являются скорее компонентом ситуации. Важно, что для этого компонента ситуации в языке есть цельнооформленная лексическая единица: звук *fr. un son, it. uno suono, esp. un son*. Глагол «слушать» не указывает на физическое действие, язык, по-видимому, не располагает особым словом, обозначающим то действие, которому субъект подвергает свой слух, когда слушает. Ситуация – «слушать», не предполагает никаких явных внешних признаков проявления у человека, как, например, у животных, которые поводят ушами, когда прислушиваются к чему-то. *Слушать* – наиболее абстрактный глагол из рассмотренных выше.

Интересны также слова «осязание» и «вкус». Они обозначают прежде всего «способность». Но какое-то, весьма слабое представление об органе просвечивается и в них. Когда человек осязает что-либо, он тоже воспринимает лишь частные аспекты предмета: его фактуру, а также форму и величину. Однако для данного (воспринимаемого осязанием) аспекта предмета в языке

нет цельнооформленной ЛЕ – притом, что есть прилагательные, характеризующие форму, фактуру предмета: fr. *lisse*, it. *liscio*, esp. *liso* ‘гладкий’; fr. *grenu*, it. *scabro*, esp. *granado* ‘зернистый’ и т.д.

Что касается обоняния, то долгое время учеными недооценивалась его роль, в самом деле, благодаря зрению человек получает 90% информации об окружающем мире, благодаря слуху – 8 %, а обонянию – всего 1,5–2 %.

Еще в 80–е годы ученые попытались создать генетическую теории обоняния, и только в 1991 году ученым Р. Акселю и Л. Бак удалось открыть принцип действия обонятельных рецепторов, за что им была присуждена Нобелевская премия в области физиологии и медицины. Оказалось, что за работу обонятельных рецепторов в организме человека отвечают около тысячи генов. Все эти рецепторы действуют независимо друг от друга, реагируя каждый на свой химический раздражитель. Попав в носоглотку, молекулы различных веществ достигают рецепторов. Те распознают свои участки на той или иной «молекуле запаха» и посылают в мозг соответствующие сигналы. И лишь мозг объединяет всю информацию в единое сообщение. В распознавании только одного запаха могут участвовать до тысячи нейронов.

Человек различает примерно 10 000 запахов, а по оценкам ученых существует около 400 000 различных ароматов, большая часть из них – это «инфра–» и «ультра–ароматы», они лежат за пределами нашего восприятия. Но и те немногие запахи, что мы способны уловить, играют важную роль в нашей жизни: они воздействуют на самочувствие, способность к концентрации, на наше настроение, эмоции и т.д. [Волков 2004: 87–89].

Таким образом, лексика, относящаяся к разным видам чувственного восприятия, легко распределяется по тематическим группам или, иначе говоря, микрополям семантического поля восприятия.

Описанный фрагмент языковой картины мира весьма логичен. Правда, он не разработан в исследуемых языках до конца – представление о невидимых органах восприятия лишь намечено.

Рассматривая структуру поля, мы должны отметить, что исследуемое нами лексико-семантическое поле относится к моноцентрическому типу. Следовательно, поле организовано иерархически, у него есть доминанта или идентификатор.

Идентификатор по своему объему шире значений других слов, входящих в СП, он охватывает по смыслу все элементы низших уровней и может, как правило, заменить другие элементы группировки. В семантическом содержании членов СП имеется сема, являющаяся общей для всех входящих в его состав лексических единиц, в нашем случае это сема «воспринимать», она и служит основанием для полевого объединения слов и называется интегральной. Теоретически эта сема в наиболее чистом виде находит свое выражение в содержании идентификатора. Сам идентификатор имеет наименьшее количество сем и поэтому образует как бы точку семного отсчета в группировке. Каждый из элементов низших уровней поля содержит семы идентификатора, а также индивидуальные семы, отличающие этот элемент от других элементов системы. Все единицы СП связаны гиперонимическими или гипонимическими смысловыми отношениями внутри поля. Они пронизывают лексическую систему любого языка [Лайонз 1978: 478; Никитин 1997: 404]. Интегральная сема находит выражение в содержании гиперонима семантического поля. В самом названии термина «гипероним» акцентируется идея его особой роли в структурной организации лексики, раскрывающаяся на фоне слов, связанных видовой зависимостью, т.е. гипонимов, которые, в свою очередь, объединены между собой отношениями равноправия. Семантический объем гиперонима шире, чем семантический объем гипонима. Иными словами, организация лексической парадигмы предполагает систему противопоставлений, зависимого или равноправного отношения. Отсюда вытекает важное для концепции семантического поля СП понятие о структуре поля: совокупность единиц, называемая семантическим полем, являясь системно–структурным объединением предполагает определенную структурную организацию, а именно: ядро, центр и периферию, которые находятся в иерархических отношениях, т.е. в отношениях подчинения [Денисенко 2002: 48].

В ядре поля находятся своеобразные яркие лексемы, глаголы, покрывающие сферу восприятия, имеющие конкретное значение, имена, обозначающие функции органов восприятия и включающие пять актов восприятия. Как правило, это единицы с наиболее обобщенным понятийным содержанием, это – доминанты СПГВ, занимающие в сознании носителей языка ведущее место, и

характеризующиеся высокой употребительностью, нейтральной окраской. В ядре поля сосредотачивается максимальная концентрация полеобразующих интегральных семантических признаков. Ядро поля находится в центре его координат. Перцептивные глаголы западно-романских языков fr. *voir*, esp. *ver*, it. *vedere*; fr. *regarder*, esp. *mirar*, it. *guardare*; fr. *sentir*, esp. *oler*, it. *sentire*; fr. *entendre*, esp. *oir*, *escuchar*, it. *sentir*, *udire*; fr. *ecouter*, esp. *escuchar*, it. *sentire*, *ascoltare*, fr. *toucher*, esp. *tocar*, it. *toccare*; fr. *gouter*, esp. *gustar*, *catar*, it. *assaggiare*, так же, как и их латинские прототипы: *videre* 'видеть', *aspicere* 'смотреть', *audire* 'слышать', *auscultare* 'слушать', *olfacere* 'обонять', *odorari* 'нюхать', *sapere* 'ощущать на вкус', *gustare* 'пробовать на вкус', *tangere* 'осязать', *temptare* 'ощупывать' обозначающие элементы сенсорного опыта, составившие прототипическое ядро всей языковой системы восприятия. По мнению ведущих специалистов-семасиологов, важнейшим вкладом в современную теорию значения является концепция прототипичного структурирования семантических категорий. Онтология окружающего мира отражена в сознании человека в виде категорий, к каждой из которых относится известная группа объектов окружающего мира. Эти объекты определенным образом организованы, структурированы. Центром категории является психологически наиболее выделенные объекты, они носят названия прототипов. Вокруг них группируются все остальные, относящиеся к данной категории объекты, при этом согласно наличию/отсутствию важнейших категориальных признаков эти объекты располагаются ближе или, соответственно, дальше от центра [Rosch 1973; 1977a].

Если учитывать позиционный принцип организации семантического поля, то все лексические единицы, входящие в ядро соответствующего поля, относятся к языковой системе и имеют экстремальное соответствие двух сторон знака, означающего и означаемого, плана выражения и плана содержания.

Полевой метод описания лексического состава языка позволяет систематизировать ЛЕ с общим компонентом «восприятие» и представить позицию этих единиц внутри поля в зависимости от близости / дальности их расположения от ядра. Важным для концепции СП являются понятия центра поля. Центр поля представляет собой участок сосредоточения основного

семантического потенциала СП, он включает остальные единицы, покрывающие сферу восприятия, не вошедшие в ядро. В центре сосредотачиваются основные идиоэтнические явления. Но мы можем высказать гипотезу, что идиоэтнические явления нарастают по мере удаления от центра.

Третий круг – периферия семантического поля глаголов восприятия. Периферия – это постепенные переходы от одних уровней организации поля к другим, частичные пересечения, общие сегменты, она может быть ближней, дальней и крайней. Дальнюю и крайнюю периферию составляют единицы, способные входить и в другие семантические поля. В периферийных зонах наблюдается неполный набор их признаков и возможное их ослабление в наиболее удаленных от ядра участках поля [Малкина 1998: 154]. Исследование семантического поля глаголов восприятия показало, что между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций: часть функций приходится на ядро, часть – на периферию. На периферии поля восприятия находятся маргинальные единицы с контекстуально обусловленными значениями [Попова 1989]. Границы между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии размыты, нечетки, конститuentы поля могут принадлежать ядру одного поля и периферии другого поля и наоборот.

Положение каждого элемента в СП глаголов восприятия можно определить следующим образом: чем больше дифференцирующих сем включает элемент, тем он дальше отстоит от центра. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов. Глаголы восприятия, реализующие смешанные или неперцептивные значения, относятся к периферии СП.

В своем дальнейшем исследовании мы опираемся на принципы структурирования СП глаголов восприятия сформулированные Б. Потье, предложивший комплексный подход к изучению фактов языка по четырем уровням анализа, с четырех позиций:

а) референциальный: реальный или воображаемый мир (ядро поля);

б) концептуальный уровень: уровень понимания (*saisie mentale*) и представления, сформированных на основе референтного

мира, обусловленных в то же время социальными привычками и индивидуальными творческими потребностями (центр поля);

в) уровень языка: уровень языковой компетенции;

г) уровень текста как результат различных составляющих: лингвистической, когнитивной, контекстуальной, ситуационной, интенциональной с возможной корреляцией с другими семиологическими системами (жесты, проксемика, иллюстрация [Pottier 1987: 59]).

Эти уровни позволяют объединить в рамках исследования как монолингвистический анализ, так и межъязыковой, то есть выйти на уровень выявления как универсалий, так и идиоэтничности. Подчеркнем те стержневые терминологические понятия из теории Б. Потье, которыми мы будем оперировать при описании функционирования исследуемых глаголов восприятия: ноэма, залог, статус, аспект, диатеза.

Итак, лексико-семантическое поле глаголов восприятия существует в виде логически организованных иерархических структур. Оно состоит из пяти микрополей, во главе каждого микрополя стоит глагол, являющийся его гиперонимом, связанным с определенными гипонимами. Подсистемы внутри системы тоже образуют иерархию, они упорядочиваются по важности в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека. Глаголы каждой из групп иерархически взаимосвязаны, как по вертикали, образуя гиперо-гипонимические отношения, так и по горизонтали (гиперонимы пяти микрополей), формируя всю систему восприятия. Поле предстает как структурно организованное образование, но вместе с тем поле, как мы уже подчеркивали, не замкнутая система, а открытое объединение, границы которого размыты и пересекаются с участками других полей, обеспечивая целостность всей языковой системы.

Описание отдельных лексико-семантических полей на основании парадигматических отношений входящих в него слов можно рассматривать как этап в познании системной организации словарного состава языка, поскольку семантические связи слов в парадигматическом плане подчиняются определенным закономерностям, благодаря которым возможен переход от описания отдельных лексико-семантических полей к выявлению системной организации всего словарного состава.

2.3. Состав семантических полей глаголов восприятия в западно-романских языках

Определение состава семантического поля глаголов восприятия проводилось методом контрастивной лингвистики. Как и все лингвистические дисциплины, контрастивная лингвистика объединяет общие и частные аспекты исследования. С одной стороны, она основывается на общих подходах к сравнению языков в плане присущих им сходств и различий, а с другой – включает поиск межъязыковых соответствий в конкретных языках, являющихся объектом сопоставления, традиционно используя термины – исходный язык (в данной работе - французский), выступающий отправной точкой контрастивного исследования, и язык сопоставления. Поскольку в контрастивной лингвистике исследуются одновременно не более двух языков, вследствие этого языковой материал анализируется по парам: вначале французские – итальянские глаголы восприятия, затем французские – испанские. Метод исследования, примененный нами в работе с перцептивной лексикой – контрастивно-лексикографический.

Источниками для определения состава СП глаголов восприятия и их семантических структур послужили лексикографические словари самого разного типа: толковые, двуязычные, идеографические, аналогические и синонимические.

Определение состава базового списка анализируемых глаголов восприятия во французском языке на первом этапе осуществлялось методом сплошной выборки: из толковых словарей французского языка [Quillet 1955; PR 1992; Robert 1993; Larousse 2004, Lexis 1978], выписывались слова, принадлежащие к исследуемому лексическому полю. Семой, на основании которой отбирались слова в базовый список, является сема 'воспринимать' fr. *percevoir*. Так, в семном составе глаголов зрительного восприятия есть сема «воспринимать что-то зрительно», которая является инвариантным признаком данной группы глаголов:

- 1) «percevoir les images des objets par le sens de la vue»;
- 2) «percevoir qch par les yeux» [PR 1992: 1270].

Следующим критерием отбора материала является наличие семы «воспринимать» во всех лексемах на расстоянии не более

двух шагов: 1-й шаг – сема эксплицитная: fr. *disparaître* = *cesser d'être visible*; it. *sparire*; esp. *desaparecer*; 2-й шаг – сема имплицитная: fr. *effacer* = *faire disparaître* = *cesser d'être visible*; it. *cancellare*; esp. *borrar*. Условием включения ЛЕ в исследуемое семантическое поле, явился фактор их частотности. Редко употребляемые глаголы с низкой частотностью не были включены в список семантического поля глаголов восприятия.

Для расширения базового списка анализировались также идеографические словари трех исследуемых языков [HW 1963; DESL 1972; Ponard 1953; Casares 1975], аналогичный словарь французского языка [DA 1971] и двуязычные: францужско-испанский и испанско-французский, французско-итальянский и итальянско-французский, французско-русский и русско-французский словари, итальянско-русский и русско-итальянский, испанско-русский и русско-испанский. В результате анализа приведенных словарей отбирались не включенные в базовый список глаголы восприятия. Далее проводился анализ синонимических словарей французского языка [DSLIF 1995; DS 1984; DS 1967], что позволило выявить новые лексемы, пополнившие базовый список указанного поля. По итогам второго этапа исследования список французских лексем пополнился следующими единицами: *abasourdir, celer, confondre, desaveugler, eblouir, echapper, s'eclipser, entrevoir, guigner, heurter, loucher, luire, mirer, subodorar, reluquer*.

Следующим этапом работы явилось распределение базового списка глаголов по смысловым подгруппам, пяти микрополям в соответствии с числом органов чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса.

Выбранная полевая модель, с одной стороны, придает исследованию системный характер и обеспечивает исчерпывающий набор единиц для дальнейшего компонентного анализа, являющегося основным методом семантического описания при контрастивном исследовании, а с другой, в процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью.

Полученный общий список французских глаголов был разбит на структурно-семантические подгруппы, на микрополя: 1) в микрополе зрительного восприятия вошли следующие 58 глаголов: *admirer, allumer, apercevoir, apparaitre, apprecier, aveugler, aviser,*

briller, cacher, celer, comparer, confondre, considerer, contempler, couvrir, decouvrir, devisager, dévoiler, desaveugler, discerner, disparaître, distinguer, eblouir, echapper, s'eclipser, effacer (s'effacer), entrevoir, envisager, epier, s'esquiver, s'estomper, etudier, examiner, fixer, guetter, guigner, indiquer, lorgner, loucher, luire, marquer, mirer, montrer, observer, percevoir, receler, regarder, reluquer, remarquer, représenter, reperer, resplendir, revoir, saisir, scruter, surveiller, toiser, viser, voiler, voir;

2) микрополе слухового восприятия составляет 21 глагол: *abasourdir, assourdir, bruire, bruiter, craquer, crepiter, crisser, entendre, écouter, gresiller, grincer, ouir, petiller, percevoir, resonner, retentir, sonner, tinter, а также такие глаголы как discerner, distinguer, saisir (le bruit), синонимичные словосочетанию 'entendre un bruit, un son, une voix' [PR 1992: 1596].*

3) в микрополе глаголов обоняния были отобраны следующие 30 глаголов: *absorber, aspirer, degager (l'odeur), desodoriser, deodoriser, distinguer (l'odeur), s'echapper, emaner, embaumer, empester, empuantir, exhaler (s'exhaler), emettre, flairer, fleurier, humer, infecter, inhaler, inspirer, odorier, produire (l'odeur), percevoir, puer, rendre (l'odeur), renifler (fam), repandre, respirer, saisir (l'odeur), sentir* и глагол *subodorier*, выявленный в аналогическом словаре [DA 1971];

4) в микрополе осязания вошли 19 глаголов: *toucher, chatouiller, caresser, crepiter, effleurer, gratter (se), fouiller, friser, froter, froter manier, palper, pincer, sentir, tater, tatonner, tripoter* и глаголы *heurter, manipuler*, отобранные из аналогического словаря [Там же: 559];

5) микрополе французских глаголов вкусового восприятия объединяет 15 глаголов: *affiner, assaisonner, blaser, degouter, deguster, depraver (le gout), distinguer, essayer, flatter (le palais), gouter, percevoir (le gout de qch), relever, savourer, sentir, tater de qch (tater a).*

Глаголы зрительного восприятия представляют собой самую многочисленную лексико-семантическую подгруппу с разнообразной и богатой лексикой, обслуживающей этот вид восприятия и высокой номинативной дробностью. Под номинативной дробностью (термин И.А. Стернина) понимается количество единиц, номинирующих определенную смысловую

сферу. Известно, что глаголы зрения характеризуются большой употребительностью в речи и широким диапазоном сочетаемости.

Поиск переводных соответствий отобранных ЛЕ ознаменовал следующий этап анализа. Переводными соответствиями являются два слова в разных языках, имеющие сходство в семном составе и регулярно использующиеся при переводе [Стернин 2004: 5]. Для установления переводных соответствий каждое французское слово, вошедшее в итоговый список, проверяется по двуязычным переводным франко-итальянским словарям [DFI-IF 1988; DFI-IF 2004], выписываются все его возможные соответствия в итальянском языке, что является одновременно этапом отбора итальянского списка перцептивных глаголов итальянского языка. Все отобранные лексемы итальянского языка проверяются по синонимическим [DSC 1952; DSC 1979], идеографическому [Ponard 1953] и толковым словарям итальянского языка [DLI 1978; GDLI 1984].

Эталоном при межъязыковом сравнении является набор определенных семантических признаков. Если набор сем, получаемых при разложении значений слов на элементарные семы, считать универсальным, то с точки зрения теории семантических признаков эквивалентными являются лексические единицы двух языков, обладающие тождественным или по крайней мере в значительной степени сходным составом сем.

К основному списку выявленных итальянских лексем были добавлены новые глаголы: *avvisare, badare, adocchiare, occhiare, origliare, sbocconcellare, spilluzzicare, palpeggiare, raffigurare, riesaminare, specchiarsi, sbirciare*. Они пополнили исходный список переводных соответствий, результатом чего явился, с одной стороны, подбор итальянского соответствия (соответствий) каждой французской лексеме, и выявление корпуса итальянских соответствий. Полученный список ЛЕ на этом этапе является уже не списком переводных соответствий, т.к. представляет собой корпус межъязыковых соответствий исследуемых лексем в итальянском языке.

Основной единицей контрастивного анализа является контрастивная пара. Под контрастивной парой понимаются две лексические единицы сравниваемых языков, выступающие как межъязыковые соответствия. Понятие межъязыкового соответствия является центральным понятием контрастивной лингвистики.

Межъязыковое соответствие – это единицы двух языков, имеющих сходство в семном составе, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие, независимо от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь теоретически в некоторых специальных контекстах [Стернин 2004: 67].

В результате проведенного исследования в микрополе зрительного восприятия были включены 65 следующих итальянских глаголов: *vedere, abbagliare, accecare, accendere, accorgersi, ammirare, adocchiare, antivedere, apparire, apprezzare, avvertire, avvisare, badare, brillare, celare, cancellare, (cancellarsi), concernare, considerare, contemplare, coprire, corregere, discernere, distinguere, esaminare, fissare, guardare, indicare, intravedere, ispezionare, mirare (mirarsi), mostrare (fare vedere), nascondere, notare, occhiare, occhieggiare, osservare, paragonare, percipere, prevedere, provare, raffigurare, rappresentare, ravvisare, riesaminare, riguardare, ripassare, rivedere, rivelare, sbilurciare, sbirciare, scrutare, scernere, segnare, scomparire, scoprire, scorgere, scrutare, sguardare, sorvegliare, sparire, specchiarsi, spiare, squadrare, stravedere, studiare, velare.*

При сравнении микрополей глаголов зрительного восприятия во французском и в итальянском языках обнаруживается, что количество глаголов, относящихся к микрополям двух исследуемых языков, неравнозначно. В итальянском языке проявилась большая номинативная дробность глаголов микрополя зрительного восприятия, итальянские глаголы зрительного восприятия дают большую детализацию при номинации. Так, например, итальянским глаголам *specchiarsi* ‘смотреться в зеркало’, *sbirciare* ‘разглядывать исподтишка’, *raffigurare* ‘узнавать, изображать, представлять’, *ravvisare* ‘узнавать, распознавать, замечать’ во французском языке не найдены их переводные соответствия т.е. эти глаголы национально специфичны. Частично это связано с тем, что словообразовательная активность итальянских глаголов выше, чем у французских. Например, от итальянского глагола *vedere* образованы глаголы *antivedere* ‘предвидеть’, *stravedere* ‘отлично видеть’, ‘видеть то, чего нет’, ‘ошибаться’, во французском языке соответствия им не найдены, кроме глаголов *rivedere* ‘увидеть вновь’ fr. *revoir* и *prevedere* fr. *prevoir* [НИРС 1995].

Словообразование в западно-романских языках имеет большую значимость для пополнения словарного состава. Анализ итальянских глаголов восприятия показал, что в итальянском языке префиксальное словообразование гораздо более употребительно, нежели во французском. Развитая система итальянских глагольных приставок позволяет тонко дифференцировать различные оттенки и процессы зрительного восприятия.

Однако по мере развития языка могут происходить явления противоположного порядка. Обратимся например, к глаголу *occhiare* 'разглядывать', 'рассматривать' и его синониму *adocchiare*. Эти два глагола являются абсолютными синонимами, что не соответствует принципу экономии в языке. Анализ показал, что глагол *occhiare* стал малоупотребительным, в итальянско-русском словаре у него стоит помета *non com*, что означает 'редко', 'не принято' [НИРС 1995: 591]. Следовательно, происходит замещение глагола *occhiare* образованным от него глаголом *adocchiare*. В подтверждение сказанному можно добавить, что в итальянско-французском словаре [DFI-IF 2004] глагол *occhiare* в словарном списке не значится.

В микрополе итальянских глаголов слухового восприятия входят 31 глагол: *assordare, ascoltare, cigolare, chiamare, crepitare, crocchiare, echeggiare, emettere (dei suoni) frusciare, gracchiare, intendere, richiamare, riecheggiare, rintoccare, rintronare, risuonare, sbalordire, scoccare, scricchiolare, scrocchiare, sentire, sfrigolare, sqillare, stordire, stridere, suonare (sonare), tintinnare, udire, discernere, distinguere, percepire*.

Отметим, что нами не принимались во внимание глаголы слухового восприятия с низкой частотностью и с определенной спецификой, как, например, слова, обозначающие звуки (крики), издаваемые животными и птицами, иначе количество глаголов микрополя слухового восприятия могло бы возрасти многократно.

При количественном сопоставлении глаголов микрополей слухового восприятия обнаруживается, что номинативная дробность итальянских глаголов выше, чем у французских, это происходит за счет большей детализации явлений и процессов при номинации.

Известно, что процесс пополнения словарного состава языка происходит постоянно, отражая изменения в окружающем нас мире и отвечая потребностям носителей языка. Именно поэтому

столь большое значение имеет выявление продуктивных способов образования новых лексических единиц и моделей, по которым они создаются, степени их продуктивности, активности и употребительности. Общеизвестно, что пополнение лексики может происходить и за счет расширения объема значений уже существующих слов. Образование новых слов происходит по тем моделям и по тем словообразовательным типам, которые уже установились в языке или вновь возникают в связи с выделением новых аффиксальных элементов, в связи с развитием и усовершенствованием системы словообразования.

Словообразовательная структура производного слова предполагает наличие трех обязательных элементов: основы, аффикса и модели, по которой происходит присоединение аффикса к производящей основе. Анализ показал, что одним из наиболее активных способов словообразования в итальянском языке является аффиксация, или прогрессивная деривация. Следовательно, любое аффиксальное производное является результатом взаимодействия этих трех элементов. Словообразовательная основа, исходя из своих структурных, семантических и грамматических характеристик присоединяет к себе возможные аффиксы по объективно существующим моделям. Так, у итальянских глаголов не только зрительного, но и слухового восприятия наблюдаются случаи более частого, чем во французском языке, применения префиксации: *echeggiare, riecheggiare; chiamare, richiamare crocchiare scrocchiare* и др. Отметим, что производные слова – вторичны, они являются зависимыми единицами, сохраняющими формальные и семантические связи с исходными (производящими) основами [Бортничук 1996: 21].

В микрополе итальянских глаголов осязания входят глаголы: *accarezzare, attastare, branciare, brancolare, carezzare, grattare, frugare, mantrugiare, maneggiare (pop), palpare, palpeggiare, pizzicare, provare, ritoccare, ripalpare, saggiare, scandagliare, sentire, sfiorare, solleticare, tastare, tentare, toccare.*

Номинативная дробность итальянских глаголов микрополя осязания также выше, чем у французских глаголов, соотношение составляет 23:19. В микрополе осязания у этих глаголов наблюдается та же тенденция, что и у глаголов уже исследованных микрополей: применение словообразовательной аффиксации (см.

на глагол *palpare* и его производные *ripalpare* и *palpeggiare*). Большая дробность при номинации ЛЕ, их большая детализация, присущая итальянскому языку, очевидно, связана и с языковой картиной мира итальянского этноса.

Микрополе итальянских глаголов обоняния объединяет 22 глагола: *annasare, annusare, appestare, aromatizzare, assorbire, aspirare, aspirare, emanare, emettere, esalarer, deodorare, distinguere, fiutare, fragrare, impuzzare impuzzire, inalare, inspirare, odorare, olezzare, produrre, profumare, puzzare, respirare, sentire (odore)*.

При сопоставлении глаголов, входящих в микрополе восприятия во французском и итальянском языках, единственным микрополем, в котором количественно преобладают французские глаголы, оказалось микрополе обоняния, что, очевидно, связано с тем, что французы издавна относились с большим вниманием к запахам. Французская культура и многовековые традиции Франции были связаны с производством духов, благовоний, косметической продукции и их мировым экспортом. Наибольшее развитие парфюмерная промышленность получила именно во Франции.

Тон в ольфакторных (от лат. *olfactivus* 'обонятельный') исследованиях всегда задавали французы, поскольку парфюмерная мода во Франции, а значит и в мире, во многом определяла отношение к аромату. Проблематикой запахов занимаются представители самых разных областей знаний. Таким образом, микрополе обоняния во французском языке оказалось единственным, на развитие которого оказали влияние не внутриязыковые факторы, но и факторы экстралингвистические, лингвокультурологические.

В микрополе итальянских глаголов вкусового восприятия входят 19 глаголов: *assaggiare, assaporare, affinare, condire, degustare, distinguere, gustare, libare, percepire, pregustare, provare, saggiare, sapere, sentire sbocconcellare, spilluzzicare, sperimentare, stuzzicare (il palato), tastare (fam)*.

У итальянских глаголов микрополя вкусового восприятия также прослеживается отмеченная выше тенденция большей номинативной дробности по сравнению с микрополем вкусового восприятия во французском языке.

При контрастивном исследовании глаголов восприятия анализу подвергались как единица исходного французского языка,

так и все соответствующие единицы языка сопоставления, в нашем случае итальянского языка. При этом было выявлено, что каждой из вовлеченных в анализ единиц исходного может соответствовать более одной единицы языка сопоставления (см. рис. 2). Результатом выявления корпуса франко-итальянских соответствий исследуемых глаголов стал полученный список межъязыковых соответствий.

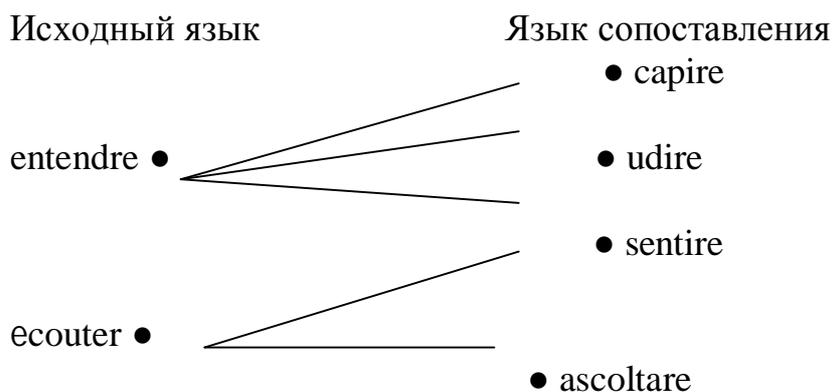

Рис.2

Сопоставление французско-итальянских соответствий микрополя слухового восприятия во французском языке и их соответствий в итальянском.

Для контрастивного описания лексики существенным оказывается количество лексических единиц языка сопоставления, поставленных в соответствие исследуемой единице исходного языка. С этой формальной точки зрения выделяются:

1) линейные соответствия (1:1): единице исходного языка соответствует не более одной единицы языка сопоставления, например:

- fr. *admirer* – it. *ammirare*;
- fr. *apparaitre* – it. *apparire*;
- fr. *contempler* – it. *contemplare*;
- fr. *distinguer* – it. *distinguere*;
- fr. *palper* – it. *palpare*;
- fr. *tater* – it. *tastare*;
- fr. *toucher* – it. *toccare* и др.

2) векторные соответствия (1:N): единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления, например:

- fr. *apercevoir* > it. *scorgere, vedere*;
- fr. *entendre* > it. *udire sentire, capire*;
- fr. *considerer* > it. *considerare, scutare, osservare*;

fr. *envisager* > it. *esaminare, considerare*;

fr. *observer* > it. *osservare, esaminare*;

fr. *se voir* > it. *vedersi, incontrarsi* и др. [DFI-IF 2004];

esp. *saborear* – fr. *assaisonner, savourer, parfumer* [DEF- 721].

3) лакуны (1:0): единице исходного языка не соответствует ни одна единица языка сопоставления [Стернин, 2004: 25-26].

Лакуна, как известно, это предельное проявление национальной специфики лексической единицы. Лакуны исходного языка выявляются через сопоставление с единицами языка сопоставления.

Известно, что в системе языка номинация осуществляется как посредством слов, так и посредством словосочетаний. Если принять положение о том, что лексическая система не противостоит фразеологической, а составляет вместе с ней единую лексико-фразеологическую систему языка, то слово и словосочетание могут считаться равноправными номинативными единицами лексико-фразеологической системы. Слову исходного языка может соответствовать в языке сопоставления как слово, так и фразеосочетание, причем степень устойчивости фразеосочетания может быть различной. Поскольку контрастивный анализ обычно проводится на уровне системы, то из числа словосочетаний, привлекаемых к сопоставлению, мы исключили, создаваемые в речи, свободные и неустойчивые сочетания слов.

Когда единицей исходного языка при межъязыковом сопоставлении оказывается фразеосочетание, выявляются следующие случаи межъязыковых соответствий:

1) словосочетание – слово:

fr. *ecouter aux portes* – it. *origliare*;

fr. *regarder en face* – esp. *encarar*;

2) словосочетание – словосочетание:

fr. *voir de ses propres yeux* – it. *vedere con i propri occhi*;

fr. *voir juste, claire* – it. *vedere bene, chiaro*;

fr. *regarder a la derobee* it. – *guardare di sottecchi*.

В данной работе при исследовании СП глаголов восприятия применен критерий лексической цельнооформленности, но поскольку в нем существуют лакуны (единицы «не покрытые» цельнооформленными словами), они замещаются перифрастическими средствами: фразеосочетаниями и / или, так называемыми, аспектуальными перифразами. Например, в

семантическое микрополе глаголов восприятия входят такие французские фразеосочетания, как *sauter aux yeux* 'броситься в глаза'; *lancer un regard* 'бросить взгляд'; *perdre de vue* 'потерять из вида' и др. Мы не ставим своей задачей детальное описание всех перифрастических средств материального воплощения поля восприятия, поскольку возможности описательных способов их репрезентации в языке безграничны - в этом случае задача системного описания поля оказывается нереальной, но при необходимости для более полного и точного анализа определенных языковых явлений в исследуемых языках мы не можем не прибегнуть к использованию фразеосочетаний.

Для выявления состава семантического поля глаголов восприятия испанского языка применяется аналогичная процедура, что и в паре французский – итальянский. Фоновым, исходным языком во второй паре языков также является французский, а языком сопоставления - испанский. Для выявления состава глаголов восприятия испанского языка использовались толковые словари, словари синонимов, идеографический словарь, который по испанской традиции называют *diccionarios ideologicos*, [Moliner 1966; DEM 1981; DSC 1979; DILE 1975; GDEF-FE 1998]. Были также использованы: приложение к монографии М. Алонсо «Наука о языке и искусство стиля» [Alonso 1982], двуязычные испанско-французский и французско-испанский словари [GDEF-FE 1998], двуязычные испанско-русские словари [ИРС 1995; ИРССУ 1998]. Результатом этого отбора явился расширенный базовый список испанских глаголов восприятия.

Исследование выявило, что в микрополе испанских глаголов зрительного восприятия входит 86 глаголов: *admirar, acatar, acechar, advertir alufrar, alumbrar, alzar, amaitinar, antever, aparecer, apreciar, apuntar, atender, atisbar, avisperar, avispar, avistar, avizar, avizaror, bizcar, bizquear, brillar, borrar, camelar, catar, cegar, clavar, columbrar, comparar, confundir, considerar, contemplar, cubrir, desaparecer, descubrir, deslumbrar, describir, despestanarse, desojarse, distinguir, divisar, eclipsarse, encubrir, enseñar, entrever, escabullirse, escapar, escaparse, escudrinar, esquivarse, esconder, examinar, fisgar, fijar, guardar guipar, hallar, indicar lucir, manifestar, marcar, mirar, mostrar, notar, obcecar, observar, ocultar, ofuscar, ojeear, otear, percibir, reconocer, relumbrar, reparar, representar,*

resplandecer, rever, revisar, senalar, tantear, tropezar, trasver, velar, ver, vigilar, vislumbrar.

В микрополе слухового восприятия было отобрано 19 следующих глаголов: *amortiguar, atender, aturrullar, auscultar, chisporretear, cruji, discernir ensordecere, entreoir, escuchar, oir, percibir, rechinar, resonar, sentir, sonar, tintinear, tocar, trasoir.*

Микрополя обоняния объединяет 26 лексических единиц: *apestar, aromar, aromatizar, aspirar, barruntar, corromper (пазд), desodorizar, espirar, exhalar, golosmear, gulusmear, fisgar, heder, husmear, oler, olfatear, oliscar, olisquear, olorizar, deodorare, perfumar, perfumear, respirar, sentir, trascender, ventear.*

После определения состава глаголов микрополя запаха и сопоставления их с аналогичными глаголами во французском языке, в последнее было добавлено еще два глагола: *aromatiser* и *parfumer*, следовательно, микрополе обоняния во французском языке составило 32 единицы.

В составе испанских глаголов восприятия нередко встречаются однокоренные парные глаголы, но с разными аффиксами: *oliscar = olisquear, perfumar, perfumear, oler, olorizar, aromar = aromatizar* ‘ароматизировать’ *comunicar aroma*. Возможно, это связано с процессами релатинизации, которая происходила в романских языках начиная со Средних веков, и с появлением «*mots savants*».

В микрополе испанских глаголов осязания входят 19 глаголов: *acariciar, apalpar, cosquillar, cosquillear, chocar, examinar, frotar(se), hurgar(se), lamer, palparse, pellizcar, pulsar, rascar-se, tentear, toquetear(se), tentar, tentear, tocar(se), tropezar(se).*

Испанское микрополе вкусового восприятия объединяет 15 глаголов: *arregostarse, catar, degustar, gustar, libar, magrear, paladear, percibir, probar, relamerse, saber, saborear, sazonar, sentir.*
Итого.

При количественном сопоставлении глаголов микрополей восприятия в исследуемых языках выявлено, что номинативная дробность микрополя зрительного восприятия в испанском языке самая высокая: 86 глаголов, тогда как во французском и итальянском соответственно – 58 и 65. У испанских глаголов этого микрополя наблюдается большая детализация и дифференциация в обозначении процессов зрительного восприятия. Известно, что испанский язык обладает развитой словообразовательной

системой, различными способами создания новых слов, которые привели к формированию богатого лексического фонда, одним из наиболее активных способов словообразования в испанском языке является аффиксация. Так, у испанских глаголов зрительного восприятия наблюдаются случаи более частого, чем во французском языке, применения префиксации (*catar* > *acatar*, *alumbrar*, *relumbrar* *deslumbrar*, *desaparecer*, *descubrir*) и суффиксации (*avisperar*, *avispar*; *bizcar*, *bizquear*).

Что касается других микрополей глаголов восприятия в исследуемых языках, то в их составе значительных количественных расхождений не наблюдается, кроме как в микрополе глаголов обоняния во французском языке.

Отметим, что все выявленные глаголы внутри отдельных микрополей находятся между собой в синонимических отношениях, что является вполне логичным, поскольку существует тенденция рассмотрения синонимии и поля как однородных явлений.

В результате исследования отмеченных преобразований лексики восприятия при переходе от языка-основы к дочерним языкам были сделаны интересные наблюдения семантической динамики некоторых глаголов данной группы: рокировка (обмен ролями) основного лексического репрезентанта (гиперонима) и дробного лексического репрезентанта (гипонима) в современных романских языках. В силу исторического развития менее важные, т.е. дробные, элементы стали основным членом семантического поля глаголов восприятия

Из приведенных в этой главе данных мы можем сделать вывод о степени симметрии / асимметрии, о сходствах и расхождениях глаголов в исследуемых языках: например, от латинских гиперонимов микрополей глаголов восприятия во французском языке сохранились только три этимологически восходящих к ним глаголов: fr. *voir* – микрополе *зрительного* восприятия, *sentir* – микрополе обоняния и *toucher* – микрополе осязания. Наиболее устойчивым к семантическим и другим видам изменения, по нашим данным, оказался итальянский язык.

При анализе глаголов зрительного восприятия латинского языка, исследуя объектный план, отмечаем, что *monstrare* ‘показывать’ является основным каузирующим репрезентантом, его дробными репрезентантами являются глаголы: *ostendere*

‘выставлять, показывать’, ‘clarare’ ‘делать светлым, ясным’, *luminare* ‘освещать’, во французском языке им соответствуют глаголы: *montrer, se voir* – ‘*etre apparent, visible*’ [Dubois 1966], а также глаголы *luire, reluire, briller*. В итальянском языке это глаголы *mostrare, lucciare, risplendere, brillare*, а в испанском – *mostrar* ‘показывать’ *lucir, brillar, alumbrar* ‘освещать, делать видимым».

2.4. Структура лексико-семантического поля глаголов восприятия

Характеризуя организацию семантического поля глаголов восприятия, лингвисты отмечают, что в его структурном каркасе обнаруживается несколько организационных линий, которые пронизывая поле, придают ему известную стройность и подчиняют составляющие его элементы определенной логике отношений [Макаров 1972: 75]. Семантическое поле, таким образом, предстает в виде сложного построения, в состав которого входит несколько элементарных полей, связанных между собой отношениями зависимости.

Структура СП глаголов восприятия учитывает его иерархическую организацию, взаимоотношение актантов в процессе восприятия, предусматривает определение имени поля (микрополя) и его идентификатора (термин Ш. Балли). По мнению Ю.Н. Караулова требования к имени поля как отдельной единице словаря сводятся к следующему: оно не должно быть многозначным, не должно быть эмоционально-окрашенным, экспрессивным, метафорическим, не должно быть термином и должно обладать наибольшей частотностью из некоторой группы близких слов [Караулов 1984]. Следовательно, идентификатор должен содержать интегральную сему, способную выполнять заместительную функцию для всех глаголов, входящих в это поле, служить основанием для полевого объединения. Он должен быть связан видовой зависимостью с гипонимами микрополей, имеющих частные (дифференциальные) признаки (от одного и более), по которым единицы поля отличаются друг от друга. С точки зрения позиционной лингвистики идентификатор поля – это слово с

полным соответствием означаемого и означающего знака, в котором концентрируются его основные категориальные признаки, и оно располагается в центре соответствующего поля языковой системы [Моисеева 2005]. Словарные дефиниции отражают понятийное содержание слова: интенционал, экстенционал и импликационал. Экстенсиональная часть – представление о том, кому эти признаки приписаны. В ядро значения – интенционал – входит совокупность обязательных признаков, которые денотат должен обнаружить, чтобы получить право на данное имя.

В русском языке доминантой глаголов восприятия является глагол «воспринимать». Исследование показало, что во французском языке глаголу «воспринимать» соответствует французский глагол *percevoir*. Этот глагол многозначен, основные лексико-семантических варианта (ЛСВ) этого глагола: 1) ‘воспринимать’, ‘чувствовать’; 2) *взимать, собирать налоги* [НФРС 1995: 802]. Таким образом, одно значение относится к СП глаголов восприятия, а второе – к семантическому полю глаголов финансовой деятельности, что будет рассмотрено нами подробнее в третьей главе. Итак, первый ЛСВ глагола *percevoir* является доминантой исследуемого семантического поля. Этот глагол с исторической точки зрения характеризуется устойчивостью в материальном и семантическом отношении, имеет довольно высокую частотную характеристику и необходимые инвариантные признаки, он способен замещать глаголы, относящиеся ко всем органам чувств пяти микрополей. Например: *Il percevait son pere, Mademoiselle, et la petite Gise, et son coeur debordait de tendresse et de remords* [Gard 1960: 76]. В этом предложении глагол *percevoir* употреблен в значении ‘увидеть, представить, вспомнить зрительный образ’ (syn. *voir, imaginer*).

Du logement de ses cousins, Olivier n’entendait pas les rumeurs comme il les percevait de la mercerie [Sabatier 1976: 144]. В данном случае исследуемый глагол имеет значение ‘слышать’. Это же значение глагола демонстрируется следующий пример: *Il ne percut pas immediatement un gemissement tout proche, croyant peut-etre qu’il venait de sa propre poitrine* [там же 1976: 55].

Jacques est sorti dans la rue des Roses et soudain il a percu l’odeur du printemps [Gard 1960: 76]. В приведенном примере глагол *percevoir* синонимичен глаголам *sentir, flairer* со значением ‘ощущать, чувствовать запах’.

Глагол *percevoir* – будучи семантически более емким, цементирует исследуемое поле, отражая его наиболее характерные признаки. Смысловые потенции поля показывают высокую степень подобия со всем СП глаголов восприятия, как в плане общей ориентации, так и в способе организации семантики поля.

В формировании семантического поля глаголов восприятия отражаются общие тенденции человеческого мышления, универсальные законы, в связи с чем структура семантического поля глаголов восприятия во французском, итальянском и испанском языках в своих ключевых позициях одинакова: в СП глаголов восприятия этих языков входит пять микрополей со своими доминантами, ядром с центром и периферией. Доминантой семантического поля глаголов восприятия в итальянском языке является глагол *percepire* ‘воспринимать’, ‘ощущать’, ‘чувствовать’. *Percepire un suono, un odore, percepire una differenza* [DFI-IF 2004: 1792], ‘воспринимать звук, запах’, ‘чувствовать разницу’. В испанском языке доминантой исследуемого семантического поля глагол *percibir* ‘воспринимать’, ‘ощущать’, ‘чувствовать’, *percibir un ruido* ‘услышать шум’; ‘замечать’, ‘видеть’, ‘различать (предметы)’; ‘понимать’, ‘осознавать’; ‘получать деньги’ (ИРС 1995: 578).

В каждом микрополе выделяются подгруппы, которые связаны между собой определенными отношениями зависимости: субъектная и объектная часть, пассивное и активное восприятие, обладание перцептивной способностью и каузирование этой способности. Глаголы каждой из групп также иерархически взаимосвязаны как по вертикали, образуя гиперо-гипонимические отношения, так и по горизонтали, гиперонимы пяти микрополей.

При разработке **семантической структуры** исследуемого СП принимается во внимание, что процесс восприятия можно представить в виде некой ситуации, основными участниками которой выступают: 1) субъект, осуществляющий восприятие, 2) объект, воздействующий на органы восприятия. Между ними распределяются своеобразные силы натяжения, взаимодействие которых определяет общую картину семантических отношений внутри поля, фундаментальное свойство глаголов которого связано с выражением перцепционных действий, характеризующихся наличием корреляций типа «*слушать*» / «*звучать*».

Взаимное воздействие воспринимающего и воспринимаемого обеспечивает адекватность чувственного образа объекта. Если продолжить представление этой ситуации, то для описания семантических ролей актантов надо иметь четыре разных понятия: агенса – активного деятеля, субъекта – пассивного испытателя, объекта, того, что испытывает реальное воздействие и предмета, того, что находится в фокусе внимания субъекта или агенса [Апресян 1995: 43]. В субъектной части появляется смысловой аспект применения субъектом чувствительной способности (пассивность и активность восприятия), которая понимается как способность живого организма воспринимать воздействие раздражителей из внешней и внутренней среды: температурная, световая, вкусовая чувствительность [БЭСЯ 1998: 718].

В процессе восприятия субъект стремится сделать объект максимально удобным для восприятия и совершает различные действия по отношению к нему (процесс вслушивания, например, или ощупывающие движения рукой, или движения глаз и т.п.). В подобном случае ситуация восприятия может быть описана посредством предикатов движения или направленного действия (fr. *jeter un coup d'oeil* 'бросить взгляд'; *tendre l'oreille* 'прислушиваться', 'навести уши' и т.д.).

Объект же, в свою очередь, адаптируется к особенностям воспринимающего субъекта, поэтому на языковом уровне процесс восприятия представлен двунаправленно от субъекта к объекту, и наоборот. В объектной части поля важное место принадлежит аспекту обладания способностью воздействовать на органы восприятия и наделение объекта чувствительной способностью.

Семантическая площадь поля восприятия рассматривается в субъектно-объектном плане, когда взаимное воздействие воспринимающего и воспринимаемого обеспечивает адекватность чувственного образа объекта. Организационное основание субъектно-объектной частей поля предполагает несколько дополнительных линий, усложняющих общую структуру поля, что создает объективную основу для существования большого репертуара структурно-семантических моделей, позволяющих выразить степень активности / пассивности субъекта, интенсивность ощущения, силу воздействия, состояния или реакцию субъекта и т.п., поскольку языковое обозначение

перцептивной системы человека как его онтологической сущности относится к числу общеязыковых явлений [Золотова 1982: 223].

Перцептивные операции, происходящие в мозгу человека, на поверхностном уровне обозначены глаголами восприятия, а на глубинном уровне их коррелятами являются *ноэмы*, представители уровня универсалий [Pottier 1987: 9]. Поскольку в данной работе за отправную точку принимаются универсальные понятия и категории, именно этим продиктовано применение в работе понятия *ноэма* как представителя концептуального невербального мира, который называется ноэмическим а науку, изучающую этот мир, он называет **ноэмикой**. Ноэмы – это теоретические конструкторы некоего уровня абстракции [Там же]. Предметом ноэмикой является концептуализация семантического континуума, выделение концептов и отношений между ними. Концепт рассматривается Потье как комбинация ноэм [Там же: 62]. Таким образом, когда мы исследуем СП глаголов восприятия одного языка, мы работаем с семами, когда идет межъязыковое сопоставление, то обращаемся к ноэмам.

Концепты, представленные как комбинации ноэм, открывают выход в когнитивную лингвистику. Так, например, комбинация двух ноэм *limite* ‘предел’ и *mouvement* ‘движение’ порождает следующие лексемы: недостижение предела – *approche* ‘приближение’; удаление, не достигнув предела – *eloignement* ‘удаление’; достижение предела – *atteinte* ‘достижение’; удаление от предела – *depart* ‘уход, отъезд’; преодоление предела – *franchissement* ‘переход’, ‘преодоление’ [Там же: 63].

Лингвисты по-разному подходят к выделению ноэм. Некоторые вычлняют в ноэмическом пространстве следующие понятия: *предметы, свойства, нахождение в пространстве, нахождение во времени, количество, модальные значимости, отношения сосуществования* [Metzeltin 1978: 162]. Отдавая должное большому разнообразию референциального мира, Б. Потье группирует ноэмы в соответствии с их типами по классам, а внутри них выделяются ноэмы.

Принимая во внимание все аспекты субъектно-объектной ситуации, соотносящейся с координатами семантического поля глаголов восприятия, опираясь на двухполюсную, субъектно-объектную ориентацию с двумя основными несущими опорами, мы разработали классификацию лексики восприятия,

соотносящуюся с понятием **НОЭМЫ**, объединяющей все пять перцептивных областей на понятийном уровне. В СП глаголов восприятия нами выделено десять нозм, их номенклатура разработана с учетом классификации лексико-семантических групп В.В.Макарова [Макаров 1972]. Термин *ноэма* удобен тем, что он объединяет все пять перцептивных областей на понятийном уровне.

На когнитивном уровне каждая из 10 нозм должна включать в себя глаголы и их субституты (перифразы) пяти перцептивных областей. На языковом уровне существует, с одной стороны, плеоназм, который выражается в синонимии, с другой – лакуны. Эти два из числа других параметров и придают языкам идиоэтничность. Поэтому изучение наполняемости (количественной и качественной) нозм в каждом из языков заслуживает самого пристального внимания.

В перцептивном поле выделяются четыре группы нозм, которые соответствуют двум функциям перцептивной деятельности: пассивному и активному восприятию – и двум ее участникам: субъекту и объекту. Предикатные отношения, которыми объединены участники перцептивно-локутивного акта (субъект и объект), состоят из четырех следующих групп:

1. *Группа глаголов субъектно-пассивного восприятия:*

1а. Обладание чувствительной способностью: тип *видеть, слышать*.

1б. Утрата чувствительной способности: тип *ослепнуть, оглохнуть*.

1в. Каузирование утраты чувствительной способностью, т.е. лишение кого-л. чувствительной способности: тип *ослепить, оглушить*.

1г. Обретение чувствительной способности: тип *прозреть, обрести слух* (перифраза).

2. *Группа глаголов субъектно-активного восприятия.* Применение чувствительной способности. В этой группе отражается активное действие субъекта: тип *воспринимать*.

2а. Активное применение чувствительной способности: тип *смотреть, слушать*.

2б. Неприменение чувствительной способности: тип *отвернуться, но отвести глаза* (перифраза).

3. *Группа глаголов объектно-пассивного восприятия:* обозначается свойство предмета воздействовать на органы чувств человека,

когда состояние объекта – находиться в поле зрения субъекта: тип *восприниматься*.

3.а. Предмет обладает свойством воздействовать на органы чувств: тип *блестеть, звенеть, пахнуть, быть вкусным, гладким*.

3б. Лишение предмета свойства воздействовать на органы чувств, т.е. каузировать невоздействие предмета на органы чувств: тип *прятать*.

4. *Группа глаголов объектно-активного восприятия*, воздействие предмета на органы чувств вхождением в активную зону восприятия.

4а. Каузирование воздействия предмета на органы чувств человека, т.е. наделение предмета свойством воздействовать на органы чувств: тип *появляться, начищать*,

4б. Нереализованное свойство предмета воздействовать на органы чувств, тип *исчезнуть*.

Десять выделенных нозм как единиц неязыкового (глубинного, универсального) уровня соотносятся с онтологическими характеристиками перцептивного процесса. Изучение их различной языковой наполняемости позволило выявить предпосылки языковой специфики, проистекающей из этнокультурной концептуализации самого процесса восприятия и его номинации.

Совокупность данных нозм образуют **перцептивный ряд**: Fr. *voir – regarder – etre vu – se voir(refl.) – sauter aux yeux; entendre – ecouter – etre entendu – se faire entendre – abattre les oreilles*. Последние единицы ряда зрительного и слухового восприятия в приведенных примерах составляют устойчивые глагольные фразеосочетания.

Анализируя перцептивный ряд идентификатора СПГВ fr. *percevoir: percevoir – (apercevoir) – etre percu – (-)*, мы видим в нем лакунарность: последняя позиция ряда отсутствует. Лексически, то есть универбом, выражены только первая и вторая нозмы. Третья может быть выражена лишь компенсирующими средствами из области аналитической морфологии. Что касается второй нозмы, стоящей в скобках, она может реализовать сему активности субъекта лишь через соотношение с ее именным дериватом *aperception* в его философском значении: действие, направленное на непосредственное и быстрое восприятие (схватывание) сознанием предмета или мысли *'aperception designe uniquement un*

acte conscient alors qu'il existe des perceptions inconscientes [Lexis 1978: 90].

Работа с нозмами является одним из наиболее существенных этапов изучения семантического поля при выявлении его структурной организации.

Каждый участок перцептивного поля – акты, связанные с пятью чувствами, репрезентируется одним «главным глаголом» этого участка (микрополя) – его гиперонимом. Глаголы-гипонимы вступают с ним в отношения включения (гиперо-гипонимические отношения).

При определении структуры поля учитывается одна из важнейших характеристик глаголов восприятия: их частотность. Анализ частотных словарей западно-романских языков также показал, что самыми частотными глаголами восприятия в исследуемых языках являются глаголы *видеть*: fr. *voir* – частотность 1082, it. *vedere* – 1578, esp. *ver* – 1032. У следующего по частотности – глагола *смотреть*, fr. *regarder* она достигает 235, it. *guardare* – 147, esp. *mirar* – соответственно 328. Глагол fr. *entendre* ‘*слышать*’ имеет частотность 213, it. *sentire* – 225, esp. *oir* – 324. У глагола *осязать* fr. *toucher* она составляет – 85, it. *toccare* – 50, esp. *tocar* – 78 [Juilland 1969; Juilland 1970; Bartolini 1971]. Анализ частотного словаря французского языка «Dictionnaire des frequences. Vocabulaire litteraire des XIX et XX siecles» также показал, что абсолютной частотностью обладает глагол *voir* – 149 662, за ним по убывающей идет глагол *entendre* – 42421, у глагола *regarder* частотность составляет 41742, у *sentir* – 34192, глагол *ecouter* показывает частотность 17124 и т.д. [DFV 1971]. Таким образом, самыми частотными глаголами восприятия во всех трех языках являются глаголы *видеть*, *смотреть*. Анализ показал, что в микрополе глаголов зрительного восприятия в исследуемых языках входит самое большое число глаголов, эти глаголы характеризуются большой употребительностью в речи и широким диапазоном сочетаемости.

Подсистемы внутри всей системы обычно образуют иерархию. В системе восприятия ее подсистемы упорядочиваются по важности в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека. Глаголы зрительного и слухового восприятия являются главными в соответствии с ролью сенсорных систем, в обозначении которых они участвуют. Они

противопоставляются в семантическом диапазоне трем другим сенсорным системам – обонятельной, вкусовой и осязательной, хотя относительный порядок трех последних не столь явно выражен, как двух первых, очевидно, вкусовому восприятию принадлежит последнее место. На лидерство глаголов зрения и слуха обращали внимание многие лингвисты. По выражению Н.Д. Арутюновой, перцептивные глаголы, прежде всего глаголы *слышать* и *видеть*, борются за первенство в иерархии чувств, за передел сфер влияния [Арутюнова 1998: 416], что отмечалось и другими учеными [Viberg 1983a; 1983b].

Принимая во внимание значимость проявления в языке зрительной и слуховой перцепции, мы закрепляем за первыми двумя понятие **основных** (ведущих) **перцептивных** глаголов, а за остальными сенсорными системами (обоняние, вкус, осязание) – **второстепенных перцептивных** глаголов. В качестве синонимов в работе используются также термины «глаголы основной перцепции» и «глаголы второстепенной перцепции». Этот принцип упорядочения не навязывается языку извне в угоду посторонним логическим соображениям, а вытекает непосредственно из языковых данных и происходящих в языке процессов: человек различает большее количество зрительных и слуховых образов (последнее, видимо, из-за устности языка), чем любое другое существо. Считается, что с меньшей остротой обоняния у человека связана относительная бедность соответствующего класса лексем. Однако есть и другое мнение. Так, Г.Е. Крейдлин, описывая тактильное поведение людей разных культур, стремится по важности в коммуникативном акте поставить осязательную функцию наряду со зрительной [Крейдлин 1999: 332].

Рассматривая проблему связи понятия “языковая картина мира” и восприятие в трех языках западно-романской группы и ориентируясь прежде всего на столь авторитетный источник, как данные словарей, то есть разрабатывая контрастивно-лексикографический метод исследования, мы вынуждены упомянуть и о возможной коррекции самих словарей. На материале русского языка эта проблема была сформулирована проф. Харченко В.К. в предисловии к демонстрационному словарю русского языка [Харченко 2006]. Относительно нашей темы речь идет о необходимости гармонизировать в иллюстративной части словарей «сенсорные контексты», то есть наряду со зрительными и

слуховыми образами, довольно подробно разработанными в словарях, очевидно следует давать также материал, ярко передающий, например, ольфакторные или осязательные впечатления. То, что мы находим в художественных текстах в плане передачи сигналов различных органов чувств, не всегда коррелирует с «языковой картиной мира», прочитываемой по словарям.

На наш взгляд, в западно-романской лексикографии, особенно во французской и итальянской, лексика восприятия достаточно результативно отражена в словарях, однако проблема действительно существует: развитие зрительной составляющей глаголов восприятия едва ли не по экспоненте, по-видимому, и тормозит развитие иных сенсорных сфер. Рассмотрим характеристики самого частотного глагола исследуемого семантического поля – глагола **зрительного восприятия** fr. *voir* (it. *vedere*, esp. *ver*), который отличается от всех глаголов зрительного восприятия по нескольким параметрам: у этого глагола наблюдается наличие необходимых инвариантных признаков, он нейтрален, не окрашен эмоционально, следовательно, именно его мы называем гиперонимом микрополя зрительного восприятия, Глагол входит в ядро СП глаголов восприятия, куда также мы относим его противочлен – глагол *смотреть* (fr. *regarder*, esp. *mirar*, it. *guardare*).

Исследование семантико-синтаксического аспекта глаголов восприятия предполагает рассмотрение их субъектного и объектного планов. В субъектном плане по линии применения чувствительной способности в микрополе глаголов зрительного восприятия способностью пассивного восприятия в исследуемых языках обладает многозначный глагол fr. *voir*, it. *vedere*, esp. *ver*, с основным, прототипическим значением *видеть*. Под основным значением ЛЕ понимается то значение, которое дается на первом месте в авторитетных толковых словарях соответствующего языка. Семасиологическая характеристика многозначного слова в них строится от более распространенного значения к значениям менее распространенным, таким образом, основное значение оказывается самым распространенным в определенную эпоху жизни языка [Будагов 2000: 232].

Как уже было отмечено, глаголы по признаку наличия / отсутствия действия разделяются на глаголы действия и состояния. Глагол *видеть* по этому признаку относится к глаголам состояния,

обозначая ненаправленное восприятие, тогда как глагол *regarder* (fr. *regarder*, esp. *mirar*, it. *guardare*) относится к глаголам действия.

Первым этапом исследования семантики глаголов восприятия в монолингвистическом аспекте является определение семного состава значений глагола и представление каждого лексико-семантического варианта (ЛСВ) в виде набора сем. Компонентный анализ глаголов зрительного восприятия вслед за В. Г. Гаком позволил разложить значения глаголов зрения на следующие смысловые элементы:

А. Понятийные семы:

1. Способность к зрительному восприятию;
2. Зрительное восприятие;
3. Умственное восприятие.

Понятийные и категориальные семы, являясь идентифицирующими (интегральными), составляют определенный инвариант лексического значения слова.

Б. В число **категориальных сем** входят следующие: действие / состояние, пассивность / активность, одушевленность / неодушевленность, переходность / непереходность, конкретность, абстрактность.

В. Индивидуальные (дифференциальные) семы предопределяют существование различных ЛСВ в семантической структуре полисемичного слова. К ним мы относим:

- соотнесенность глагола с субъектом и объектом определенного типа (лицо, предмет, отвлеченное понятие);
- характер действия (прямое, переносное значение);
- направленность действия, цель и т.д.

Рассмотрим гипероним микрополя зрительного восприятия французского языка – глагол *voir*. Анализ словарных дефиниций глагола *voir* позволил выделить в семантической структуре многозначного глагола *voir* несколько лексико-семантических вариантов [PR 1992; Robert 1993]. Они обобщенно могут быть представлены следующим образом: 1) обладать зрением; 2) видеть, увидеть, взглянуть; 3) смотреть; 4) видеться; 5) быть свидетелем; 6) бывать, посещать; 7) навещать; 8) изучать; 9) понимать; 10) знать; 11) делать умозаключение; 12) судить о...; 13) считать; 14) выходить на..., смотреть на...; 5) (а) позаботиться о...

На основании выявленных ЛСВ анализируемого глагола мы выделяем **два смысловых семантических стержня**.

(Семантический стержень представляет собой единство (совокупность) значений внутри семантемы, характеризующий смысловой аспект отражения действительности, выявляющийся в этих значениях). В первый семантический стержень входят семь ЛСВ (1-7), которые взаимодействуют в пределах микрополя зрительного восприятия, их семантика отмечена специфическими оттенками и дополнительными средствами воплощения данного микрополя. Они представляют не весь его участок, а элементы его дробной репрезентации.

Во второй семантический стержень входят шесть ЛСВ (8-13), относящиеся к семантическому полю умственной деятельности, два последних лексико-семантических варианта (14 -15) входят в другие семантические поля.

Компонентный анализ семантической структуры глагола *voir* **первого семантического стержня** позволяет выделить интегральные и категориальные семы, предполагающие: способность к зрительному восприятию, зрительное восприятие, одушевленность (зрительное восприятие присуще живым существам), конкретность, состояние, пассивность, переходность. К индивидуальным семам относятся следующие: соотношенность глагола с субъектом и объектом зрительного восприятия, ненаправленность, значение не переносное, а прямое.

Французский толковый словарь «Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui» выделяет у этого глагола в микрополе зрительного восприятия следующие значения:

1. Основное значение глагола '*voir*' I. v. intr. Recevoir les images des objets par le sens de la vue [Robert 1993: 1082]. *L'enfant commence a voir entre le dixieme et le quinzieme jour qui suit sa naissance. 'Ребенок начинает видеть между десятым и пятнадцатым днем после своего рождения'*. В данном примере проявляется нозма 'обладание чувствительной способностью': 'быть зрячим'. Словарь Quillet у глагола *voir* указывает на значение '*avoir tel ou tel vue*' [Quillet 1955]. Именно в этом значении анализируемый глагол выступает как гипероним микрополя зрительного восприятия, относящийся к его ядру.

II. V. tr . dir. Percevoir qch par les yeux. *Voir qn (qch) de ses yeux de ses propres yeux* [Robert, 1993: 1082]. '*Воспринимать кого-то (что-то) глазами, собственными глазами*'.

Je le vis, je rougis, je pâlis à sa vue (Racine). 'Я увидел его, я покраснел, побледнел при его виде'.

– *Je l'ai vu comme je vous vois* [Moliere 1972].

Французское выражение *comme je vous vois*, 'как я Вас вижу' говорится французами – «*pour affirmer qu'on a réellement vu et bien vu la personne ou l'objet dont on parle*» [PR 1992: 2109].

Таким образом, мы можем констатировать, что исследуемый глагол актуализирует значение 'смотреть внимательно, иметь хорошее, четкое видение того, на что смотришь'. Синонимами данного ЛСВ являются глаголы: *apercevoir, considerer, entrevoir observer, regarder, remarquer*.

В этом качестве глагол *voir* характеризуется как ЛЕ, относящаяся к группе глаголов субъектно-пассивного восприятия, ноэм: обладание чувствительной способностью, пассивное применение чувствительной способности.

Глаголы восприятия в основной своей массе полимодусны и многозначны. Полимодусность глаголов восприятия называется в когнитивных исследованиях концептуальной дивергентностью [Березина 2000: 288-293].

Именно с полимодусностью и многозначностью связан **второй семантическому стержень** глагола *voir*, в котором у него актуализируются значения 'понимать', 'находить', 'знать' и категориальные семы: активность, одушевленность, абстрактность, переходность. Исследуемый глагол в указанных значениях будет рассмотрен в третьей главе.

Глаголы зрительного восприятия могут в равной степени охватывать и статику, и динамику. **Динамические** предикаты синтезируют в себе целый комплекс признаков. **Статические** предикаты монопризнаковы; в них зафиксированы либо цвет, либо размер предмета, либо его отношение к свету. Глагол *voir* относится к статическим предикатам.

В микрополе глаголов зрительного и слухового восприятия для каждого вида *пассивного восприятия* имеется парный глагол, обозначающий соответствующее *активное восприятие*. Активное применение ЧС у глаголов зрительного восприятия проявляется у fr. *regarder*, it. *guardare*, esp. *mirar* 'смотреть'. Этот глагол характеризуется высокой употребительностью в речи и широким диапазоном сочетаемости, но на статистической шкале глаголы *voir* и *regarder* далеко отстоят друг от друга: глагол *voir* занимает 61

ряд, а глагол *regarder* 172, частотность первого глагола превышает частотность второго почти в три раза [DFV 1971].

Анализ словарных дефиниций в словаре Le Petit Robert (PR 1992) позволил выделить в семантической структуре многозначного глагола *regarder* несколько ЛСВ, которые обобщенно могут быть представлены следующим образом: 1) смотреть, глядеть; 2) рассматривать, изучать; 3) воспринимать; 4) думать, считать; 5) взвешивать, обдумывать; 6) быть обращенным к..., выходить на...; 7) касаться кого-то, чего-то (иметь отношение).

Приведенные лексико-семантические варианты глагола *regarder* в основном сгруппированы вокруг двух смысловых стержней: в **первый** семантический стержень входят три ЛСВ, относящиеся к зрительному восприятию (1-3), ко **второму** семантическому стержню – умственной деятельности, относятся два ЛСВ (4, 5).

Понятийные и категориальные семы этого глагола, являясь идентифицирующими, составляют определенный инвариант лексического значения слова. Анализируемый глагол входит в число глаголов группы субъектно-активного восприятия с ноэмами «обладание чувствительной способностью», «активное применение чувствительной способности».

Что касается индивидуальных (дифференциальных) сем, то их наличие предопределяет существование различных ЛСВ в семантической структуре исследуемого полисемичного слова. У глагола *regarder* они могут быть представлены следующим образом: зрительное восприятие, действие, которое предполагает соотношение зрительного восприятия с конкретным объектом реального мира, направленность, целеустремленность. ЛЕ *regarder* в отличие от глагола *voir* относится к динамическим глаголам. Глаголы, имеющие в своем составе эти семы, входят в ядро семантического микрополя зрительного восприятия.

Основное значение глагола *regarder*, выделяемое словарем Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui – это «faire en sorte de voir (qn, qch), s'appliquer a voir». Например: *regarder sa montre, regarder l'heure, regarder par la fenetre. Regarder qn avec attention, avec insistance* [Robert 1993: 865], но *regarder sans voir* 'смотреть не видя'.

Словарь синонимов П. Рипера отмечает, что синонимами глагола *voir* являются глаголы *apercevoir, contempler, decouvrir, discerner, distinguer, entrevoir, observer, percevoir, regarder, remarquer, reperer, surprendre*. Глаголу *regarder* синонимичны глаголы *admirer, considerer, contempler, devisager, epier, examiner, fixer, observer, surveiller, viser, voir* [DS 1995]. Синонимы у глаголов *voir* и *regarder*, выявленные П. Рипером, во многом совпадают. Проблема близости, совпадения ЛЕ в синонимическом ряду рассматривается многими лингвистами и, в частности, А.А. Уфимцевой, которая отмечает, что почти все определения синонимов сводятся к следующему – слова, близкие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками, либо стилистической окраской [Уфимцева 1977: 28]. Именно оттенки значений и стилистическая окраска относятся к импликационалу значения. Как известно, в силу взаимосвязей и зависимостей признаков интенционал значения окружен периферией семантических признаков. Эти признаки имплицитуются из интенциональных признаков и образуют информационное поле интенционала – импликационал значения [Никитин 1997: 309].

В СП глаголов восприятия методом компонентного анализа в рамках одного языка выявляются родо-видовые семантические признаки, по которым анализируемые лексические единицы объединяются в лексико-семантические микрополя, позиционно располагаясь в СП восприятия в зависимости от степени общности признака ближе или дальше от ядра поля. В микрополе глаголов зрительного восприятия у ЛЕ имеющих в своем составе интегральную сему «воспринимать что-то зрительно», актуализируются и другие дополнительные дифференциальные семы, выражающие особенности процесса зрительного восприятия, по которым можно выявить положение каждого элемента в СП глаголов восприятия и, следовательно, в лексической системе языка. В микрополе зрительного восприятия ближняя периферия объединяет глаголы: *apercevoir, apparaitre, decouvrir, devisager, discerner, lorgner, reperer*, к дальней периферии относим глаголы: *admirer, considerer, contempler, entrevoir, epier, examiner, surprendre, surveiller* и др.

Глагол *contempler* ‘созерцать’, ‘рассматривать’ [НФРС 1995: 236] придает действию дополнительные оттенки, выявляя значение:

considerer attentivement; s'absorber, etre dans l'observation de' [PR, 1992: 377]. Например: *Tandis que Loulou accoude a la table, ecoutait les explications d'Albertine etalant les cartes de sa reussite, Olivier contempla un coque de porcelaine avec un faux oeuf decore* [Proust 1987 : 220].

Глаголы *guetter* и *epier* близки по значению, синонимичны, в их семантическую структуру входят такие дифференциальные семы, как 'пристальность', 'настойчивость', 'систематичность'. *Le chat guette le souris. Guetter qn a la fenetre*. Но глагол *epier* отличается от своего синонима глагола *guetter* дополнительной семой 'секретность'. *Epier – observser attentivement et secretement (qn, un animal) Epier une personne suspecte. Animal qui epie sa proie* [Robert 1993 : 371].

Поскольку процесс зрительного восприятия у человека явление универсальное, он тождественно отражается в различных языках. Глаголы микрополя зрительного и слухового восприятия в итальянском и испанском языках также, как и во французском, являются глаголами основной перцепции.

Глагол *vedere* 'видеть', будучи нейтральным, не окрашенным эмоционально и самым частотным в СП глаголов восприятия итальянского языка [Bartolini et al. 1971], является гиперонимом микрополя зрительного восприятия. Компонентный анализ выявил у этих глаголов те же понятийные и категориальные семы, что и у французского глагола *voir*. Что касается дифференциальных (индивидуальных) сем, то их наличие предопределяет существование различных ЛСВ в семантической структуре полисемичного слова.

У исследуемого глагола также выявлено два семантических стержня, но в своем основном значении он находится в ядре СП глаголов восприятия.

К первому семантическому стержню относятся следующие ЛСВ этого глагола: 1. Абсолютное значение глагола *vedere* 'видеть' – 'быть зрячим'. Например, *Vedere chiaro, bene* 'видеть хорошо, ясно'. *Lo vedevo entrare* 'Я видел, как он вошел'. 2. 'смотреть, глядеть, осматривать, рассматривать'. *Vedere col microscopio* – 'рассматривать в микроскоп'.

Таким образом, анализируемый глагол, так же как и его французский аналог, относится к группе глаголов субъектно-пассивного восприятия, к ноэме: «обладание чувствительной

способностью», «пассивное применение чувствительной способности».

Лексико-семантические варианты второго семантического стержня выявляют значение 'понимать', 'знать', 'считать' и др., они также будут рассмотрены в следующей главе

Противочлен глагола *vedere* итальянский глагол *guardare* также имеет два семантических стержня. К **первому** семантическому стержню относятся ЛСВ, актуализирующие следующие значения:

1) rivolgere, fissare lo sguardo su ql. o su qlcu.: *guardava ammirato il paesaggio* 'он восхищенно смотрел на пейзаж'; *mi guardo come se mi vedesse per la prima volta* 'он посмотрел на меня, как если бы увидел меня в первый раз'.

Guardare e non vedere – 'глядеть (смотреть), но не видеть'.

2) osservare con attenzione – (fig) *guardo il conto e si accorse dell'errore, guarda un po' tu se ho torto*;

Глагол *guardare* как и французский *regarder* относится к глаголам группы субъектно-активного восприятия с нозмами «обладание чувствительной способностью», «активное применение чувствительной способности».

В испанском языке гиперонимом микрополя зрительного восприятия является глагол *ver*, поскольку у него наблюдается наличие необходимых инвариантных признаков: он является нейтральным глаголом, не окрашенным эмоционально. Анализ семантики этого глагола также выявляет у него два семантических стержня. В первом проявляется основное прототипическое значение глагола:

Ver 1. v.tr. percibir la forma y color de los objetos por medio de la vista: nunca lo he visto 'воспринимать форму и цвет предметов посредством зрения'. ЛСВ со значением 'быть зрячим', словарь Moliner [1966] отмечает значение «*Poseer el sentido de la vista*».

Глагол *ver* имеет те же характеристики, что его французский и итальянский аналоги, относясь к глаголам **субъектного** плана, следовательно мы относим его к нозме «пассивное обладание чувствительной способностью».

Во втором семантическом стержне у глагол *ver* актуализируются значения синонимичные глаголам: *pensar, conocer, juzgar, considerar, cegar(se), ignorar, desconocer, inadvertir*.

Противочленом испанскому *ver* является глагол *mirar*. *Mirar* v. tr. 1. Fijar la vista en un objeto aplicando la atencion [CDM t. 2]. Например: *desde el balcon mira lo que pasa por la calle. Mirar a la cara* 'смотреть прямо в глаза'. В этом значении исследуемый глагол относится к первому семантическому стержню, к глаголам группы субъектно-активного восприятия, ноэмы: обладание чувствительной способностью, активное применение чувствительной способности.

Номинативная дробность глаголов зрительного восприятия, как мы установили, большая, чем в других сенсорных системах, соответственно, ноэмы этого микрополя выделяются легче. Анализ микрополя зрительного восприятия выявил ноэмы, относящиеся ко всем четырем группам. Так, глаголы, относящиеся к группе глаголов субъектно-пассивного восприятия, ноэма: каузирование утраты чувствительной способности, иными словами лишение чувствительной способности: тип 'лишать зрения' или 'ослеплять' актуализируется у глаголов fr. *aveugler*. it. *accecare*, esp. *cegar*, *obsecar*.

Группа глаголов субъектно-активного восприятия: ноэма «условия, необходимые для осуществления воздействия на органы чувств», т.е. каузирование чувствительной способности проявляется у глагола *montrer, se voir*, в конструкции *se faire voir* 'показывать'; в выражениях 'etre apparent, visible'; *rendre visible* 'делать видимым' [Dubois 1966].

Глаголы объектно-пассивного восприятия fr. *aveugler, eblouir* it. *accecare*, esp. *ofuscar, deslumbrar* имеют значения 'ослеплять', актуализируя ноэму «предмет обладает свойством воздействовать на органы чувств». Например: fr. *le soleil m'aveugle; le soleil m'eblouit*, esp. *el sol me ofusca, el sol me deslumbra* 'солнце меня слепит'; it. *accecare con gli abbagliare* 'ослепить фарами'.

Ноэма «обрести чувствительную способность»: тип *прозреть*, группы глаголов субъектно-активного восприятия актуализируется у глагола fr. *desaveugler*

Такие глаголы зрительного восприятия, как fr. *disparaitre, s'eclipser, s'estomper, s'effacer*, словосочетания *devenir invisible*, каузативная конструкции *faire disparaitre*; it. *eclissarsi, sparire, scomparire, sfumarsi, cancellarsi*, и словосочетания *diventare invisibile, volverse invisibile*; esp. *desaparecer, eclipsarse*, выражения

esp. *hacer desaparecer, ocultarse repentinamente* относятся к группе глаголов объектно-активного восприятия, к ноэме «нереализованное свойство предмета воздействовать на органы чувств», тип *исчезнуть*. Например: fr. *la tache a complètement disparu*, it. *la macchia e sparita completamente* ‘пятно совершенно исчезло’. Fr. *Le soleil s’eclipse*, it. *Il sole si eclipsa* ‘солнце скрылось’.

К ноэме «лишение предмета свойства воздействовать на органы чувств», т.е. каузирование невоздействия предмета на органы чувств мы относим глаголы: fr. *cache*, it. *nascondere*, esp. *esconder*. Например: fr. *je n’ai rien a cacher* it. *non ho niente da nascondere* ‘мне нечего прятать’; esp. *esconder una carta en un libro* fr. *cache une lettre dans un livre* ‘спрятать письмо в книге’

Французский глагол *celer*, имеющий в словаре Le Robert помету (littter), синонимичен глаголу *cache*, в своем переносном значении он актуализируется во втором семантическом стержне [PR 1992: 149]. Например: *Flaubert n’était pas homme a celer son affliction* [Duhamel 1937]. Выражение fr. *se faire celer* означает ‘rester enferme chez soi en faisant dire aux visiteurs qu’on n’y est pas’. Например: – *C’est une mauvaise politique que de se faire celer aux creanciers* [Moliere 1972]. ‘Это плохая политика прятаться от кредиторов’

Глагол *celer* в своих вторичных значениях может находиться на периферии, на пересечении микрополя зрительного восприятия с другими полями, например, в выражении *a ne vous rien celer* имеет значение *pour tout vous dire, pour parler franchement* ‘говоря откровенно, говоря прямо’. В этом значении исследуемый глагол не относится к семантическому полю глаголов зрительного восприятия.

В группе глаголов объектно-пассивного восприятия ноэма «предмет обладает свойством воздействовать на органы чувств», тип *блестеть* выявляется у таких глаголов, как fr. *luire, reluire, briller*, в испанском языке к этой ноэме относятся глаголы *lucir, brillar, senalar, alumbrar* ‘освещать, делать видимым’, в итальянском языке – глаголы *brillare luccicare, risplendere, accendere* – ‘accende la luce, accende i fari della macchina (fam.) [DFI-IF 1988: 46] и каузативная конструкция *far vedere*.

К группе глаголов субъектно-активного восприятия, ноэмы «наделение предмета способностью воздействовать на органы

чувств», т.е. каузирование воздействия предмета на органы чувств, тип *показывать* относится французский глагол *montrer*.

Глагол *montrer* v. tr. I. Faire voir, mettre devant les yeux. *Montrer un objet a qn. Montrer ses richesses. Montrer le chemin, la voie* 2. (Suj. chose) *Film qui montre des scenes des violences* [Robert 1993: 654]. В этом значении многозначный исследуемый глагол относится к первому семантическому вектору.

Рассмотрим итальянский глагол **mostrare**: v. tr.1. mettere in mostra *mostrare la propria collezione di francobolli; mostrare la lingua al dottore*; (fig.) assumere un atteggiamento risoluto, *agressivo mostrare il vi al nemico, affrontarlo*; 2. Far vedere, indicare: *mostrare l'entrata, l'uscita, la strada*.

Эта ноэма обнаруживается у испанского глагола микрополя зрительного восприятия **mostrar(se)**, актуализируя значения ‘показывать(ся), обнаруживать(ся)’, например: *mostrarse en publica ‘появиться на публике’*. Испанский глагол *demostrar* и каузативная конструкция *hacer ver* являются синонимами этого глагола.

К *объектно-активному восприятию* относятся глаголы, отражающие ситуацию, когда предмет воздействует на органы чувств посредством вхождения в активную зону восприятия: каузируя воздействие предмета на органы чувств человека (тип *появляться, начищать*).

К группе глаголов объектно-пассивного восприятия, мы относим глагол *apparaitre* со значением *se montrer brusquement, d'une maniere inattendue* – ‘появляться’, ‘являться’, ‘показываться неожиданно’ [НФРС 1995: 56]. Его синонимами являются глаголы *se decouvrir, se detacher* [Lexis 1978]. Итальянский эквивалент французскому *apparaitre* – глагол *apparire: il sole appare all'orizzonte 'le soleil apparait a l'horizon* [DFI-IF 2004: 64]. Испанский эквивалент этих глаголов - *aparecer*. Например: *aparecio un cometa ‘une comete apparut’* [GDEF-FE 1998: 69].

Микрополе глаголов **слухового восприятия** по важности его представления в системе восприятия стоит на втором месте после микрополя глаголов зрения. При сравнении этих двух микрополей обнаружилось, что номинативная дробность глаголов, обслуживающих слуховое восприятие, практически в два раза ниже номинативной дробности глаголов зрительного восприятия.

Анализ лексико-семантического микрополя глаголов слухового восприятия во **французском языке** выявил у них следующие

понятийные семы: 1) способность к слуховому восприятию, 2) слуховое восприятие, 3) умственное восприятие; категориальные семы: 1) действие, 2) активность, 3) одушевленность, 4) переходность / непереходность, 5) конкретность / абстрактность. Индивидуальные (дифференциальные) лексико-семантические варианты полисемичного слова актуализируют следующие семы: 1) соотнесенность глагола с субъектом и объектом определенного типа (лицо, предмет, отвлеченное понятие), 2) характер действия (прямое, переносное значение), 3) направленность действия, 4) цель и т.д.

Интегральной семой этих глаголов является сема 'percevoir par le sens de l'ouïe' [PR 1992: 362] 'воспринимать что-л. слухом'. Глагол *entendre* является самым частотным глаголом исследуемого микрополя. В своем основном прототипическом значении он относится к группе глаголов субъектно-пассивного восприятия, к нозме «обладание чувствительной способностью». По своим характеристикам он является гиперонимом микрополя слухового восприятия. Анализ его словарных дефиниций выявил следующие ЛСВ: 1) обладать способностью слышать; 2) слышать; 3) слушать; 4) внимать, выслушивать; 6) понимать; 7) подразумевать; 8) знать, хорошо разбираться; 9) желать, хотеть, намереваться [НФРС, 1995: 402]. Анализируемый глагол имеет два смысловых стержня: в первый, представляющий слуховое восприятие, входят четыре первых ЛСВ, следующие ЛСВ относятся ко второму семантическому стержню, четыре из них относятся к глаголам умственного восприятия, последний – к семантическому полю волеизъявления.

Прототипическое значение глагола *entendre* 'percevoir par le sens de l'ouïe', выделенное в словаре Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui [1993: 362], относится к первому семантическому стержню: (syn.) *ouïr*. Например: *entendre de ses oreilles, de ses propres oreilles* 'слышать своими ушами, своими собственными ушами'. В приведенном примере у глагола выявляется значение 'иметь способность слышать', нозма «обладание ЧС» субъектно-пассивного плана. *J'ai entendu la voiture arriver.* 'Я услышал, что подъехала коляска'. *Je n'entends pas, parle plus fort* [Gard 1960: 246]. 'Я не слышу, говори громче'.

Фразеосочетание *avoir l'ouïe fine* 'иметь хороший (тонкий) слух' актуализируется нозмой «обладание чувствительной способностью», придавая ей дополнительный дифференциальный оттенок, относящийся к импликационалу его значения.

У исследуемого глагола заложена также сема 'не быть глухим'. Так, J. Dubois приводит пример: *Il entend mal de l'oreille gauche* 'он плохо слышит левым ухом', т.е. *il a une mauvaise audition* 'у него плохой слух' [Dubois 1966].

Второй по важности глагол микрополя слухового восприятия – *ecouter* относится к группе глаголов субъектно-активного восприятия, ноэма «активное применение чувствительной способности», тип: *слушать*. Этот глагол является гипонимом микрополя слухового восприятия, определяется как глагол действия, он не обнаруживает ментальных значений.

Дробными репрезентантами или гипонимами исследуемого микрополя являются также глаголы и глагольные сочетания *emettre (rendre) un son, sonner* 'звучать'. Например: *Cela sonne faux* 'это звучит фальшиво'. Глагол *sonner* относится к группе глаголов объектно-пассивного восприятия, к ноэме «предмет обладает свойством воздействовать на органы чувств».

При анализе глагольного материала мы выделили также ноэмы частного характера. Есть ноэмы, которые выражают такие стороны восприятия, которые не даны человеку природой, как, например, «неприменение (по желанию, капризу) чувствительной способности», она актуализируется во фразеосочетании: *fermer les yeux sur qn (qch), faire la sourde oreille, esp. hacerse el sordo*, в итальянском языке переводным соответствием является выражение *fare orecchie da mercante*. Словосочетание *fr. perdre qn, qch de vue* актуализируется в ноэме «безрезультатность применения ЧС», относящейся к субъектно-пассивному восприятию:

Микрополе слухового восприятия в **итальянском языке** возглавляет глагол *sentire* – гипероним микрополя слухового восприятия, подробно рассмотренный в первой главе. Будучи гиперонимом микрополя слухового восприятия, он имеет те же ноэмические характеристики, что и французский глагол *entendre*.

Sentire vt слушать; *senti un momento...* 'послушай-ка...'; *che sento! che mi tocca sentire!* 'что я слышу!'; *sentire il polso a qd a* (med) 'прощупать пульс у кого-л.'. *vi sentire (a), stare a sentire* 'прислушиваться' [DGLI 1990]. Например: *sentire un rumore, un suono, uno sparo 'entendre un bruit, un son, un coup de feu'*. *Parle piu forte, non la sento bene 'parlez plus fort, je ne vous entends pas bien'* [DFI-IF 2004: 1968].

Этот глагол отражает линию глаголов субъектно-пассивного восприятия, ноэма «обладание чувствительной способностью», тип *воспринимать, видеть, слышать*, что видно из примера *it. L'ho sentito con le mie orecchie*, *fr. 'Je l'ai entendu de mes oreilles'*. 'Я слышал это собственными ушами'. *Avete sentito quelle che ha detto?* *fr. 'Avez-vous entendu ce qu'il a dit?'*. 'Вы слышали, что он сказал?' [DFI-IF 2004: 916]

Значение 'не быть глухим' актуализируется у итальянского глагола *sentirsi*, который относится к **пассивному** восприятию и имеет значение 'обладать способностью слышать'. *Sentirsi bene, avere l'udito bene* 'иметь хороший слух' [DGLI 1961].

Между гипонимами микрополя слухового восприятия существуют синонимичные отношения, дифференциальные признаки у этих глаголов не так ярко предсталвлены, как у глаголов зрительного восприятия.

В микрополе слухового восприятия исконным глаголом активного применения чувствительной способности является глагол *it. ascoltare*, который относится к группе глаголов субъектно-активного восприятия, он имеет следующие значения:

1. Обладание чувствительной способностью, ноэма «наличие чувствительной способностью».

Ascoltare v.tr. *udire con attenzione, con interesse, stare a sentire, udire. Anche assol.: prestare attenzione (a un discorso), tendere l'orecchio (per distinguere) un rumore* [GDLI, v.1, 1961: 726].

В итальянско-французском словаре у глагола *ascoltare* выявлены следующие соответствия:

1. *ascoltare* – *ecouter*: *ascoltare la lezione, un oratore, ecouter une leçon, un orateur; ascolta!- fr. écoute!* *Non ascolta nessuno – fr. il n'écoute personne*

2. *ascoltare* – *entendre*: *Dio ascolterà le nostre preghiere. fr. Dieu écoutera nos prières. Che il cielo vi ascolti! fr. Que le ciel vous entende!*

3. *siuivre*: – *ascoltare la messa. fr. suivre la messe*

4. *ascoltare* (med.) – *fr. ausculter* [DFI-IF 2000: 1226].

Исследуемый глагол не актуализирует ментальных значений, поскольку обычно глаголы, обозначающие *активное* применение чувствительной способности, развивают их редко.

К субъектно-пассивному плану глаголов слухового восприятия, к ноэме «утрата чувствительной способности», тип

ослепнуть, оглохнуть, относятся глагол *sentirsi* в отрицательной форме (*non sentirsi*), фразеосочетание *it. essere sordo* 'быть глухим' [DGLI, 1961].

Микрополе глаголов слухового восприятия в **испанском** языке возглавляет глагол **oir**. Он актуализирует следующие значения: 1) *percibir los sonidos*; 2) *acceder a los ruegos o avisos*; 3) *asistir el estudiante a clase* [Alonso 1981: 320]. На русский язык он переводится как 'слышать, слушать, выслушивать', например: *oir un ruido* fr. '*entendre un bruit*'; *oir mesa* fr. '*entendre la messe*'; *no se oye nada*; fr. '*on n'entend rien*' [GDEF-FE, 1998: 582]. Исследуемый глагол относится к группе глаголов субъектно-пассивного восприятия, к нозмам «наличие чувствительной способности», «обладание чувствительной способностью», тип *воспринимать, видеть, слышать*

Противочленом испанскому глаголу *oir* является глагол **escuchar**, гипоним микрополя слухового восприятия. Он принадлежит к группе глаголов группы «обладание чувствительной способностью», к нозмам «наличие ЧС» и «активное применение ЧС». *Escuchar-se, v. tr. 1. Aplicar el oido para oir*. В данном значении проявляется нозма «не быть глухим».

La Domi se levanto de la silla, entreabrio la puerta y escucho. No se oia nada. 'Доми поднялась со стула, приоткрыла дверь и слушала. Ничего не было слышно' [Delibes 1956: 114].

К группе глаголов объектно-пассивного восприятия, к нозме «каузирование утраты чувствительной способности», иначе говоря, лишение кого-л. чувствительной способности, тип *оглушить*, проявляется у французских глаголов *assourdir, etourdir* 'оглушать'. *it. assordare, stordire; esp. ensordecer*. Глагол *assourdir*, актуализирует значение 'causer une surdite passagere, rendre comme sourd': *ne criez pas si fort, vous m'assourdissez* 'не кричите так громко, вы меня оглушаете' [Robert 1993: 61] или пример: fr. *un vacarme qui nous assourdit*, *it. 'un frastuono che ci assordo'* [DFI-IF 2000: 81]; fr. *il nous assourdisaient de ses cris*, *esp. 'nos ensordecia con sus gridos'* [GDEF-FE, 1998: 338].

Глаголы микрополей **второстепенной перцепции**: обоняния, осязания по числу обслуживающих их лексем уступают во многом микрополю зрения. Предикаты, порожденные вкусовыми, осязательными и обонятельными впечатлениями, не столь многочисленны, по этому критерию к ним можно присоединить и

глаголы слухового восприятия. Вкусы, запахи, звуки, тембры воспринимаются человеком индивидуально. Думается, что неравномерная разработанность данного фрагмента языковой картины мира объясняется, прежде всего, различной степенью важности видов восприятия. Зрение, например, существенно важнее обоняния, осязания и вкуса, следовательно, соответствующие понятия в микрополе зрительного восприятия в языке развиты в гораздо большей степени. Исходя из количества глаголов, входящих в микрополе зрительного восприятия, мы можем сделать вывод, что среди значений, порожденных чувственным восприятием мира, наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные эквиваленты именно зрительных впечатлений. Зрительная семантика довольно четко расчленена, чего нельзя сказать о глаголах, относящихся, например, к слуховому, вкусовому и осязательному восприятиям, они в большей степени диффузны и внутренне недискретны [Гак 1977: 179-201].

Во **французском** языке самым частотным глаголом микрополя **осязания** по словарю А. Жюйана является глагол *toucher*, [Juilland 1972], являющийся гиперонимом микрополя глаголов осязания, он нейтрален, выражает значение общее для всех глаголов этого микрополя.

Глагол *toucher* – многозначный, в двуязычном французско-русском словаре [ФРС 1995: 1097] у него насчитывается более 20 значений, но в данной главе мы рассматриваем его основное, прототипическое значение «*entrer en contact (avec qch, qn) en éprouvant des sensations du tact*» [PR 1992: 1920].

Анализ показал, что когда у глагола *toucher* левая позиция подлежащего замещается именем существительным одушевленным, правая позиция – именем существительным неодушевленным без предлога или с предлогом *a*: *qn touche qch*, *a qch*, глагол употребляется в значении ‘трогать что-л., дотрагиваться до чего-л., касаться чего-л.’

Например: *Pierre touche le manuscrit.* ‘Пьер трогает рукопись’.

Pierre a touche involontairement le manuscrit. ‘Пьер случайно коснулся рукописи.’

В этом значении исследуемый глагол относится к группе глаголов субъектно-пассивного восприятия, к ноэме «обладание

чувствительной способностью» тип *воспринимать, видеть, слышать*

В примере: *Il la touchait a travers sa robe, la maniait, la palpait ; et elle defaillait sous cette caresse* [Maupassant 1958] наблюдается лексико-семантический повтор типа: гипероним-гипоним-гипоним. Опорным словом в нем является глагол *toucher*, относящийся к ядру изучаемого микрополя. Использование глаголов *manier, palper* в этом примере, добавляя новую информацию, конденсирует смысл действия при помощи дополнительных дифференциальных сем. Так, *manier* выявляет значение ‘*avoir en mains, entre les mains tout en deplacant, en remuant*’ [PR 1992: 1145].

В итальянском языке гиперонимом микрополя осязания является глагол *toccare*, например: *toccare un oggetto* fr. *toucher un objet* [DFI-IF, 2004: 2068].

В испанском языке ему соответствует глагол *tocar*. Например: esp. *tocar un objeto* fr. *toucher un objet* [GDEF-FE 1998: 789]

Дробный репрезентант микрополя осязание – глагол *tater*, выявляет значение ‘*toucher attentivement avec la main afin d’explorer, d’eprouver, de reconnaitre*’ [PR 1992: 1927]. Например: *Il tate les murs pour trouver son chemin*. В этом значении глагол *tater* относится к группе глаголов субъектно-активного восприятия, ноэма «активное применение чувствительной способности». Глагол *tater* многозначен, он может актуализировать и ментальные значения. Так, выражение *tater l’opinion* означает *chercher a connaitre les forces ou les dispositions de qn. en les questionnant avec prudence* [PR 1992], syn. *sonder* ‘зондировать (общественное мнение)’.

В итальянском языке ему соответствует глагол *tastare*. Например, fr. *tater un tissu* it. *tastare un tessuto*, а в испанском – глагол *tentar* ‘*examinar por medio del tacto*’ [GDEF-FE 1998: 778]. Это глаголы субъектно-активного восприятия, ноэма «активное применение чувствительной способности».

Анализ микрополя глаголов осязания выявил, что в исследуемых языках нет четко выделенного «органа осязания» (см. Урысон 1998), тем не менее, в толковании глаголов *toucher, tater, palper* входит указание на определенную часть тела – рука, пальцы. Однако рука – это не только орган осязания, но и инструмент, являющийся одновременно и частью тела субъекта, это орган-инструмент, с помощью которого человек ощупывает.

Глаголы, образующие ольфакторную (от lat. *olfactivus* 'обонятельный') лексико-семантическую парадигму, входят в микрополе **обоняния**. Анализ показал, что во французском языке исследуемое микрополе по количеству входящих в него глаголов, стоит на втором месте после микрополя зрительного восприятия. Номинативная дробность глаголов обоняния высокая, следовательно, глаголы этой сферы восприятия более развиты и более тонко дифференцированы, чем глаголы микрополя осязания и вкуса. В связи с этим рассмотрим это микрополе более подробно. Характерным для внутренней организации процесса восприятия запаха является обязательная дихотомия его базисных элементов: запах как ольфакторный стимул и субъект, который воспринимает запах посредством обоняния. Каждый элемент ольфакторного восприятия актуализируется определенными лексемами. В значении глаголов, принадлежащих к данному семантическому микрополю, прослеживается наглядная дифференциация частей данной сферы восприятия.

Гиперонимом глаголов микрополя обоняния является глагол *обонять*, fr. *sentir*, который в своем основном прототипическом значении 'connaitre, pouvoir reagir a (un objet, un fait, une qualite) par des sensations' *sentir par l'odorat* [PR 1981], относится к группе глаголов субъектно-пассивного восприятия, ноэма «обладание чувствительной способностью».

В западно-романских языках в указанном микрополе выявляется четкое различие активного и пассивного аспектов восприятия. К пассивному восприятию относятся, например, глаголы fr. *odor*, it. *odorare*, esp. *oler*, активное восприятие представлено глаголами fr. *flairer* 'нюхать', it. *fiutare*, esp. *olfatear*, *husmear* и др.

Глагольные единицы сферы «запах» актуализируются с учетом особенностей ситуации восприятия запаха. Перцептивный акт ситуации может описываться как со стороны объекта, так и со стороны субъекта, при этом обязательно учитывается одушевлённость и неодушевлённость объекта восприятия. Существует две группы глаголов, описывающих действие субъекта: *qn sent qch* 'кто-л. обоняет что-л' (глагол *sentir* как гипероним), а в следующем *qn sent une odeur* 'кто-то воспринимает запах', где употреблено словосочетание *sentir une odeur*, образованное на основе существительного *odeur* 'запах'. Например: *Mais comme il ne pouvait*

penser qu'a Odette, il ne savait meme pas s'il avait senti l'odeur des feuilles, s'il y avait du clair de lune [Proust 1987: 266]. Анализ показал, что в микрополе обоняния есть глаголы, которые актуализируют одновременно и активный, и пассивный аспекты восприятия, к ним и относится fr. sentir: *sentir l'odeur* в значении 'обонять' и *sentir la rose* в значении 'нюхать', в данном случае отражено явление синкретизма восприятия.

Исследование глаголов микрополя обоняния показало, что вырисовывается последовательность, направленная от источника до субъекта цепочки: источник – запах – субъект. Другие относящиеся к микрополю глаголы передают действие запахов, направленных от источников: *une odeur s'exhale de qn/qch* 'запах выделяющийся от кого-л./чего-л. Возможны глаголы, описывающие воздействие запахов непосредственно на людей: *l'odeur exerce une influence olfactive a qn* – 'запах оказывает ольфакторное воздействие на кого-л.'

Гипонимами микрополя запаха являются глаголы, имеющие не только инвариантный признак, свойственный данному микрополю, но и дифференциальные признаки. Так, глагол *humer* имеет значение 1) вдыхать запах носом 'aspirer par le nez en respirant; вдыхать запах носом, чтобы почувствовать запах 'aspirer par le nez pour sentir' [PR 1992]. Например: *Il humait l'odeur de la maison. Oui, il est a la maison* [Gard 1960 : 172].

2) вдыхать в нос лекарственные, наркотические и т.п. средства для лечебных и других целей. Например: *Il a hume une prise de tabac* [du Gard 1960: 29] Его синонимами являются глаголы *respirer, renifler, flairer, aspirer*. Все они относятся к группа глаголов субъектно-активного восприятия, ноэма «активное применение чувствительной способности», но различаются между собой оттенками, т.е. дифференциальными семами.

Глагол *odor* означает 'percevoir des odeurs au moyen des fosses nasales'. В толковании предиката *odor* входит указание на орган обоняния – нос. Исследуемый глагол относится к группе глаголов субъектно-пассивного восприятия, ноэма «обладание чувствительной способности».

Глагол *respirer* актуализирует значение *absorber l'air dans la cage thoracique, puis l'en rejeter* [PR 1992: 888]. Например: *Il respire une odeur tres lointaine et tres vieille, une odeur de ville et du mer baignant la ville, une odeur de port* [Sagan 1981 : 443]. Восприятие передается глаголом *respirer* + существительное *odeur* 'запах'.

Глагол *renifler* означает *aspirer fort par le nez pour sentir (qch)* [PR 1992: 876]. Например: *Peine perdue. Il est tout pame, flageolant ; il renifle, il malaxe, il triture ses bajoues, indecis, ravage, balance comme un juge qui s'attendrit sur son coupable et s'affole a l'idee d'en faire une victime* [Bazin 1973: 135].

Глагол *flairer* актуализирует значение '*discerner, reconnaître ou chaircher par l'odeur*' [PR 1992: 433]. *Elle le regardait, l'ouvrait et meme elle flairait l'odeur de sa doublure, melee de vervaine et de tabac* [Flaubert 1956 : 72].

Глагол *aspirer* выявляет значение '*attirer (l'air) dans ses poumons, aspirer par le nez, par la bouche*' [PR 1991: 58], (syn) *flairer*. *Antoine humait l'odeur de tilleuls fleurissants* [du Gard 1960 : 134].

Развитие значений в подгруппах глаголов восприятия может осуществляться за счет расширения основной концептуальной модели оценочными компонентами, которые или обозначаются аналитически (как в лексических типах *sentir bon / sentir mauvais*), либо входят в номинативный объем глагольных единиц этих подгрупп. В данном случае речь идет об аксиологической составляющей глаголов ольфакторной сферы.

Гиперонимом глаголов микрополя обоняния в **ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ** является глагол *odorare*, в испанском языке – глагол *oler*, который содержит в своей семантике сему: '*percibir los oleros*' '*aplicar la nariza algo para percibir su olor*' [Moliner 1966].

Наличие у объекта «способности оказывать воздействие на ОЧ», группы глаголов объектно-активного восприятия в западно-романских языках в микрополе обоняния проявляется у глаголов: fr. *aromatiser*, it. *aromatizzare*, esp. *aromar*, *aromatizar* '*ароматизировать*'; fr. *parfumer*, it. *profumare*, esp. *perfumar*, *perfumear*.

Ноэма «лишать предмет свойства воздействовать на органы чувств, т.е. каузировать невоздействие предмета на органы чувств, группы глаголов объектно-пассивного восприятия актуализируется у глагола *desodoriser (deodoriser)*, it. *deodorare, deodorizzare*; esp. *desodorizar*.

В иерархии системы микрополей восприятия последнее место занимает **вкусовое восприятие**. Гиперонимом микрополя вкусового восприятия во **французском** языке является глагол *gouter*, однокоренная ЛЕ с существительным *le gout*, определяющая название данной системы. Этот глагол относится к группе глаголов

субъектно-пассивного восприятия, к ноэме «обладание чувствительной способностью».

Глагол *gouter* v. r.1) *percevoir, apprecier par le sens du gout* ‘*gouter d’un aliment, d’une boisson en sentir la saveur*’ [Dubois 1966]’. *Goutez notre vin* ‘*непробуйте наше вино*’.

2) *deguster* ‘пробовать блюдо, определять вкус’. *Gouter une sauce pour voir si elle est suffisamment assaisonnee*.

Гипонимами микрополя вкусового восприятия являются глаголы, *savourer, se delecter* относятся к глаголам субъектно-пассивного восприятия, ноэмы «обладание чувствительной способностью».

Глагол *savourer* v. r. 1. *Deguster un bon vin, un vieil alcool*, ‘*дегустировать, пробовать*’. 2. ‘отведывать, смаковать, пить или есть с удовольствием’.

Глагол *se delecter* имеет значение *prendre un tres grand plaisir*, (syn.) *savourer*.

Глагол *deguster, tater* и *assaisonner* относятся к глаголам субъектно-активного восприятия, к ноэме «обладание чувствительной способностью», «активное применение чувствительной способности».

Глагол *deguster* v. tr. *Voire ou manger avec grand plaisir* [PR, 1992: 478]. *Apprecier (une boisson, une aliment)* относится к ноэмам: «применение чувствительной способности».

Глагол *tater* de (или a qch) ‘пробовать на вкус’ у его синонима *essayer* в микрополе вкусового восприятия актуализируется это же значение.

Французский глагол вкусового восприятия *assaisonner* имеет значения: ‘приправлять’, ‘придавать вкус’, ‘придавать остроту, пикантность’, ‘сдабривать’ [НФРС 1995: 72].

Микрополе глаголов вкусового восприятия в **итальянском** языке объединяет глаголы: *gustare, provare, assaggiare* и др.

Глагол *gustare* 1. v. tr. 1) пробовать, отведывать 2) находить приятным, наслаждаться, получать удовольствие, (разг) смаковать, (книжн.) вкушать. 2. vi нравиться, быть приятным.

Исследуемый глагол в своем первом, прототипическом значении является гиперонимом микрополя глаголов восприятия и относится к группе глаголов субъектно-пассивного восприятия, ноэма «обладание чувствительной способностью».

К глаголам субъектно-активного восприятия, ноэма «активное применение чувствительной способности» относится глагол

provare, основное значение которого – ‘пробовать на вкус’. Но анализ словарных дефиниций выявил у глагола *provare* два других ЛСВ, один из которых относится к семантическому полю эмоций, выявляя значение ‘испытывать’, ‘переживать’, ‘терпеть’, второй – относится к СП интеллектуальной деятельности и актуализирует значение ‘доказывать’, ‘свидетельствовать’ ‘проверять’.

Многозначный глагол *assaggiare* в микрополе вкусового восприятия актуализирует следующие значения: отведывать, пробовать. Этот глагол относится к глаголам субъектно-активного восприятия, к нозме «активное применение ЧС’.

В испанском языке в микрополе вкуса к глаголам групп субъектно-пассивного восприятия, к нозме «обладание чувствительной способностью» относится глагол *gustar*, являющийся гиперонимом микрополя вкусового восприятия, синонимами этого глагола по линии субъектно-пассивного восприятия являются гипонимы *catar*, *paladear* и *saborear*.

Глагол *gustar* 1) v.tr. пробовать, дегустировать; 2) чувствовать вкус; 3) подвергать испытанию. 2. vi нравиться, быть приятным, быть по душе [ИРС 1995: 404]. Первые два значения исследуемого глагола относятся к микрополю вкусового восприятия первого семантического стержня.

Применительно к линии субъектно-активного восприятия в испанском языке используется глагол *probar* и его синонимы *degustar*, *saborear*, *libar*.

Итак, гиперонимами пяти микрополей, соответствующих пяти перцептивным модальностям: зрительной, слуховой, обонятельной, вкусовой и тактильной, являются глаголы: fr. *voir*, *entendre*, *sentir*, *gouter*, *toucher*; it. *vedere*, *sentire*, *odorare*, *toccare*, *gustare*; esp. *ver*, *oir*, *oler*, *tocar*, *gustar*.

Все остальные глаголы выполняют роль гипонимов. Перцептивные слова, находящиеся на периферии поля, изменившие свое значения и входящие в другие семантические поля, например, поле эмоций, умственной или оценочной деятельности, или лексемы, пришедших в поле восприятия из других семантических полей, имеют индивидуальные (дифференциальные) семы.

Анализ лексического состава перцептивных глаголов пяти микрополей показал, что рассмотренные нами прототипические глаголы в своих значениях отражают конвергентные тенденции в западно-романских языках, что было установлено при анализе глаголов, в проекции к соответствующим нозмам.. Если же

исходить из другого принципа исследования: анализировать непосредственно ту или иную ноэму и относить к ней соответствующий глагол или фразеосочетание, то картина кардинально изменяется. Возьмем, к примеру, не столь распространенную ноэму: «лишение предмета свойства воздействовать на чувствительную способность», тип *прятать*, группы глаголов объектно-активного восприятия.

Таблица 2

Ноэмы «лишение предмета свойства воздействовать на ЧС»
в пяти перцептивных актах

Fr.	Esp.	It.
Зрение		
cachier, voiler, eclipser, couvrir, tamiser (la lumiere) и т.д.	esconder, cubrir, ocultar, velar, disimular, amortiguar	nascondere, occultare, velare, attenuare, temperar, smorzare (la luce)
Слух		
amortir le bruit, voiler un son, baisser le volume	Amortiguar un ruido (второе значение после «вызвать потерю чувств» и перед третьим «притупить боль»).	Velare un suono
Обоняние		
de(s)odoriser,	Desodorizar	deodorare, deodorizzare, emettere odore
Вкус		
rendre insipide	hacer desabrido	fare insipido
Осязание		
Polir	pulir, pulimentar (une surface, brunir (un metal), ciclar (jouaillerie), fig. pulir	1.tr. levigare, brunire (metallo), smerigliare (a l'emer), lisciare (fr.lisser), 2. rifinire, forbire il proprio stile, raffinare il gusto

Анализ языкового материала показал, что в разных языках эта ноэма актуализирует разное количество глаголов и глагольных выражений. Благодаря такой методике полнее раскрывается национальная специфика языка и языковая картина мира в сфере перцепции.

Признание семантических полей как лингвистической реальности проистекает из объективно существующих лексико-семантических связей между единицами лексического уровня, которые и организуют их (единицы) в определенные семантические пространства. Значения слов существуют в системе отношений с другими значениями и раскрываются через эти отношения, поэтому проведение семантического анализа подразумевает также выделение семантических связей исследуемой области значений. Учеными рассматриваются также и синтаксические связи в предложениях и конструкциях с глаголами восприятия [Рылов 1985]. При описании системного устройства лексики исследуются структурные связи, объединяющие элементы системы. Способ описания структурной организации лексико-семантического поля путем моделирования организующих его связей, т.е. построения их типологии, довольно эффективен. А.А. Уфимцева считает характерным признаком лексико-семантической структуры смысловые связи на трех уровнях:

- 1) внутрисловные семантические связи на уровне отдельного слова;
- 2) межсмысловые связи в микросистемах (смысловые связи на уровне рядов и групп слов);
- 3) смысловые связи на уровне всей системы (Уфимцева 1986).

Нами была предпринята попытка выявить структурные семантические связи, организующие исследуемое лексико-семантическое поле. Метод конструирования семантических полей обеспечивает относительно полное описание данной области значений и способствует изучению межклассовых связей. Принцип поля позволяет также выявлять иерархическую организацию отдельных участков лексики в их взаимодействии на более высоких уровнях абстракции. Методика компонентного анализа также дает возможность осуществлять эффективное исследование связей на основе содержательных признаков лексических единиц.

Рассмотрим типы парадигматических связей, организующих лексико-семантическую парадигму: семантические, формально-семантические и формальные связи.

Основой семантических связей является наличие в семном составе лексических единиц общих или близких по содержанию сем. На данном основании разграничиваются два типа связей, основанных на формальных и содержательных признаках. Среди

семантических связей выявлены связи обязательные для каждой лексической единицы – элементы лексико-семантической системы, и связи факультативные. Обязательной является связь, обозначаемая термином «вхождение». Под вхождением понимается связь слов с остальными элементами поля по общности хотя бы одной семы. Например, глаголы *apercevoir*, *remarquer*, *entrevoir* имеют сему ‘воспринимать что-либо зрением’, следовательно, выявлена связь «вхождение» в данное семантическое микрополе, и все эти глаголы являются его элементами. Глагол *apercevoir* можно представить как комбинацию нескольких элементарных смыслов, в частности, таких, как:

1) ‘воспринимать что-то зрительно’. Например : *Dans ces deux maisons on n’apercevait aucune chandelle, ni aucune lampe.*

2) ‘воспринимать что-то с затруднением’ *Elle n’apercevait que le toit de sa maison avec un peu de fumee.*

Связь, обозначаемая термином «вхождение», является обязательной. Лексические единицы, входящие в одно микрополе имеют общие и различные семы, но все элементы микрополя пересекаются по какой-либо общей семе.

Гиперо-гипонимическая связь организует иерархическую группировку в вертикальном измерении. Если она объединяет более двух элементов, относящихся к разным ярусам иерархии, она представляет собой цепочечную гиперо-гипонимическую связь. В этом виде связи участвуют, как правило, вербальные и концептуальные элементы. Цепочечная гиперо-гипонимическая связь представляет собой многоступенчатый процесс постепенного содержательного обогащения исходного концепта, выраженного первым, наиболее общим элементом. Она предполагает, что единицы одного микрополя имеют общие семы, кроме того, одна из единиц включает одну или несколько конкретных дифференцирующих сем.

Дж. Лайонз считает целесообразным пользоваться термином «гипонимия» для обозначения отношений включения в лексике. Гипонимические отношения, по мнению Дж. Лайонза, пронизывают всю структуру словарного состава в парадигматическом аспекте [Lyons 1963: 69]. Так, например, глагол *considerer* входит как гипоним в микрополе глаголов зрительного восприятия, он имеет сему общую с идентификатором этого

микрополя глаголом *voir*, обозначающим общее родовое понятие и являющимся гиперонимом этого микрополя. Идентификатор микрополя ‘воспринимать зрительно’ конкретизируется семой ‘умственное восприятие’, обозначая более узкое, конкретное, т.е. видовое понятие [Гольдберг 1999: 58-62; 2000: 60-64].

Разные материальные реализации цепочечной гиперогипонимической связи имеют в модели общую исходную точку, ею является вершина группировки, например, глагол fr. ‘entendre’ в микрополе слухового восприятия. Постулируя существование иерархических отношений внутри ЛЕ, А. Греймас указывал на двоякую направленность этих отношений. Отношения частных сем к обобщенным семам исследователь называет синонимическими, в обратном случае имеет место гиперонимическое отношение и горизонтальные связи [Greimas 1995: 23]. Связь глаголов-гипонимов, имеющих различные дифференциальные семы называется «пересечением». Пересечения, на наш взгляд, представляет собой как бы зоны переходности или общие сегменты между двумя соседними лексико-семантическими полями.

Так, глаголы fr. *considerer* и *examiner* имеют общую сему ‘смотреть внимательно’, оба эти глагола конкретизируют идентификатор – глагол *voir*, находясь на одном уровне иерархии (горизонтальное соотношение), они образуют эквиполентную оппозицию. Графически эта связь представлена на рис.3.

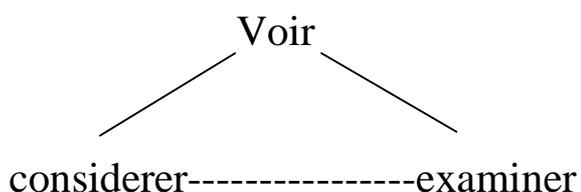

Рис. 3 Эквиполентная связь между гипонимами микрополя зрительного восприятия.

Синонимическая связь предполагает пересечение и гиперогипонимическую связь между единицами, принадлежащими к одному или соседним уровням иерархии. Следовательно, синонимическая связь выступает как более общая относительно пересечения и гиперогипонимической связи. Например, итальянские глаголы *considerare*, *contemplare*, *examinare*, *mirare*, являясь синонимами, объединены синонимической связью, но

одновременно между ними отмечается наличие других связей: гиперо-гипонимической и пересечения. Именно эти два вида лежат в основе синонимической связи. Элементы, объединенные этими связями, и составляют синонимический ряд.

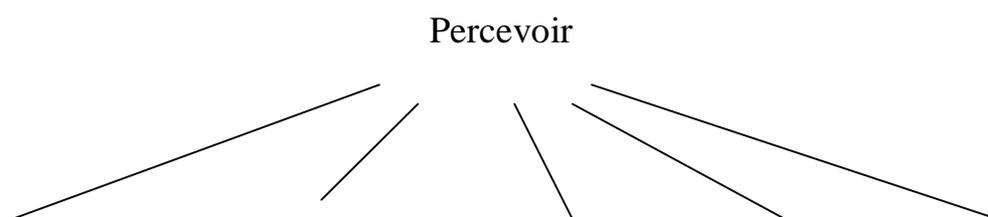
Градуальная связь предполагает, что синонимы в СП отражают разные степени обозначаемого понятия и различаются семами типа ‘очень’, ‘максимально’, ‘незначительно’ и др. Например, в синонимическом ряду fr. *regarder* – *observer*, it. *guardare*, *osservare* второй элемент включает сему ‘особое внимание’, конкретизирующую значение первого элемента. Одновременно эта сема указывает на более высокую степень обозначаемого действия, т.е. на его градацию. Следовательно, элементы данного синонимического ряда являют градуальную связь. Таким образом, гиперо-гипонимическая связь, объединяющая эти элементы, совпадает с градуальной и синонимической связями.

Кроме семантических связей выявляются также формально-семантические связи, основанные на полном или частичном сходстве лексем СП. Эти связи делятся на связи «семемного притяжения» и на «мотивационные» связи. Связь «семемное притяжение» основана на общности формы у разных значений многозначного слова, а мотивационная связь основана на общности значения слов и на общности их корневых морфем, например, fr. *voir*, *apercevoir*, *entrevoir*.

Итак, мы исследовали СП глаголы восприятия в трех западно-романских языках, его структуру, определили микрополя ГВ, их состав, проанализировали семантику глаголов восприятия пяти микрополей, охарактеризовали гиперонимы микрополей и их гипонимы. Структуру СП глаголов восприятия на примере французского языка можно представить следующей таблицей.

Табл. 3

Организация СП глаголов восприятия во французском языке

voir	entendre	toucher	sentir	gouter
regarder remarquer apercevoir aviser discerner considerer contempler observer examiner	ecouter ouir ausculter grincer retentir sonner bruire resonner crisser	palper sentir manier tater grater manipuler effleurer crepiter, froler	odorner humer flairer renifler aspirer emaner inhaler aspirer exhaler	deguster sentir gouter savouner essayer affiner degouter blaser relever

В табл. 3 схематично отражена структура семантического поля глаголов восприятия во французском языке. Эта структура трехъярусная: во главе поля стоит идентификатор семантического поля глаголов восприятия, следующий ряд составляют гиперонимы пяти микрополей, каждый гипероним объединяет гипонимы своего микрополя, составляющие третий уровень схемы. Структуры СП глаголов восприятия в итальянском и испанском языках аналогичны.

2.5. Глаголы восприятия в грамматическом аспекте

Выявление семантической структуры глаголов восприятия на системно-парадигматическом уровне дает лишь «частичную правду», более полную картину можно получить, обратившись к их функционированию в речи, к уровню их реального речевого использования.

Исследуя глаголы восприятия, мы учитываем, что слова различаются между собой грамматическими свойствами. Глаголы как часть речи, выделяющиеся по совокупности трех признаков: семантическому, морфологическому и синтаксическому, характеризуются а) общим категориальным значением, б) грамматической формой, в) синтаксической функцией.

Глаголы восприятия в подавляющем большинстве относятся к классу переходных глаголов, имеющих левую и правую валентности. Лексические классы слов, которые заполняют левую и правую позиции, predeterminedены «естественным положением

вещей», например, одушевленный субъект выступает в роли подлежащего, неодушевленное существительное, стоящее в правой позиции, является прямым дополнением. Именно при этих условиях – условиях нормативной комбинаторики – реализуется коммуникативная функция языка.

Категория переходности является одной из важнейших глагольных характеристик, она представляет собой семантико-синтаксическую категорию, будучи семантической, она отражает способность глагола выражать действие, переходящее на объект. По синтаксическому критерию переходностью считается наличие прямого дополнения при глаголе, т.е. семантические и структурные признаки у глагола не совпадают. При комплетивном характере связи, как отмечает Н.Д. Арутюнова, «глагол семантически детерминирует дополнение: глагольная лексема «призывает» к себе лексему имени» (Арутюнова 1988). С другой стороны, дополнение своей формой обнаруживает синтагматическую зависимость, указывая на присутствие глагола. Такого рода зависимость позволяет говорить об управлении [Рылов 1985]. В индоевропейских языках переходный глагол, грамматически согласуясь с субъектом, вместе с тем находится в семантическом соответствии с объектом, напоминая этим формальную ориентированность переходного глагола на объект [Гак 1998: 264-272]. Без прямого дополнения действие ограничено сферой самого субъекта, за пределы которой оно не выходит. В грамматическом отношении наиболее существенными являются субъектные и объектные валентности [Гак, 2000: 283-284].

Итак, обратимся непосредственно к анализу семантико-синтаксического аспекта глаголов восприятия.

Глаголы восприятия во французском языке могут быть с обязательной субъектной валентностью, но без объектной (S+V). Напр.: *Je vois = 'je comprends fort bien'*. Глагол *voir* без прямого дополнения актуализирует значение 'понимать'. В крылатом выражении, принадлежащем Юлию Цезарю, «*Veni, vidi, vici*». '*Je suis venu, j'ai vu, j'ai vaincu*' 'Пришел, увидел, победил', у латинского глагола *videre* и французского глагола *voir* проявляется **синкретизм**, присущий многим глаголам восприятия, как в латинском, так и западно-романских языках: выявляются два значения: первое 'увидеть' и второе – ментальное значение 'понять'.

Объектные (двухвалентные) глаголы указывают на действия, связанные с объектом. Эти глаголы могут иметь двойную конструкцию: переходную беспредложную (S+Vt+Od) и непереходную (S+V).

Валентность глагола *voir* + *a* + N передает значение '*songer a*' (*faire telle chose*), '*viser a*' (*tel resultat*). В данном случае этот глагол восприятия, перешел в семантическое поле «интеллектуальная деятельность».

В предложении *Les aveugles nous apprennent a voir* [Renard 1958] '*Слепые нас учат видеть*' также ярко проявлена полимодусность и **кумулятивный** характер семантики исследуемого глагола, в нем сочетаются оба значения '*видеть*' + '*понимать*'.

При семантической классификации глаголов учитывается также залоговая характеристика глагола, т.е. залог, как тип процесса, теснейшим образом связан с семантикой глагола, с одной стороны, и с актантной структурой высказывания, с другой. Субъектно-предикатная структура, являясь универсалией, может служить отправной точкой типологического исследования. Определение залога как грамматической категории глагола, выражающей субъектно-объектные отношения в предложении [Храковский 1990: 160] не удовлетворяет лингвистов, стремящихся к точности метаязыковых дефиниций, и стимулирует дальнейшие поиски в этом направлении. Предметом дискуссии являются определение залога, состава залоговой парадигмы, залоговых значений и залоговых отношений, характеристика залоговых форм как словоизменительных или словообразовательных, как синтаксических или морфологических. Классическим считается определение, данное А.А. Холодовичем «Залог есть *регулярное* [выделено нами – С.М.] обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» [Холодович 1979: 284]. Исследования по залогам сопровождаются расхождениями точек зрения, но лишь два факта не вызывают сомнений – это признание категории залога идиоэтнической [Кацнельсон 1972: 193] и принадлежность субъектно-объектных отношений в предложении к универсалиям [Сепир 1934: 73]. По мысли Г.А. Климова, «передача субъектно-объектных отношений по удельному весу своих формальных отображений или проекций на различные уровни языка составляет

едва ли не наиболее существенный из содержательных факторов, определяющих его структурный облик» [Климов 1976: 126,127].

Разнородность тех грамматико-семантических явлений, которые объединены в категорию залога, становится причиной противоречивых мнений относительно залога в романских языках. Особенно это касается вопроса о том, является ли данная категория морфологической или синтаксической. Французские и отечественные грамматисты демонстрируют самые разные подходы к этой проблеме, рассматривая залог через призму переходности / непереходности, считая ее либо лексико-синтаксической [Le Bidois 1971: 405-407], либо семантико-синтаксической [Blinkenberg 1960: 32-33], либо структурно – синтаксической [Бородина, Скредина 1982: 21]. Вопрос осложнен терминологической нечеткостью, на которую указывает В.Г. Гак [Гак 1986: 97- 98].

Принимая во внимание зависимость типа залога от значения глагола В.Г. Гак определяет его как лексико-грамматическую категорию, обозначающую отношения между субъектом и объектом действия [Гак 1979: 216]. Для французского языка ученый выделяет семь залоговых значений: 1) активный, обозначающий действие, переходящее на объект: *Pierre lit un livre*; 2) средний, выражающий действие, сосредоточенное в субъекте: *Pierre lit beaucoup*; 3) пассивный, показывающий, что подлежащее является реальным объектом действия: *Ce livre est lu par tous les eleves*; 4) возвратный, выражающий действие, объектом которого является сам субъект: *Elle se regarde dans la glace*; 5) взаимный, выражающий совместное действие субъектов, переходящее с одного из них на другой: *Pierre et Jean se saluent*; 6) факитивный (каузативный), показывающий, что субъект побуждает объект совершить некоторое действие: *Pierre a fait venir Jean*; 7) безличный, представляющий субъект как объект бессубъектного действия: *Il est arrive un train* [Там же: 219].

В испанском и итальянском языках различие касается пассивного и безличного залогов. Известно, что в испанском языке при помощи чередования связочных глаголов *ser / estar* выражается различие между «пассивом действия» и состояни ем. Так, глагол *ser* закреплен за причастиями непердельных глаголов всех временных форм: *es amado, era amado, fue amado* и перфективными временами предельных глаголов: *fue abierto*, а *estar* – за причастиями

предельных глаголов в имперфектных формах: *esta abierto, estaba abierto*.

В итальянском языке глаголы *essere* и *stare* в сочетании с причастиями предельных глаголов в простых временных формах употребляются для подчеркивания состояния (*e aperto* 'он открыт', *sta aperto* 'он открытый'). Для показа незавершенности действия и его направленности извне употребляются глаголы *essere* и *venire* (*e aperto* 'он открыт' – *viene aperto* 'открывается кем-то'). Последнему примеру соответствует синонимичная форма рефлексивного пассива *si apre* 'открывается' [Алисова 1982: 254-255].

Безличный залог в итальянском и испанском языках, в отличие от французского, выражается бесподлежащей формой предложения: ср. fr. *il est arrive un train*, esp. *Se puede fumar aqui? – Si, se puede*. Во французском предложении подлежащее выражено безличным местоимением *il*, в испанском предложении – бесподлежащей формой.

Концепция залога Б. Потье, изложенная в его монографии «*Theorie et analyse en linguistique*» [Pottier 1987], заслуживает внимания тем, что в ней модель залоговых отношений обуславливается семантическими, синтаксическими и коммуникативно-прагматическими факторами. Б.Потье трактует термин *залог* как тип процесса, теснейшим образом связанный с актантной структурой высказывания, с одной стороны, и с семантикой глагола, с другой.

Термин *залог* Б. Потье трактует широко, не как морфологическую форму глагола, но как тип процесса, теснейшим образом связанный как с актантной структурой высказывания, так и с семантикой глагола. Автор рассматривает залог как выражение отношений между актантами, понимая под актантами «действующие лица» предложения, то есть существа и предметы [Там же: 121-144]. Б.Потье определяет залог также как отношение между сущностью (*entite*) и поведением (*comportement*) (Pottier 1974: 106). Он выделяет пять залогов, описывая их через соотношения *A* и *a*, где *A* обозначает предмет речи, а *a* – то, что говорится об *A*, то есть через соотношение диктума и модуса.

Первый залог называется экзистенциальным (сокращенно EXI), он представляет *A*: *Soit un chat*.

Второй – ситуативный (SIT) – локулизует основу (base) в пространстве, во времени или в системе понятий: *Le chat est sur la table. Pierre est dans l'escalier* (двухактантные структуры); *Pierre est en colere, Pierre est dans l'embarras* (одноактантные структуры, так как речь идет только о Пьере).

Ситуативный залог (le situatif notionnel) соотносится с тремя областями: E – spatial (пространственно-конкретном), T – temporel (временном), N – notionnel (понятийном). *Nous sommes en Espagne* (E), *en ete* (T), *en colere, etre dans une colere noire, dans tous ses etats* (N) [Pottier 1987: 111]. Ситуативный залог проявляется в следующих предложениях: *la nappe recouvre la table (etre sur)* (E). Активная форма: *le peintre recouvre le mur (de peinture)*. fr. *Nous sommes en fevrier, la reunion est a 8 h.* esp. *estamos en febrer* (T).

Третий – эквативный (EQU) – характеризует основу через соотношенность с однородным предметом: *Le chat est un jouet*.

Четвертый – дескриптивный (DES) – описывает основу по ее внутренним свойствам: *Le chat est noir. Le chat parait somnolent. Le chat est blesse, il fait malade. Pierre a peur. Elle etait devenue toute blanche* (одноактантные). *Le chat a une longue moustache. Pierre a une villa* (двухактантные).

Пятый – субъективный (SUB) – передает действия А, которые не вызывают модификации предиката: *Le chat regarde la souris* [Там же: 125].

Функции каждого из названных залогов можно выразить одним словом-гиперонимом: первый залог передает отношения **презентации**, второй – **нахождения**, третий – **идентификации**, четвертый – **описания и атрибуции**. Что касается пятого, то для него сложно подобрать идентификатор. Остановимся на нем подробнее, поскольку именно в нем Б. Потье помещает предмет нашего рассмотрения – глаголы восприятия. Субъективный залог в теории Потье соотносится с семантическими группами глаголов, которые репрезентируют три важные семантические области:

- 1) модальность с функцией намерения: *pouvoir, devoir, vouloir*;
- 2) чувства, ощущения с функцией восприятия: *voir, entendre, sentir*;
- 3) интеллект с функцией познания: *croire, savoir, connaitre*.

Все три группы объединены «замкнутостью» на субъекте. Поэтому субъективный залог в терминологии Б. Потье аналогичен среднему залогу, указывающему на то, что действие не выходит за

пределы совершающего его деятеля. По выражению Э. Бенвениста, субъект выступает как место протекания процесса, даже если этот процесс требует объекта [Бенвенист 1974: 188]. Благодаря этому признаку перцептивные глаголы *видеть, слышать, чувствовать* и др. сближаются с непереходными *рождаться, умирать, сидеть, лежать, расти* и др.

При определении залога важна локализация, обеспечивающая временную, пространственную и понятийную референцию (*instant, lieu, maniere*), сюда же входят три типа контакта, что важно для описания перцепции осязания: *toucher, effleurer, mordre*.

Семантические различия, выражаемые активом, пассивом, реципроком и рефлексивом, трактуемые некоторыми лингвистами как залоговые различия, Б.Потье связывает с понятием, которое называет *les points de visee de l'enonciateur* (точка зрения рассказчика) [Pottier 1987: 88]. В нашем исследовании этой функцией мы наделяем нарратора. Б. Потье неоднократно подчеркивает также мысль, что синтаксическая формула (формально-синтаксический порядок слов в предложении) не отражает специфику залоговых отношений. Рассмотрим, например, пять транзитивных конструкций имеющих одну и ту же формулу N + V + N. *Le chat regarde la souris. Le chat a un collier. Le chat casse l'assiette. Le chat veut la bobine. Le chat est un animal.* В последнем примере мы видим непереходную структуру, в остальных предложениях при одном и том же подлежащем, но с разными дополнениями, наблюдаются разные семантические отношения между актантами. Только семантический ракурс актантных взаимосвязей может иметь дифференциальную силу, легко выявляющуюся с помощью различных трансформаций, с которыми, по выражению Потье, справляется даже школьник [Там же: 122-123]. Автор дает пример трансформационного анализа, применимого к трем следующим предложениям: 1) *Pierre depave la rue* → *Pierre ote les pavés de la rue: la rue qui était pavée va se trouver depavée.* 2) *Pierre traverse la rue* → *Pierre passe d'un côté à l'autre de la rue.* 3) *Pierre regarde la rue* → *Pierre, devant la rue, la regarde.*

В первом предложении содержится каузация изменения объекта, во втором – констатация локального изменения субъекта и объекта относительно друг друга. Лишь в последнем случае передается субъективное отношение двух актантов – человека и

улицы, во время которого, по мнению Б. Потье, ни тот, ни другой не претерпевают изменения, если не считать расширения знаний субъекта от этого восприятия [Там же: 98]. Мы видим, что третье предложение входит в семантическое поле зрительного восприятия. Его лексическая доминанта – глагол *видеть* и видовой коррелят *смотреть* различаются не только видовыми признаками, но и другими семами, в частности, семой “целенаправленность” (*смотреть*) / “нецеленаправленность” (*видеть*) действия. Глагол *смотреть* содержит еще и сему воли / намерения. Отсюда утверждение Б. Потье о том, что субъект не изменяется, хотя сделана оговорка относительно его знаний, по крайней мере спорно. Очевидно, было бы более точным, если бы вместо глагола *regarder* был употреблен его коррелят – нецеленаправленный глагол *voir*. В исследуемом предложении объект не испытывает изменения, но субъект претерпевает внутреннее изменение, большее при глаголе *regarder* и меньшее с глаголом *voir*.

Итак, согласно теории Б. Потье глаголы восприятия принадлежат к субъективному залогу по причине медийного характера. Но не все глаголы рассматриваемой группы характеризуются медийной семантикой, так, например, глаголы микрополей осязание и вкуса, имеющие доминантную сему «контакт с предметом», могут быть переходными и вызывать изменение предиката. К ним относятся такие глаголы, как:

fr. *Toucher*, esp. *tocar*, it. *toccare*;

fr. *Effleurer*, esp. *desflorar*, it. *sfiorare*;

fr. *Tater*, esp. *tentar*, it. *tastare*;

fr. *Gouter*, esp. *catar*, it. *assaggiare*;

fr. *Savourer*, esp. *saborear*, it. *assaporare*;

fr. *Mordre*, esp. *morder*, it. *mordere*.

Анализ показал, что вследствие наличия названной семы перечисленные перцептивные глаголы распределяются между двумя залогами: глаголы бесконтактного восприятия имеют **субъективный** залог, а глаголы контактного восприятия – **ситуативный**.

К смежным явлениям, выражающим субъектно-объектные отношения относится *диатеза*. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» она определяется как соответствие между ролями глагольной лексемы (субъектом, объектом, адресатом и т.п.) и выражающими их членами предложения

(подлежащим и дополнениями). Понятие диатезы отличается от понятия залога тем, что с помощью диатезы фиксируются любые соответствия [выделено нами – С.М.] между ролями глагольной лексемы и выражающими их членами предложения [Храковский 1990: 135].

В.Г. Гак связывает понятие диатезы с другим теоретическим конструктом, также имеющим отношение к выражению субъектно-объектных зависимостей, – ориентацией: «Различные формы ориентации процесса, сопровождаемые изменением соотношения между синтаксическими и семантическими актантами, называются диатезой» [Гак 1986: 96]. О самой же ориентации (при отсутствии дефиниции) говорится следующее: «Ориентация процесса заключается в том, что одно и то же событие может быть описано по-разному, в зависимости от того, какой элемент ситуации, а, следовательно, и компонент предложения, принимается за исходную точку» [Там же: 95]. Эта исходная точка (позиция) выбирается говорящим лицом для выдвижения элемента ситуации (компонента предложения) с целью придания ему наибольшей смысловой нагрузки. Иначе говоря, ориентация есть передача актуального членения путем выбора порядка слов, обусловленного коммуникативно-прагматическими установками. Не случайно В.Г. Гак диатезу относит к синтаксису, а залог – к морфологии [Там же: 95-96].

Анализируя характеристику предложения по диатезной принадлежности, Б. Потье наделяет диатезу тремя функциями: атрибутивности (атрибутивная диатеза), медийности (средняя диатеза) и активности (активная диатеза). Атрибутивная диатеза возможна во всех залогах (EXI, SIT, EQU, DES), кроме субъективного. Средняя диатеза имеет двойную ориентацию: от подлежащего к дополнению и от дополнения к подлежащему. Она возможна в субъективном залоге (*je te vois*) и в других залогах при условии, что предикат не вызывает изменения в дополнении (*il veut une voiture*), либо это дополнение не является внешним по отношению к подлежащему (*je me leve*). Активная диатеза имеет каузативное значение (*j'ai renverse le sel*) [Там же: 123].

Приведем пример активной диатезы: *C blesse A*, либо *A se blesse (volontairement)*. Средняя диатеза имеет вид *A se blesse (en tombant)*, Атрибутивная - *A est blesse par C* (пассивное значение) либо *A est blesse* (результативное значение).

Однако перцептивные глаголы неоднородны по части взаимоотношений с актантами, следовательно, и диатезы у них не могут быть однотипными: для глаголов **контактного** восприятия средняя диатеза невозможна, так как они способны иметь каузирующее значение, обозначая действия, направленные на внешний объект. Их эндоцентричность имплицитно сферует переносных значений, и только в ней можно попытаться найти средний залог, то есть медийную диатезу. *Nous autres femmes, nous avons plus de tact que vous, et nous voyons tout de suite au style d'une lettre, si l'auteur est de bonne foi, ou s'il feint une passion qu'il n'eprouve pas* (Merimee Le vase etrusque).

Глаголы **бесконтактного** восприятия, наоборот, допускают медийную диатезу в прямом (дейктическом) значении, так как могут обозначать самосозерцание: fr. *il se voit heureux; il se voit decorer d'une medaille*, либо самочувствие: esp. *Me siento herida en algun sitio de mi cuerpo. Siento un dolor difuso. 'Я чувствую себя глубоко уязвленной. Чувствую какую-то смутную боль»* Rico – Godoy 1999: 182)

Итак, при семантической классификации глаголов должны быть учтены как отношение их к той или иной диатезе, так и их залоговая характеристика. Окончательная иерархическая формула глаголов восприятия является, таким образом, четырехчастной: диатеза → залог → статус → аспект.

Если перцептивный глагол утрачивает перцептивную сему вследствие десемантизации или гиперсемантизации, то он, как правило, способен реализовать другой залог. Так, экзистенциальный залог реализуется в речевом акте. Например, в предложении *cela se voit tous les jours*, глагол *voir* не актуализирует перцептивного значения, что подтверждается межъязыковыми переводными эквивалентами в испанском и итальянском языках: esp. *e una cosa corriente*, it. *e una cosa di tutti i giorni*, ни в том, ни в другом переводе перцептивный глагол не употреблен.

Исследуя проблемы значения и смысла, Л.М. Скрелина отмечала, что потенциальные возможности языковых элементов представляют собой существующую в языке объективную данность, которая является общей для всех носителей данного языка. Одни потенциальные значения слова уже проявились и закрепились в системе языка как главные, производные,

переносные, и их проявление в речи не воспринимается как непривычное и неожиданное. Другие – в виде множества признаков, отвлеченных от всех первых, погрузились далеко на дно языковой потенции и готовы всплыть на поверхность при любой необходимости [Скрелина, 1980].

Рассматривая грамматический аспект функционирования глаголов восприятия, проанализируем одну из стадий семантической эволюции этих глаголов, а именно процессы десемантизации. Объективная трудность в изучении семантики глаголов, по мнению Н.Н. Амосовой и А.А. Уфимцевой, заключается в характере его логико-предметного содержания [Уфимцева 1986]. В отличие от имени понятийная основа глагола бывает настолько широка, что зачастую глагол может стоять на грани полной десемантизации, когда в предложении он берет на себя выполнение грамматических функций, роль строевого элемента. Еще Л.В. Щерба указывал на то, что роль строевого элемента в предложении может играть, в сущности, любая часть речи, причем особенно склонен к этому глагол [Щерба 1974, 330]. Появление строевой функции во многих случаях не вытекает непосредственно из собственного значения слова, но зависит от его позиции, от его лексико-грамматического окружения. Конкретное значение глагола может выявляться не только лексически, т.е. зависеть от семантики сочетающихся с ним слов, но и синтаксически: структурный тип дополнения, подлежащего, характер модели. Слово сохраняет полноту своей номинативной функции, если его выбор определяется непосредственно содержанием сообщения. Если же употребление слова является необязательным, то это значит, что оно используется как компонент фразеологического сочетания или как строевой элемент данной конструкции.

Десемантизация представляет собой универсальное явление языка. В связи с общим аналитизмом западно-романских языков десемантизация лексем играет в них большую роль. Так, при анализе самого частотного глагола СП восприятия *voir* его опустошенность в исследуемых языках может проявляться особенно ярко. Например: *L'annee 2005 vit se derouler des actions economiques et politiques de masse*. В приведенном примере объектный (двухвалентный) десемантизированный глагол *voir* в

переходной беспредложной конструкции (S+Vt+Od), относится к неодушевленному подлежащему.

Употребление десемантизированного глагола *видеть* в романских языках стало настолько привычным, что он применяется даже вопреки значению самого глагола, что является признаком его крайней формализации. Например, fr. *ils se sont vus perdus*, it. *si sono visti perduti*. Об утрате глаголом *видеть* собственного значения говорят и те случаи, в которых речь идет о чем-то неблагоприятном для субъекта, чего бы он не мог допустить, если бы в самом деле видел это. Например: *A la sortie de la reunion les deux delegues se sont vus rudement maltraiter* или *Il s'est vu voler sa valis* (Примеры В.Г. Гака). Пальма первенства принадлежит фразе, отмечаемой многими лингвистами: *Louis XVI a vu sa tete tomber dans la corbeille*.

Глаголы восприятия означают, как известно, восприятие субъектом действия не только предметов и понятий, когда объектом восприятия является предмет или признак предмета *Je vois la neige blanche*, но и действия, выраженного в форме инфинитива, так называемым объектным инфинитивом *Je vois la neige tomber*, у которого большей частью имеется свой собственный субъект действия. Традиционно эту конструкцию с инфинитивом при глаголах восприятия называют *Accusativus cum Infinitivo* или *proposition infinitive*. Содержание отношений между глаголом-сказуемым и его именным дополнением, с одной стороны, и отношения между тем же глаголом-сказуемым и инфинитивным дополнением, с другой, имеют различия, обусловленные разной морфологической природой инфинитива и имени. В первом случае в их основе лежат отношения между процессом и предметом, во втором - между процессом и процессом (Кузьмина 1974: 62). “Природа языковой компетенции применительно к именам, обращенным к миру, и словам, обращенным к мышлению человека, к системе его понятий, принципиально различна. Для того чтобы оперировать именами, ведущими адресата к предметам действительности, нужно разбираться в природе мира; для того, чтобы оперировать семантическими предикатами (признаковыми словами), нужно разбираться в способах мышления о мире. В первом случае важно быть знакомым с реальностью, во втором - с системой выражаемых языком понятий. В первом случае необходимо знать предметную

отнесенность слова, во втором понимать его смысл. Употребление конкретных имен предопределено онтологией мира, а употребление их семантических предикатов – гносеологией“, - как отмечает Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1980: 383).

Глаголы восприятия сочетаются с инфинитивами разнообразной семантики. Анализ показал, что поведение глаголов чувственного восприятия в конструкции *Accusativus cum Infinitivo* во всех трех языках идентично. Сочетаясь с **конкретным существительным** в функции прямого дополнения, исследуемые глаголы актуализируют значение физического восприятие действия, при сочетании с абстрактным существительным глаголы восприятия указывают на то, что субъект воспринимает факт действительности не органами чувств, а умозрительно. Так, при сочетании глагола *voir* с **абстрактным существительным** синонимами глагола *voir* являются такие глаголы с ментальными значениями, как *apercevoir, se représenter par la pensée, comprendre, concevoir, connaître, considérer, constater, découvrir, discerner, distinguer, envisager, figurer (se), imaginer, juger, observer, prévoir*. Например: *Il ne voyait pas le moyen de s'en tirer – 'Он не нашел средства, как выйти из этой ситуации'*.

Конструкция с инфинитивом при глаголах восприятия имеет свои особенности функционирования, еще А. Потебня утверждал, что назначение инфинитива в подобных предложениях – “...служить второстепенным, зависимым сказуемым” (Потебня 1958: 342). Л.Теньер считает, что инфинитивные конструкции указанного типа и соответствующие им придаточные с глаголом в личной форме рассматриваются как преобразования (“трансляции”) глагола и глагольных конструкций в дополнение (второй актанта) глагола главного предложения (Tesniere 1959: 386).

В исследуемой конструкции за глаголами зрительного восприятия (fr. *voir*, it. *vedere* esp. *ver* и др.) обычно следуют инфинитивы глаголов, обозначающих действия, которые могут быть восприняты визуально (*entrer, sauter, courir, faire, voler, fermer* и др.). За глаголами слухового восприятия следуют глаголы, которые воспринимаются органами слуха (fr. *dire, crier, s'écrier, siffler, reciter, murmurer, taper*, и др.). Например, fr. *Je l'entends chanter*, it. *Lo sento cantare* ‘Я слышу, как он поет’. Но поскольку

семантика глаголов чувственного восприятия сложна и многопланова, то они могут выявлять и другие значения. Так, у глаголов *ecouter, regarder, apercevoir* конструкции *Accusativus cum Infinitivo* наблюдаются только значение физического восприятия, в отличие от них у глаголов *entendre* и *voir* отмечаются и другие значения. Так, в сочетании с инфинитивом глагол *entendre* кроме значения 'слышать' может иметь значения 'хотеть', 'желать', 'иметь намерение'. Синтаксическая связь используемая в предложениях с конструкцией *Accusativus cum Infinitivo* можно назвать управлением [Рылов 1985: 81].

Поскольку глагол *voir* является самым частотным глаголом поля восприятия, интересно выявить его семантические особенности в конструкции *Accusativus cum Infinitivo*:

1. В подавляющем большинстве случаев употребление *voir* с последующим инфинитивным оборотом обозначает визуальное восприятие, т.е. следующие за этим глаголом инфинитивы обозначают конкретно наблюдаемые действия, например, fr. *Je l'ai vu entrer*, it. *Lo vedevo entrare*. 'Я видел, как он входил'. В данном случае характер присоединяющегося инфинитива не влияет на семантику исследуемого глагола, так же, как и в следующем примере: *Je vois tout tourner autour de moi*. 'Я вижу, что все крутится вокруг меня'.

2. В ряде случаев значение глагол *voir* выходит за пределы собственно визуального восприятия, обозначая восприятие умозрительного характера: *Nous voyions venir la guerre*. Мы видели (понимали), что война приближалась. Совершенно очевидно, что в значении глагола *voir* в последнем примере проявляется семантический сдвиг, который можно объяснить характером присоединяющегося именного дополнения и характером самого инфинитива. В этом предложении ни сам процесс, выражаемый инфинитивом *venir*, ни именное дополнение *la guerre* не являются непосредственно наблюдаемыми, что означает восприятие более общее, связанное с умозаключением или суммарным наблюдением, которые и дает в итоге значение глагола *voir* как 'приходить к мысли, т.е. осознавать, понимать, делать заключение'.

3. Среди сочетаний глагола *voir* с последующим инфинитивом особое место занимают предложения, в которых субъект этого глагола выражен неопределенно-личным местоимением *on*. Какое-то явление как воспринимаемое зрительно, передается как бы через

призму восприятия постороннего наблюдателя. Этот прием позволяет создавать большую наглядность в описании, как это видно из следующего примера: *On voit sortir et entrer une multitude de voyageurs*. Значение исследуемого глагола при этом стирается, оно обозначает не столько восприятие факта реальной действительности, сколько его констатацию, хотя и представленную через восприятие наблюдателя.

4. Глагола *voir* с зависимым от него инфинитивным оборотом может выступать с ослабленным и даже утраченным лексическим значением, например: *Je ne pouvais plus supporter de te voir partir le matin. J'ai vu mourir des centaines de blessés*, Глагол *voir* в этом предложении синонимичен глаголу 'вспоминать', 'помнить'.

5. Употребление десемантизированного глагола *voir* с зависящим от него инфинитивом дает возможность избежать употребления сложных грамматических конструкций с Subjonctif и делает структуру предложения более простой, помогая, например, избежать встречи двух союзов в сравнительных предложениях, как это замечает Ф. Брюно [1926: 735] и В. фон Вартбург [Wartbourg 1959: 88]. Вспомогательный глагол *voir*, отмечает А. Блинкенберг [Blinkenberg, 1960], употребляется в тех случаях, когда наличие глагола *voir* позволяет сохранять одно подлежащее в ряде предложений.

6. Глагол может выступать с ослабленным и даже утраченным лексическим значением. *Je ne pouvais plus supporter de te voir partir le matin*

Наряду с сочетанием *voir* + *Infinitif*, в котором глагола *voir* является лексически опустошенным глаголом, имеется конструкция *se voir* + *Infinitif*, замещающая, как указывают многие исследователи, пассивную форму глагола [Гак 1966: 295].

Сочетание *voir* + *Infinitif* с десемантизированным *voir* употребляется особенно широко в газетном языке, публицистике, научной литературе, где его используют как синтаксическое клише, которое позволяет легко и удобно расставлять необходимые логические ударения, не прибегая к громозким синтаксическим построениям.

Вполне убедительной представляется точка зрения Л. Гаатона [Gaatone 1970], рассматривающего десемантизированный глагол *voir* как служебный элемент и сравнивает его с глаголом *être* в пассивных трансформациях. Гаатон считает, что предложения

(1) *La mere voit ses enfants jouer*

(2) *Les cereales voient leur prix augmenter*

Эти конструкции имеют сходную структуру и могут быть описаны одинаково: именная синтагма *la mere* (1) и *les cereales* (2) + *voir* + именная синтагма дополнения *ses enfants* (1), *leur prix* (2) + *Inf.* Но это сходство только кажущееся. В первом предложении глагол *voir* можно заменить любым из глаголов восприятия. Однако такая замена оказывается невозможной во втором предложении, так как глагол *voir* лишен своей знаменательности.

Конкретное значение глагола может выявляться не только лексически, т.е. зависеть от семантики сочетающихся с ним слов, но и синтаксически (структурный тип дополнения, подлежащего, характер модели). Анализируемый глагол выступает как вспомогательный в тех случаях, когда наличие этого глагола позволяет сохранять одно подлежащее в ряде предложений. Опустошенность глагола *voir* проявляется особенно ярко, когда в роли подлежащего выступает неодушевленное существительное неспособное 'видеть', по своей природе, как это наблюдается в следующем примере: *Le pays qui l'a vue naitre. 'Край, где она родилась'*. Попутно отметим, что сочетаемость глагола *voir* с неодушевленным подлежащим не является непременным условием его десемантизации. Глагол *voir* с зависящим от него инфинитивным оборотом, сочетаясь с одушевленным подлежащим, может выступать в служебной функции, близкой функции вспомогательного глагола. В предложения типа *Cette conference a vu s'affronter le Ministre italien et le representant de la France sur deux theses differentes*. Отдельные ученые отмечают, что глагол *voir* в подобных конструкциях употребляется в роли вспомогательного глагола [Shyldkrot 1995: 4]. Дж. Грин в своем исследовании о вспомогательных глаголах в романских языках сформулировал критерии, позволяющие отнести глагол *voir* при определенных условиях к вспомогательным глаголам [Green 1982]. Лингвисты отмечают, что это явление наблюдалось еще в старофранцузском языке, но оно было мало исследовано и только отмечалось грамматистами, частотность его применения в то время была гораздо меньше, чем в современном французском языке (Shyldkrot 1995: 5). Л.М. Скрелина отмечает, что потенциальные возможности языковых элементов представляют собой существующую в языке объективную данность, которая является общей для всех носителей

данного языка. Одни потенциальные значения слова уже проявились и закрепились в системе языка как главные, производные, переносные, и их проявление в речи не воспринимается как непривычное и неожиданное; другие в виде множества признаков, отвлеченных от всех первых, погрузились далеко на дно языковой потенции и готовы всплыть на поверхность при любой необходимости [Скрелина 1987].

Когда глагол *voir* несет строевую функцию, он может быть опущен без ущерба для смысла предложения, как в приведенных ниже предложениях:

Je suis surpris de vous voir pretendre a cette succession.

Les voiture que j'ai vues roule.

Поведение других глаголов чувственного восприятия с конструкцией *Accusativus cum Infinitivo* идентично поведению глагола *voir*. Так, если за глаголом *regarder*, например, так же, как и за другими глаголами восприятия (*entendre, écouter, sentir, goûter* и под.) следует прямое дополнение + инфинитив или инфинитив + прямое дополнение, то семантика словосочетание равнозначна семантике сложноподчиненного предложения с дополнительным придаточным предложением, в котором прямое дополнение становится подлежащим придаточного предложения, как это видно из следующих примеров.

Regarder souffrir quelqu'un. - 'Смотреть, как кто-то страдает'.

Regarder la pluie tomber (tomber la pluie). 'Смотреть, как идет дождь'

Il le regarde travailler, scier du bois. – 'Он смотрит, как он работает, пилит дрова'.

Глаголы чувственного восприятия в сочетании с *Accusativus cum Infinitivo* могут образовывать фразеологические обороты, например, *voir venir*. В предложении *On vous vois venir* выявляется значение '*vos intentions sont connues*'. Но эта тема еще не исследована и ждет дальнейшего рассмотрения.

Развитие **валентных возможностей** каждой глагольной единицы позволяет устанавливать разнообразные отношения между актантами. Так, глагол *voir* может выступать в роли вспомогательного глагола. Например, fr. *il se vit obliger de s'en aller* esp. *se ve obligado a irse*, it. *si vede costretto ad andarsene*, (букв. 'он увидел себя обязанным уйти') 'он должен был уйти'.

Глагол *voir* во французском предложении несет строевую функцию, когда подлежащим при нем является неопределенно-личное местоимение *on*. Например: *Une petite lampe comme on en voit dans les cuisines de campagne...* – ‘Маленькая лампа, которая встречается в деревенских кухнях...’ Подобное использование глагола *voir* особенно часто встречается в публицистике. Например: *L'on voit se développer une collaboration étroite entre les deux pays.*

Просторечное инвертированное *vois-tu, voyez-vous* употребляется, когда говорящий хочет акцентировать подтверждение или отрицание сказанного: *Vois-tu, ce qui est beau, c'est d'être simple. Voyez-vous, il faut se faire une raison.* В приведенном примере глагол *voir* выполняет также фатическую функцию, что отражено в следующих примерах: fr. *Vois-tu, tu dois me comprendre*, it. *vera (mira), debes comprenderme*, esp. *vedi, devi capirmi*.

Исследуя вопросы десемантизации, В.Г. Гак отмечает, например, лекторское «мы увидим» – ‘*nous verrons*’ [Гак 1977: 243]. В этой конструкции речь не может идти о зрительном восприятии. Сама ситуация и контекст помогают нам выявить значение исследуемого глагола. Значительно чаще, чем русское *видеть* французское *voir* используется для констатации существования чего-либо: *Et l'on peut voir le même phénomène dans notre éducation.* В данном примере глагол *voir* возможно заменить глаголом поля умственной деятельности, глаголом говорения или др., что означает факт утраты у него семы «обладание чувствительной способностью» (зрительным восприятием).

За счет десемантизированных лексических элементов в языках разрешаются многие структурные задачи: создаются грамматические форманты, средства синтаксической связи, вводятся дополнительные придаточные предложения (*voir que*). Конструкция *se voir + Infinitif*, например, замещающая, как указывает В.Г. Гак, пассивную форму глагола] употребляется особенно широко в публицистике, в научной литературе, где используется как синтаксическое клише, которое позволяет легко и удобно расставлять необходимые логические ударения, не прибегая к громоздким синтаксическим построениям [Гак 1966: 295].

Анализируемый глагол выступает в роли вспомогательного, когда он сохраняет одно подлежащее в ряде предложений.

Когда глагол *voir* утрачивает свою исходную валентность, то базовые ядерные семы («зрительное восприятие» и «умственная деятельность») у него угасают, исчезает понятийная основа, объединяющая все ЛСВ в одну семантическую структуру, в этом случае можно констатировать, что глагол *voir* распадается на лексические омонимы, функционируя даже в качестве междометий (см табл. 4). Дальнейшая его десемантизация приводит к тому, что глагол *voir* начинает выступать в функции междометия, частицы, т.е. служебного слова.

Просторечное выражение *voyons voir*, синонимичное выражениям *regarde-voir*, *ecoute-voir*, и др. также выступает в роли междометия. Напр.: *Pour la mienne, je te la cede. Mange-voir* [Renard 1958]. *Madame Lepic – Moi non plus. Repete-voir* [Renard 1958].

Таблица 4

Глагол *видеть* в роли междометия и усилительной частицы

<u>fr.</u>	<u>esp.</u>	<u>it.</u>
Voyons un peu	Veremos	vediamo un po'
Voyez-vous, je voudrais le faire mais je ne peux pas	Vera Ud, quisiera hacerlo, pero no puedo.	veda, vorrei farlo, ma non posso
Voyons!	Anda! a ver! como es eso! Vaya!	Ma via! Insomma!
Dis-nous voir! (fam)	Dinos!	Di' un po'!
Allez-voir si j'y suis (fam)	Mire si ya estoy	Ma va' fuori dai piedi!

Тенденции десемантизации наблюдается и у глагола fr. *regader*, он также может употребляться, как мы видели в вышеприведенном примере, в роли междометия. Глагол *regarder* по сравнению с глаголом *voir* остановился на своей первой стадии десемантизации. В этом подтверждение известного факта: чем шире семантика глагола, тем он употребительнее в речи.

C'est un Francais, je vous dis, c'est un Francais. Je le reconnais rien qu'a sa facon de rouler sa cigarette, Regarde-moi ca! [Laffitte]

It. *Ma via! insoma! guarda chi si vede!*

У глагола слухового восприятия *entendre* также проявляется десемантизация. Так, у него могут актуализироваться дополнительные значения: глагол, выполняя фатическую функцию,

употребляясь для привлечения внимания собеседника, десемантизируется, теряет перцептивное значение: *Il ne faut pas qu'on sache cela. Entendez-vous?* [Hugo].

Словари французского языка [Quillet, Robert, Larousse] отмечают, что в подобных употреблениях рассматриваемые глаголы могут выражать возмущение, иронию, угрозу, вызов и т.д., переходя в поле эмоциональных состояний. Так, например, *Tu entends?*- угроза. *Vous entendez?* – приказ. *Entendu!* ‘Договорились!’

Таким образом, грамматическая десемантизация является существенной типологической чертой глаголов восприятия в западно-романских языках. За счет десемантизированных лексических элементов в языке разрешаются многие структурные задачи.

Итак, конструкция *Accusativus cum Infinitivo* после глаголов восприятия в западно-романских языках довольно употребительна и равнозначна семантике сложноподчиненного предложения с дополнительным придаточным, она дает возможность избегать сложных грамматических построений с *Subjonctif*, делает структуру предложения более простой и позволяет выполнить другие синтаксические задачи. Глаголы физического восприятия, с зависимым от него инфинитивным оборотом могут выступать с ослабленным и даже утраченным лексическим значением. Сочетание инфинитивного оборота с десемантизированными глаголами восприятия особенно широко употребляется в газетном языке, публицистике, научной литературе, что позволяет легко и удобно расставлять необходимые логические ударения, не прибегая к громоздким синтаксическим построениям.

Глава 3. Семантика глаголов восприятия в западно- романских языках

3.1. Дейктическая и символическая составляющие в системе восприятия

Поведение глаголов восприятия следует изучать, как подчеркивает В.Г. Гак, не только в системе, но и в конкретной речевой практике, в синтагматике, принимая во внимание важную роль говорящих индивидуумов в организации речи, роль ситуации в употреблении и интерпретации грамматических явлений [Гак 2000: 10]. При таком подходе целесообразно обратиться к понятию функциональной интерпретации семантического поля (его сфер), которая позволяет связать синтагматические и парадигматические свойства единиц, раскрыть их взаимообусловленность и их закономерную связь. В синтагматическом аспекте функциональная иерархия *ядро – центр – периферия* проявляется в последовательном ограничении употребления единиц поля фиксированной, иногда «жесткой» сочетаемости; в парадигматическом же плане – в усложнении парадигматической структуры [Денисенко 2002: 48].

Глаголы в их функционально-семантическом аспекте делятся на номинативные (денотативные) и указательные (дейктические). В системе глаголов восприятия не может не учитываться дейктическая составляющая, поскольку в СП восприятия разделение сенсорного и когнитивного модусов тесно сопряжено с теорией дейксиса.

В языкознании дейксис относится к общелингвистическим понятиям, актуальным для всех школ и течений, так как он синонимичен функции *у к а з а н и я* на предмет, понятие, слово и т.д. Существует дейктическая теория референции [Kaplan 1978], разработаны терминологические дефиниции ролевого дейксиса [Buhler 1934; Крылов 1984], дейктической информации, дейктических знаков [Kurilowicz 1983], дейктических слов [Крылов 1984], дейктичности [Gladrow 1979]. В последнее время появились ряд новых терминов: коммуникативный дейксис, ситуативный дейксис, количественно-оценочный, абстрактный и др. В современных исследованиях лингвистов, философов, психологов

очерчена многообразная проблематика дейксиса в тесном соотношении с концепцией антропоцентризма.

Рассматривая вопросы дейксиса, К. Бюлер выдвигает теорию двух полей: **дейктического и символического**, проводя фундаментальное различие между полем указания в языке, в котором функционируют знаки, выполняющие дейктическую функцию, и символическим полем, образованным назывными словами в большей степени ситуационно независимыми. Первое поле связано непосредственно с ситуацией одновременного восприятия и общения, а второе – с воображением, то есть с умозрительным восприятием. Теория двух полей К. Бюлера – дейктического (комбинаторика) и символического (антикомбинаторика) – выпала из поля зрения современных «полеологов», в то время как вышеуказанные теории выросли именно из положения К. Бюлера об указательном поле [Бюлер 1993: 74-77]. Суть названных полей составляет содержание двух современных логических направлений: интенциональной логики, рассматривающей процессы непосредственной номинации, и модальной логики, исследующей процессы суждения и оценки.

К. Бюлер вывел важнейшие положения теории дейксиса, а именно:

- а) в языке есть лишь одно-единственное указательное поле;
- б) семантическое наполнение указательных слов привязано к воспринимаемым указательным средствам и не обходится без них или их эквивалентов [Бюлер, 1993: 75].

Для исследования и описания глаголов восприятия теория дейктического и символического полей имеет основополагающее значение, поскольку способствует разделению «собственно перцептивных» значений глаголов восприятия и «несобственно-прецептивных» значений, относящихся к другим модусам, производным от модуса восприятия.

Рассматривая дейктическое и символическое поля, К. Бюлер отмечает три способа указания на предмет:

- 1) наглядный (*ad oculus*), т.е. прямое указание с помощью жестов или указательных слов, относящихся к чувственно-воспринимаемым конкретным объектам;

- 2) анафорический – указание с помощью вербальных средств в пределах дейктического поля или текста. Например: fr. *Hier je l'ai vu a la maison.* it. *Ieri l'ho visto in casa*

3) *deixis ad phantasma* – «дейксис к *воображаемому*». Указание на абстрактное место (или символическое поле), которое находится в глубинных слоях памяти [Там же, 1993: 75].

Первый способ имеет место в непосредственно воспринимаемой ситуации, данный тип восприятия мы называем «принципом бинокля». Второй способ наблюдается только при повторном указании на называемый предмет. Для разъяснения третьего – К. Бюлер обращается к языку пантомимы [Бюлер 1993: 77].

Подобно тому как К.Бюлер помещает указательные слова в центр дейктического (наглядного) поля, а назывные слова – в центр символического, в данной работе различаются глаголы восприятия в их наглядной функции – «принцип бинокля», и в символической функции, когда глаголы восприятия относятся не к перцептивному, а к другим типам модусов. Будучи назывными, глаголы восприятия, как было отмечено выше, входят в символическое поле, однако специфичность референтности ГВ позволяет подойти к данному утверждению с учетом того, что указательные слова (дейктики) появляются в том случае, когда акт номинации совпадает с актом восприятия. Содержание дейктических знаков меняется всякий раз, когда меняется ситуация общения, семантика же глаголов восприятия не изменяется, вне зависимости от того, что мы наблюдаем в бинокль речку, лес или митинг на площади. Дейктические слова и глаголы восприятия объединены одним и тем же психофизиологическим каналом, который и позволяет обозначить общее «поле зрения» говорящего и слушающего, чему лексика разных языков дает немало доказательств. Ср., например, fr. *vois-ci* = *voici*, *vois la* = *voila* (от французского глагола *voir* 'видеть'), esp. *cata ahi* = *catate* 'vom' (от испанского глагола *catar* 'пробовать на вкус'. В данном случае речь идет о собственно-перцептивных значениях глаголов восприятия, когда у них актуализируется сема 'воспринимать (что-то) органом чувств', отделяя их тем самым от несобственно-перцептивных глаголов, которые актуализируют значения, относящиеся к другим модусам: мыслительному, эмоциональному, аксиологическому и др. Итак, **дейктическим полем** глаголов восприятия мы называем лексико-семантическое поле, в котором реализуются **собственно-перцептивные** значения исследуемых глаголов, обусловленные референтной связью не с семантико-синтаксическим контекстом, а

с ситуацией общения. Дейктическое поле глаголов восприятия соотносится с первым способом указания на ситуацию в теории К. Бюлера. Актанты данного поля действуют в ситуации восприятия *hic et nunc*. Например: – *Je viens de voir un theatre la-bas, et je vois ici un banquet a faire* [Moliere 1972]. Глагол *voir* актуализирует перцептивное значение 'видеть'.

Перцептивный и дейктический акты имеют общие и отличительные черты. Общим является то, что дейктический акт возможен только в процессе восприятия, в нем есть указание на предмет. В перцептивном же акте восприятие и номинация совпадают лишь при определенных условиях, именно тогда, когда дейктические знаки функционируют в ситуации восприятия, это «знаки, имеющие референты, но не имеющие десигнатов» [Вейнрейх 1970: 166]: *je, tu, il voici, voila* и т.д.

Денотатом символического поля является синтаксический и семантический контексты, образованные назывными словами. Сенсорные глаголы относятся к назывным словам с индивидуальными денотативно-сигнификативными значениями, каждое из которых обусловлено индивидуальной сенсорной областью восприятия.

Дальнейшая разработка понятия «дейксис» заключается во введении в языкознание коррелятивных понятий первичного и вторичного дейксиса. Исследуя вопросы дейктического поля, Ю.Д. Апресян определил, что **первичный дейксис** – это дейксис диалога, дейксис ситуации общения: говорящий и слушающий видят друг друга, и сознанию каждого из них доступен один и тот же фрагмент окружающей действительности, т.е. есть «живая» ситуация общения [Апресян 1995: 632]. Любая другая ситуация, не совмещающаяся с восприятием, именуется **вторичным, нарративным дейксисом** [Todorov 1970: 3-11; DESL 1972]. Дейктические слова во вторичном дейксисе используются для изображения чужого сознания и имеют, как правило, анафорическую или катафорическую функцию. Вторичный дейксис не связан непосредственно с речевой ситуацией, это дейксис пересказа (в том числе художественного повествования). Его конституирующим свойством является несовпадение говорящего с пространственной точкой отсчета [Апресян 1995: 632].

В дальнейшем изложении мы вводим следующие сокращения: D1 – первичный дейксис дейктического поля, D2 – вторичный дейксис дейктического поля; для символического поля S1 – первичный дейксис символического поля, S2 – вторичный дейксис символического поля.

Дейктическое поле глаголов восприятия имеет следующие координаты: **а) актантная координата:** различаются воспринимающий (агнс перцептивного акта) и воспринимаемый (объект перцептивного акта);

б) временная координата: по отношению к точке отсчета, точке повествования или описания восприятия на временной оси, когда различаются одновременность, предшествование и следование;

в) пространственная координата: совместное пребывание актантов (здесь) или их отдельное пребывание (там).

Каждая из координат имеет свою дейктическую область. Первой координате соответствует личный дейксис, второй – временной, а третьей – пространственный (*la deixis personnelle, temporelle et spatiale*). Ср. у Ч. Филмора три типа указания: личный, пространственный и временной [Fillmore 1982].

Учитывая разделение понятия дейксис с точки зрения соотнесения события с моментом речи на первичный и вторичный, каждая координата может быть рассмотрена в этом двойном ракурсе и реализуется как в первичном, так и во вторичном дейксисе. Например, пространственный дейксис телефонного разговора – частный случай вторичного дейксиса.

Все поступающие к человеку чувственно воспринимаемые данные укладываются в некоторую последовательность – в координатную систему, исходным пунктом которой является то, что обозначается указательными словами «я», «здесь», «сейчас» [Бюлер 1993: 75]. (Ср. семантический принцип локации по Степанову «я – здесь – теперь» [Степанов 1981: 242]. С. Левинсон, обобщивший в своей монографии «Прагматика» типы дейксиса, считает также, что традиционными категориями дейксиса являются дейксис лица, времени и места. Личный дейксис указывает на роль участников в высказывании. Категория первого лица – это грамматикализация ссылки говорящего на самого себя, второе лицо – ссылка на одного или более адресатов, третье лицо – ссылка на

лиц или объекты, которые не являются ни говорящим, ни адресатом высказывания [Levinson 1983: 62-64].

Эти указательные слова, символизирующие личный, пространственный и временной дейксис, являются **центром координатной системы**, в которую укладываются все поступающие к человеку чувственно воспринимаемые данные (Моисеева 2003: 106-115).

Все три координаты устанавливаются в фиксированной точке координатной системы. Дейктическая лексика эгоцентрична, ее семантической основой является понятие «я», «эго», «говорящий». Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания и систему дейктических слов в языке. С одной стороны, фигура говорящего является тем ориентиром, как отмечает К. Бюлер, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства [Бюлер 1993: 75]. С другой стороны, ссылка на фигуру говорящего образует ядро толкования двух основных пространственных и временных дейктических слов «здесь» и «сейчас» [Апресян 1995: 631]. Указательное поле, таким образом, непосредственно связано с перцептивным актом, и перцептивная сема выполняет роль базового дистинктивного признака всех лексем, входящих в дейктическое поле.

Мы разделяем мнение С.Д. Кацнельсона о том, что дейктические элементы отличаются такими свойствами, как:

1) ситуативность, т.е. смысловая зависимость от ситуации речи, вне которой значение дейктических средств может быть расплывчатым и неясным;

2) эгоцентризм, т.е. постоянная соотнесенность с субъектом речи;

3) субъективность: внешний объект выделяется не по его собственным признакам, независимым от говорящего лица, а по признаку соотнесенности с говорящим лицом;

4) мгновенность и эфемерность актуального значения, меняющегося от одного случая употребления к другому [Кацнельсон 1965]. Таким образом, главными свойствами дейктических элементов является их прагматичность и непрозрачность, оба свойства взаимообусловлены. Любой элемент, актуальный смысл которого не определяется внеязыковой референцией и значением его компонентов, а целиком зависит от употребления в той или иной ситуации, приобретает

прагматическое значение, а при полной десемантизации, – **строевое** [Алферов 2001: 87]. Французский исследователь Анна Жобэр, работающая в области прагматики, считает дейксис отражением реальной действительности (*effet de reel*), а известную триаду (семантический принцип локации по Степанову) – ключевым понятием любой речевой деятельности (*activite discursive*), непосредственным отражением источника речемыслительной акта [Jaubert 1990: 104]. Глаголы восприятия участвуют в речевых актах, но не являются именами *речевых* действий, которые формируют коммуникативный акт. Они обозначают реакции сенсорной системы живого организма на раздражения из внешней и внутренней среды. Если **субъект** перцептивного акта совпадает в предложении с подлежащим, а глагол восприятия выражен 1-м лицом, то действие перцептивного акта происходит в настоящем времени, и высказывание подобно перформативному акту. В нем речевое действие обозначает само действие перцепции, как это видно из нижеследующих примеров: *fr Je vous écoute* ‘Я вас слушаю’. *Je vois qu’ il s’approche* – ‘Я вижу, что он подходит’.

В данной работе под **субъектом восприятия** понимается подлежащее при сказуемом, выраженном перцептивным глаголом, входящим в лексико-семантическое поле восприятия. Субъект восприятия – это всегда рассказчик, или нарратор. Личный субъект перцептивного глагола синкретичен: в нем совмещены две роли – роль субъекта опыта и роль субъекта ментального действия, агенса [Арутюнова 1988: 115]. Глаголы восприятия, входящие в перцептивные акты, являются наблюдаемыми, они имеют «наблюдателя». Мы его называем нарратором, так как считаем его не только воспринимающим (*omni percens*), но и автором речевого сообщения о ситуации восприятия и ее интерпретации. Исходя из понимания художественного текста как одной из форм речевого акта, мы разделяем мнение авторов о том, что безличного повествования не бывает [Ryan 1981: 518]. Важно отличать нарратора от субъекта восприятия, от агенса перцептивного действия. Он является третьим актантом после субъекта и объекта восприятия. В отличие от последних он находится вне субъектно-предикатной структуры высказывания, но его позиция очень важна, так как связана с понятием «точка отсчета или наблюдения».

Следует обратить также внимание на то, что содержание такой грамматической категории, как изъявительное наклонение, опирается на данные, полученные перцептивным путем, но сам факт перцепции может быть не обозначенным. Он входит в **пресуппозицию** данного высказывания. Поэтому в тексте номинация перцепции *ad oculus* говорящего (он же является субъектом восприятия) обычно остается «за кадром». Таким образом, объект дейктического поля предстает в формуле: «восприятие + речь», где речь отражает ситуацию восприятия, информирует о ней, о ее актантах и об отношении нарратора к этой ситуации. Например: *Mais quand elle le vit entrer chez elle, trapu, le visage colore sous les cheveux en brosse, et l'habitude de commande inscrite en chaque trait, elle se dit, une fois de plus, que la noix serait assez dure a briser* [Maurois 1967: 115]. В приведенном примере описана ситуация, когда нарратор и воспринимающий – агенс перцептивного действия – не совпадают, но тем не менее в предложении отражено отношение последнего к объекту восприятия, а нарратором дается оценка происходящему.

При исследовании глаголов восприятия обращает на себя внимание некоторая асимметрия их функционирования в исследуемом семантическом поле. Более того анализ материала дает возможность выявить ряд парадоксов в функционировании глаголов восприятия [Моисеева 2003: 125-130]. Один из них касается соотношения **объективное / субъективное**.

Являясь объективно локализатором факта восприятия, субъект или, иначе говоря, агенс восприятия, одновременно оценивает и выявляет ситуацию, то есть привносит в факт перцепции субъективный момент. Так, в примерах *J'entends un oiseau qui chante* *Je vois un enfant qui court* событие перцепции или восприятие объекта в количественном плане (предикация существования или локализация события) и в качественном плане значимы только для субъекта восприятия, именно он, а не кто иной, воспринимает это событие, и если он его осознает, то именно оно для него и значимо, из чего мы делаем вывод о **субъективном** значении происходящего события, например, пения птицы. Оно может быть услышано только субъектом, способным услышать. Агенс восприятия проявляет способность воспринимать, он играет роль перцептора случайного перцептивного события, которое происходит без его ведома, и, таким образом, он безотчетно

является локализатором акта перцепции, одновременно оценивая и выявляя ситуацию, привнося в факт перцепции субъективный момент. Но из того факта, что перцептивное событие манифестируется, обнаруживая свою реальность, следует, что значение высказывания носит **объективный** характер, выявляя факт одновременного существования двойной характеристики глаголов перцепции: объективную и субъективную.

Следующий парадокс: местоимение первого лица *je* связано напрямую с ситуацией высказывания, с субъектом воспринимающим и передающим результат этого восприятия, оно придает речи субъективный характер, тогда как местоимение третьего лица *il*, наоборот, с ситуацией не связано, и в то же самое время, если повествование ведется в прошедшем незаконченном времени, то повествователь от первого лица «стирается», как бы отсутствует, и в этом случае появляется ощущение объективности общего характера восприятия события. Все происходит так, как если бы объект восприятия проявлялся с точки зрения слушателя, а агенс восприятия был бы только «посредником» между манифестацией воспринимаемого и речью. Мир в своем проявлении навязывает себя субъекту восприятия, речь может перейти в повествование, а само повествование в этом случае приобретает характер объективного события. Это явление подтверждает факт, отмеченный еще философами-эмпириками, начиная с Аристотеля о том, что реальность мира не является продуктом мысли, а существование вещей навязывается мыслящему субъекту. Она (реальность) не зависит от нашего воображения или нашей воли, и вся деятельность сознания предполагает существование объекта, к которому она относится. Наличие первого лица, казалось бы, должно придать повествованию субъективный характер. Эти соображения приводят нас к выводу: любое восприятие начинается с молчаливого его выявления воспринимаемым субъектом, высказывание или речь субъекта должны отражать это предшествование паузой. Существующий мир проявляется сам, а не субъект проявляет его. Перцепция идет от окружающего мира к субъекту восприятия и от субъекта восприятия возвращается в окружающий мир. Объект восприятия является определяющим, главным ориентиром в акте восприятия. М.Мерло-Понти в своей книге «Феноменология восприятия» пишет, что всякая перцепция происходит в

определенной обстановке и является как бы анонимной. «Я не могу сказать, что я вижу голубизну неба в том же смысле, как когда я говорю, что я понимаю книгу или что я решил посвятить свою жизнь математике. Мое восприятие отражает определенную ситуацию, а мои личные действия, наоборот, создают ее: я математик, потому что решил им стать. Таким образом, если бы я хотел передать опыт восприятия, я должен бы был сказать, что во мне что-то воспринимает, а не я сам воспринимаю» [Merleau-Ponty 1945: 249].

Итак, восприятию свойственна деперсонализация, но тем не менее оно связано с агенсом восприятия, обнаруживая тот же парадокс субъективного / объективного.

Соотнесение явлений пассивности и активности отражаются в противоречии проявления субъективного и объективного: воспринимающий субъект не придумывает, не создает объект восприятия, последний существует реально, он (субъект) проявляется себя как пассивный наблюдатель [Кустова 1999: 230]. Свойства объектов внешнего мира, воздействующих на наши органы чувств, зависят как от природы объектов, так и от органов, на которые это воздействие оказывается. Но поскольку перцептивный опыт все же осуществляется и зависит в какой-то степени от видения мира субъектом, этот опыт свидетельствует об определенной активности субъекта. На языковом уровне процесс восприятия представлен двунаправленно: от субъекта к объекту и наоборот.

Пространственный дейксис связан с кодированием места по отношению к местоположению участников ситуации восприятия.

Восприятие связано с пониманием и освоением человеком окружающего пространства. Описывая восприятие пространства русскими, Е.С. Яковлева отмечает, что пространством для русского человека является только то, что обжито, освоено, поэтому «абсолютные его показатели всегда конкретно референтны, и сфера их описания – объекты с конкретной локализацией» [Яковлева 1994: 43]. Сигналами конкретной референции в акте восприятия служат указательные частицы и местоимения, такие, как, например, *вот, вон* fr. *voici, voila*; it. *ecco, ecco qui*; esp. *he aqui, aqui esta*.

С. Левинсон отмечает, что дейксис организован эгоцентрично. Если представить дейксис в четырехмерном пространстве: три величины пространства и одна – времени, то говорящий

помещается в его центре, вокруг него располагаются несколько концентрических окружностей, означающих разные зоны пространственной близости / дальности [Levinson 1983: 62-64].

Перцептивные глаголы могут быть отнесены к категории глаголов-локализаторов. Действительно, глаголы *слышать* и *видеть*, fr. *voir* и *entendre*, it. *vedere* и *guardare*, esp. *ver* и *mirar* можно при перефразировании превратить в оборот *il y a* – оператор локализации. Они могут быть заменены локализаторами fr. *tiens! Voila*; it. *c'e, guarda! Ecco!* esp. *hay, esso es*. Эти обороты, являясь маркерами локализации, имеют временные и пространственные параметры, что свидетельствует о нейтральной объективности перцептивного акта.

Свойства глаголов *слышать* и *видеть*, относящихся к глаголам пассивного применения чувствительной способности, проистекают из их неагентивного характера. Эти глаголы предполагают случайность проявления отношений между субъектом и объектом или субъектом и другим объектом. Любое каузальное отношение исключается, субъект не является инициатором перцептивного события, он только воспринимает его, а на объект никоим образом процесс происходящего не влияет, на него не оказывается никакого воздействия. Глаголы восприятия выполняют в данном случае роль локализаторов, поскольку они лишены агентивности. Следовательно, в данном случае проявляется парадокс **активность / пассивность**.

Исследователи выявили у глаголов восприятия два типа локализации: один тип соотносится с глаголом *voir*, другой – с *entendre* [Franckel et Lebaud, 1990]. Первый локализуется в пространстве, что соотносит его с объектом, тогда как второй – локализуется только во времени, что придает ему характер событийности. Являясь результатом воздействия на наши органы чувств, свойства объектов внешнего мира зависят как от природы объектов, так и от органов чувств. Различная локализация этих двух глаголов связана с тем, что они предполагают различные “срезы” восприятия события: *je vois la chose*, значит, *je la situe dans l'espace* ‘я вижу что-то и помещаю это в пространстве’, тем более, что глагол *voir* соотносится с такими наречиями, как *ici, la, a la distance* ‘здесь’, ‘там’, ‘на расстоянии’ и др. Глагол *entendre* ‘слышать’ не дает эффекта или признака присутствия, поскольку человек слышит результат какого-то произведенного действия, который оказывается звуком или шумом. А то, что (или кто)

производит звук, реконструируется по признакам, по производимому звуку. Так, по услышанным звукам можно осознать, что поет птица. Глагол *entendre* предполагает, что субъект, воспринимающий звук по одному какому-то признаку, сразу соотносит его с чем-то целым, **реконструирует** его, а глагол зрительного восприятия, например, *voir* предполагает, что воспринимающий субъект сразу воспринимает образ целого.

Временная координата согласуется с временным дейксисом, включающим три понятия: времени данной речи, времени события и точки отсчета во времени. Вслед за Ю.Д. Апресяном, поясним это на примере типа *Петя читает роман*. Здесь все три временных точки совпадают. В высказывании *Петя читал роман* точка отсчета совпадает с временем речи, а время события предшествует ей. В высказывании *Когда я пришел, Петя уже прочитал роман* все три точки разделены; время события (прочтение романа) предшествует точке отсчета (времени прихода нарратора), а точка отсчета предшествует времени речи [Апресян 1995: 632].

Актантная структура глагола *voir* имеет две конфигурации: одноактантную: *Je vois que je me suis trompé=Je comprends (je me rends compte) que je me suis trompé* ‘я вижу, что я ошибся’; и двухактантную: *Je vois le chat* ‘Я вижу кошку’. Это так называемый ситуативный залог по теории Б. Потье. В первом случае перцептивное действие не выходит за пределы субъекта, а во втором – действие направлено на внешний объект, но не вызывает его изменения (каузация отсутствует). Эти две конфигурации влияют на актуализацию значения исследуемого глагола. ЛСВ глагола *voir*, актуализируемые в двух приведенных выше примерах, относятся к разным полям. Первая конфигурация, одноактантная структура ситуативного залога, имеет референцию к символическому полю, актуализируя значение ЛСВ, относящееся ко второму семантическому стержню значение ‘понимать’ у глагола *voir*. Вторая - двухактантная структура ситуативного залога относит глагол *voir* к дейктическому полю, выявляя перцептивное значение ‘видеть’.

Любое речевое образование может представлять перцептивный акт в настоящем, воспроизводить то, что было в прошлом, сообщать о предполагаемых актах в будущем. Различные вторичные значения глаголов, в которых сема “воспринимать органом чувств” не актуализируется, а заменяется новыми, либо

смешивается с ментальными, эмоциональными семантическими полями, распределяясь по другим типам модусов **СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОЛЯ**.

Cojo un taxi y por suerte, al abrir el bolso para sacar mi cigarillo, veo el monedero [Rico-Godoy 1999]. 'Я беру такси и, к счастью, открыв сумку, вижу кошелек'.

Подобные высказывания составляют содержание первичного дейксиса дейктического поля. Если же текст указывает на ситуацию в прошлом, мы имеем дело с вторичным дейксисом дейктического поля, как это видно из следующего примера: *La pasada noche estuve en el mitin y he visto con mis ojos conducir esposado entre caballos a Don Roque Cepeda*. [Там же] 'Вчера вечером я был на митинге и видел собственными глазами, как вели в наручниках под охраной конных жандармов дона Роке Сепеда'.

Ситуации, называемые (обозначаемые) в тексте, можно считать а priori воспринимаемыми, а их дескрипцию – объектом, входящим в поле зрения нарратора. В различных современных теориях говорящий и воспринимающий обозначаются по-разному. В теории речевых актов, развивающей тезис Н. Хомского о языковой компетенции как своде правил и их (правил) исполнении (performance), он называется "идеальный говорящий" \longleftrightarrow "идеальный слушающий" [Hymes 1972]. Это понятие впоследствии применялось в теории речевых актов и в прагмалингвистике [Searle 1992; Wunderlich 1976]. В текстологии ему соответствует понятие нарратора.

Описывая семантическое поле восприятия и функционирование в нем сенсорных глаголов, мы исходим из признания того факта, что предметом исследования становится речевая продукция (высказывание) той личности, которая воспринимает объективную действительность. К.А. Долинин в своей теории интерпретации текста называет эту личность "наблюдателем": он либо включен в коммуникативную ситуацию, либо не включен и смотрит на нее со стороны [Долинин 1985: 14], этот же термин употребляет и Е.Е. Корди [Корди 1988: 119]. Но поскольку наблюдатель является не только воспринимающим (omni percens), но и автором речевого сообщения о ситуации восприятия и ее интерпретации, его можно назвать **нарратором**. Субъект восприятия, констатации и оценки явлений действительности в

семантической структуре высказывания всегда присутствует имплицитно или эксплицитно [Бондарко 1978: 148].

Принцип соотнесения двух видов модуса (перцептивного и речевого) лежит в основе изучения поведения глаголов данной группы в различных типах речи. С этой точки зрения необходимо различать:

- а) восприятие как реальный факт, совместимый с речью,
- б) восприятие как реальный факт, несовместимый с речью,
- в) восприятие как воспоминание,
- г) восприятие как воображение.

С первым типом восприятия соотносится описательный акт речи автора восприятия, со вторым – репортаж, с третьим связано два типа речи: свидетельство и повествование, с четвертым – воображение. Первый из них относится к первичному дейксису дейктического поля, два следующих связаны с вторичным дейксисом дейктического поля, последний - с символическим полем.

Описание собственного перцептивного акта мы фиксируем в следующем примере: *J'observe ma niece qui est tres belle et je me dis: le pain, a travers elle, se fait grace melancolique* [Saint-Exupery 1967]. Выраженный нарратор, являясь одновременно воспринимающим, описывает свой перцептивный акт, следовательно, такой тип можно отнести к первичному дейксису дейктического поля.

В следующем предложении наблюдается совместимость акта перцепции с речью, время действия – настоящее: – *Voici les Simester, dit Margaret. Tenez-vous bien, je vous en prie* [Sagan 1987]. ЛЕ *voici* – оператор локализации, относящий приведенный пример к D1.

Во фразе, приведенной ниже, описывается зрительный перцептивный акт от третьего лица в прошедшем времени (реальный факт, несовместимый с речью), восприятие отражено как повествование: esp. *El marido corria detras muy palido, con una mano sobre el hombro del hermano como si quisiera frenarlo para que no viera lo que podia ver. 'Муж, весь бледный бежал сзади, положив руку брату на плечо как будто хотел остановить его, чтобы тот не увидел того, что мог бы* [Maryas 1967: 32]. В данном примере отображается D2.

Рассмотрим следующий пример: esp. *Comprobo que aunque todos sus dibujos habian desaparecido no se notaban secas de goma*

de borrar. 'Он удостоверился в том, что несмотря на то, что все его рисунки исчезли, следов стирательной резинки заметно не было' [Merino 1997: 21]. В этом предложении описывается реальный факт несовместимый с речью, поскольку испанский перцептивный глагол *notar*, стоит в прошедшем времени, актантная координата - третье лицо ед. числа, следовательно, этот перцептивный акт относится к D2.

Второму типу речи соответствует жанр репортажа: *Un bruit violent attire l'attention a l'autre extremite de la piece* [Robbe-Grillet: 1981]. Субъект восприятия подразумевается, объект восприятия занимает позицию подлежащего, повествование ведется от 3-го лица. Перцептивный акт следует отнести к D2.

С третьим типом связаны два модуса: свидетельство (воспоминание) и повествование. Этот вид дейксиса по Ю.Д. Апресяну - дейксис пересказа, нарративный дейксис [Апресян 1995: 632].

Таким образом, мы видим, что восприятие и говорение тесно связаны между собой, что можно представить в следующей табл. 5

Табл. 5

Соотношение координат и типов речи в дейктическом поле

Тип дейксиса	Нарратор	Временной дейксис	Тип речевого акта	
			Описание	Совместимый с речью
Первичный	Я/ты	Одновременность (наст.)	Описание	Совместимый с речью
Вторичный	Он / она / они/безличн.	Одновременность (наст.)	Репортаж	Несовместимый с речью
	Я/ты	Предшествование (прошед.)	Свидетельствование	
	Он/она/они/Безличн.	Предшествование. (прошед.)	Воспоминание	
	Я/ты	Следование (будущее)	Воображение	

Глаголы восприятия участвуют в речевых актах, но не являются именами *речевых* действий, которые формируют коммуникативный акт. Они обозначают реакции сенсорной

системы живого организма на раздражения из внешней и внутренней среды. В своих онтологических свойствах эти два вида деятельности: речевая и перцептивная, являясь проявлениями деятельности функциональных систем человека, совпадают. Перцептивные действия не возникают сами по себе, они являются реакцией на внешние раздражители, а речевое сообщение - это результат процесса, состоящего в передаче информации собеседнику [Долинин 1985: 9], причем, большая доля сообщаемого проистекает из факта восприятия. Достаточно часто можно ощущать присутствие деятельности, которую мы обозначаем термином “экспозиция”. Выделенный элемент значения чрезвычайно важен для исследования перцептивных глаголов. Так, два прототипических глагола *видеть* и *слышать* находятся в экспозиции многих других глаголов. В одних они присутствуют эксплицитно, например, *voir* в *visiter*, но чаще всего имплицитно: действия многих глаголов имеют зрительное восприятие в качестве подготовительной фазы: *брать*, *находить*, *встречать* и др. Даже внутри самой семантической группы восприятия между глаголами главной перцепции (зрение и слух) и второстепенной (обоняние, вкус и осязание) наблюдаются отношения экспозиции. Так, глаголы *sentir*, *gouter*, *toucher*, являясь переходными, неизбежно имеют в качестве «экспонента» глагол *voir*, так как для реализации семы *переходность*, объект, на который направлено обонятельное, вкусовое и осязательное восприятие, должен находиться в *зрительно-перцептивной* сфере агенса. И, наоборот, у их пассивных коррелятов (it. *fiutare*, *annusare* ‘чуять’; it. *sentire* ‘ощущать’; it. *toccare* ‘коснуться’) экспозиция не проявляется.

Переносное значение глаголов восприятия расширяет объем экспозиции, например, глагол *toucher* способен включать в себя бисенсорную экспозицию и передавать либо альтернативно, либо синкретично как зрительную, так и слуховую информацию: *я этим тронут j’en suis touche*, глагол *toucher* в данном примере актуализирован в эмоциональном речевом акте.

Взаимоотношение сигнификации и экспозиции в разных семантических группах имеет разнонаправленный вектор: у упомянутых выше глаголов зрительного и слухового восприятия она идет от зрения, слуха к другим видам восприятия, а у глаголов

групп речи (*dire*) или созидания (*faire*), например, наоборот: сказать для того, чтобы кто-то услышал, сделать для того, чтобы кто-то увидел.

М. Мамудян вслед за Ж. Фоконье [Fauconnier 1984] называет пресуппозиции [следовательно, и экспозиции – С.М.] ментальными пространствами (*espaces mentaux*), всегда присутствующими в речевом акте [Mamoudian 1989: 5-13]. Учитывая то обстоятельство, что перцептивный акт, не сопровождаемый мыслительными операциями, встречается редко (только как клинический случай), можно предположить, что в основе многих пресуппозиций (экзистенциальных, логических, коммуникативных) лежит перцепция, точнее апперцепция (восприятие, узнавание на основе прежних представлений), что подтверждается примерами с категорией экспозиции и эвиденциальности. Можно предположить также, что сфера функционирования глаголов зрительного восприятия – в большей степени символическое поле, именно в нем у этих глаголов наблюдается расцвет полимодусности. Глаголы зрительного восприятия по “принципу бинокля”, употребляются гораздо реже.

Итак, если рассматривать логическую схему перцептивного акта, в ней различаются:

1) рассказчик (нарратор) – в перцептивном акте всегда воспринимающий. Он действует в своем поле восприятия, которое для него и есть поле повествования, и в нем он является наблюдателем или очевидцем. В семиотике литературы существует понятие «поэтика очевидца» [Степанов 1985: 264-271];

2) участники перцептивного акта:

а) тот, кто совершает перцептивный акт (перцептивный агент действующий), например, *Pierre regarde la rue*;

б) тот, кто испытывает действие перцептивного акта (перцептивный пациент): *Pierre est observe*;

в) тот, кто каузирует перцептивный акт (перцептивный каузатор): *Pierre montre a Jean une image*.

Кроме наблюдателя мы принимаем во внимание также и другие функции говорящего, на которые указала Е. В. Падучева: субъект речи, субъект дейксиса и субъект сознания [Падучева 1993: 33].

В антропологической лингвистике исследовательский акцент обычно переносится на личность субъекта речи, интерпретатора,

носителя специфической точки зрения на мир. Эта специфика заключается не только в субъективности языковой личности и ее пристрастности, но и в специфике ее национально-культурных стереотипов, гештальтов и прототипов. Назначением высказывания, как известно, является отражение действительности и сообщение о ней. Вместе с тем, выражая какое-либо суждение, высказывание служит конкретным целям в речевом акте, обнаруживая отношение к сообщению, ту или иную модальность, которая ярко проявляется в функционировании глаголов восприятия в различных речевых актах, в которых немаловажную роль играет пресуппозиция.

В зависимости от числа и характера актантов в речевом акте, последние подразделяются на **элокутивные** (не имеющие адресата), **аллокутивные** (включающие адресат) и **делокутивные**. Первые два организуют высказывание от первого лица, а третий - от третьего [Charaudeau 1992: 619, 629].

Приведем примеры элокутивного акта.

Ester - J'étais bete a manger du foin et j'étais heureuse d'un bonheur stupide. Je ne veux plus etre bete. Je veux penser, regarder, juger [Cocteau 1968].

Пример аллокутивного акта: *Tu ne vois pas ce pain d'épices que je serre sur mon coeur?* [Mallet-Joris 1982: 55].

Элокутивные и аллокутивные акты в зависимости от временной координаты соотносятся как с первичным, так и со вторичным дейксисом. В делокутивных актах проявляется только вторичный дейксис. Приведем несколько примеров:

- (1) *Je regarde la rue*
- (2) *Il regarde la rue*
- (3) *La rue est vue de tous les cotes*

В первом предложении перцептивный агенс, наблюдатель и нарратор совпадают. Следовательно, это предложение относится к D1. Во втором примере субъект перцептивного действия и тот, кто воспринимает эту сцену, то есть нарратор, являются разными действующими лицами, следовательно в данном предложении отражен D2. В последнем предложении в роли подлежащего выступает объект восприятия, а субъект восприятия и нарратор остаются невыраженными. В актантной структуре предложения они могут либо совпадать, либо нет, высказывание организовано от

3-го лица, следовательно, этот пример относится к делокутивному акту, и тем самым к D2.

Вторичный дейксис отображается обычно в делокутивных актах, т.е. в актах от имени нарратора и появляется в высказываниях двух типов: а) с актантной координатой я/ты, но либо в прошлом, либо в будущем; б) с актантной координатой он / безличный субъект = не-Я.

Временной план во втором случае может иметь любую референцию (настоящее, прошедшее, будущее). «*On dirait qu'ils devinrent l'amour sur moi, qu'ils le flairent comme une odeur, et que me sentant inoffensive, desarmee, ils en reclament leur part* [Mallet-Joris 1982: 55]. В примере – время действие настоящее, но подлежащее выражено третьим лицом мн. числа, это дейксис пересказа, предложение относится к вторичному дейксису дейктического поля.

Актантная координата Он = не – Я, в ней проявлена категория третьего лица, которая при сравнении ее с категорией первого и второго выявляет особый статус. Известно, что категория я/ты является дейктической категорией, она имеет референцию к участникам диалога: говорящий и слушающий по очереди меняются ролями. Что касается категории третьего лица, то его специфика заключается в том, что оно (3-е лицо) является протагонистом повествования как речевого продукта наблюдателя или нарратора.

Известны следующие формы выражения не -Я:

- 1) личная (личные местоимения 3 лица, муж. и жен. рода, ед. и мн. числа);
- 2) безличная;
- 3) нулевая: опущение местоимения в испанском и итальянском языках.

Б. Потье отмечает, что 3-е лицо в испанском и итальянском языках выражается не аналитически, как во французском, а флексией. Во французском высказывании выражение грамматического субъекта обязательно, а в испанском и итальянском – нет. Отсутствие грамматического субъекта в личных и неопределенно-личных предложениях в испанском языке по сравнению с французским явление нормативное.

С логической и исторической точек зрения в основу изучения структурных особенностей простого предложения, предикативный

центр которого так или иначе выражается через субъекта семантической референции в широких рамках субъектно-предикатно-объектных отношений, должны быть положены различные типы соотнесения высказывания с действительностью (семантическая референция). Последнее отчетливо вырисовываются при устранении субъекта [Степанов 1985: 124] или при его невыраженности.

Б. Потье пишет, что в безличных предложениях в испанском языке синтаксические функции выполняются именем существительным, а субъектно-объектные отношения определяются падежами. Номинатив является падежом агенса во всех индоевропейских языках. Рефлексивно-дательная модель отражена в примере *Se me rompió el pie*. Поссесивная в – *me rompió mi pie*. Номинативно-возвратная модель в примере *La rama se rompe 'ветвь ломается'*, которую Б. Потье относит наряду с *Pedro se duerme* к активным медиальным моделям в отличие от пассивной медиальной *estos archivos se destruyeron en el siglo XVI* [Pottier 1987: 56].

Если повествование разворачивается в форме 1-го лица (я/ты), то рассказчик и субъект совпадают (я/ты – подлежащее). Рассказчик и субъект не совпадают, если повествование осуществляется в форме 3-го лица, что наглядно показано в табл. 6.

Табл. 6

Актанты дейктического поля

	Подл. СВ	Подл. ОВ	СВ ДП	ОВ неод.	D1	D2	Наррат. выр.
1. j'observe le paysage	+	–	+	–	+	–	+
2. j'observais le paysage	+	–	+	–	–	+	+
3. il observe Jean	–	–	+	–	–	+	–
4. il observait le paysage	–	–	+	–	–	+	–
5. je m'observe	+	+	+	+	(+)	–	+
6. je me sens observe	+	+	+	+	(+)	+	+
7. je me sentais observe	+	+	+	+	(+)	+	+
8. il se sent observe	+	+	+	+	–	+	–

9. il se sentait observe	+	+	+	+	-	+	-
10. la voiture est observee	-	+	+	-	-	+	-
11. la voiture apparait	-	+	+	-	-	+	-
12. la voiture brille	-	+	+	-	-	+	-

В таблице были применены следующие сокращения: подл. – подлежащее; одуш. – одушевленный; неод. – неодушевленный; ДП – дейктическое поле; наррат. выр. – выраженный нарратор, подл. – подлежащее, СВ – субъект восприятия, ОВ – объект восприятия.

В предложении (1) *J'observe le paysage* субъект восприятия является подлежащим, выраженным местоимением 1-го лица ед. числа. Субъект восприятия – выраженный нарратор, действие в повествовании происходит в настоящем времени, следовательно, в примере отражен первичный дейксис дейктического поля.

В перцептивном акте (2) *j'observais le paysage* субъект восприятия и нарратор совпадают, но момент восприятия не совпадает с моментом речи, действие происходит в прошлом, таким образом в предложении отражен D2.

В примерах (3) и (4) *il observe Jean* и *il observait le paysage* субъект восприятия, выражен 3-м лицом ед. числа: Он – не Я. Даже не анализируя временную и пространственную координаты, мы относим оба примера к D2, что проявляется также в примерах 8-12, поскольку подлежащее в них стоит в 3-м лице ед. числа.

В предложениях (5) и (6) *je m'observe* и *je me sens observe*, нарратор выражен 1-м лицом ед. числа. Момент восприятия совпадает с моментом речи, действие происходит в настоящем времени. Оба примера относим к D1.

В предложении (7) *je me sentais observe* нарратор выражен 1-м лицом ед. числа, но момент восприятия не совпадает с моментом речи, время действия в прошлом, следовательно, пример относим к D2.

Рассматривая дейктическое поле, К. Бюлер отмечает анафорический способ указания на предмет, т.е. указание с помощью вербальных средств в пределах дейктического поля или текста, что соотносится с первичным или вторичным дейксисом анализируемого поля. Для определения первичного и вторичного

дейксиса следует соотнести координаты: актантную, пространственную, временную. Координаты “я”, ”здесь”, ”сейчас” относят акт восприятия к первичному дейксису, координата “Он – не Я”, или глагол, стоящий в прошедшем или будущем времени, влечет несовпадение места действия и места речевого акта, что относит значения ГВ ко вторичному дейксису.

I. Первичный дейксис дейктического поля отражен в следующих примерах:

1. *Oigo que se abre la puerta de la calle* [Rico-Godoy 1999, 1] ‘Я слышу, как открывается входная дверь’.

Глагол стоит в 1-м лице ед. числа настоящего времени, выраженный нарратор, являясь одновременно воспринимающим, описывает свой перцептивный акт.

II. Вторичный дейксис дейктического поля представлен в примерах:

1. fr. *Relevant les yeux, on constate qu’il est maintenant debout devant la porte, face a celle-ci, c’est-a-dire toujours tournant le dos a la salle* [Robbe-Grillet 1981].

2. fr. *Un bruit violent attire l’attention a l’autre extremite de la piece* [Robbe-Grillet, 1981].

Имперсональный рассказчик описывает свой акт зрительного (2) и слухового (3) восприятия. Время восприятия совпадает с временем рассказа, следовательно, это D2.

4. esp. *Cuando el tal don Sixto oyo las pretensiones del viejo Labarca, dejo caer la baba, porque jamas habia imaginado cosa tan peregrina. Когда этот дон Сиксто услышал, о чем хлопочет старик Лабарка, он от удивления разинул рот, ибо в жизни своей не слыхивал ничего подобного.* Перцептивный глагол в приведенном примере относится к микрополю слухового восприятия, в примере наблюдается несовпадение места говорящего с пространственной и временной точками отсчета, действие происходит в прошлом, повествование ведется от третьего лица, таким образом, этот пример мы относим к вторичному дейксису дейктического поля.

5. esp. *Мата hacia como que no le oia. Мама делала вид, что не слышит его* [Delibes 1956: 153]. В данном предложении описан акт, связанный со слуховым восприятием, актуализируется ноэма “неприменение способности слышать”. Время действия – прошедшее, перцептивный акт относится к вторичному дейксису дейктического поля.

6. Пример интроспекции во вторичном дейксисе мы видим в следующих предложениях:

fr. *Jean de La Monnerie éprouvait à la base du nez le poids léger des lunettes. Ses perceptions étaient enveloppées de brume. Sa seule sensation vraiment précise, parce que la seule vraiment importante, était cette étreinte permanente sous la clavicule gauche* [Druon 1989].

7. fr. *Que de fois j'ai vu, dans nos campagnes ... l'espérance illuminer soudain les visages parce que l'un des assistants avait cru percevoir le bruit lointain* [Maurois 1967].

В приведенном примере наблюдается силептическое употребление: *j'ai vu... l'espérance illuminer soudain les visages = j'ai vu les visages illuminés de l'espérance*, ГВ имеет переносное значение, оставаясь в сфере восприятия. Перцептивный акт относится к D2.

8. fr. *Elles se sont vues sans se reconnaître.* - 'Они увиделись, не узнав друг друга' [Gard 1960].

9. fr. *Ils se regardèrent quelques secondes sans bien se voir. Chacun d'eux suivait les rebondissements de sa pensée* [Там же].

Глаголы *se voir, se regarder* передают значения 'увидеться', 'увидеть друг друга', 'встретиться' (*se rencontrer, se fréquenter*). В примерах (8, 9) отражен перцептивный акт, в котором действие осуществляется двумя субъектами, оно направлено от одного действующего лица на второе, производящее то же самое действие, но акт перцепции не совпадает с актом речи, время действия перцептивного акта – прошедшее, эти предложения мы относим к D2.

10. В следующем испанском примере нет грамматического подлежащего: esp. *Me miraba con su mirada gris de pronto absorta, con un poco de disculpa y un poco de indiferencia* 'Она устремила на меня взгляд своих серых глаз одновременно извиняющийся и безразличный' [Maryas 1967: 30]. Выраженный нарратор, являясь одновременно воспринимающим, описывает перцептивный акт, действие происходит в прошлом, следовательно, в примере отражен D2.

11. fr. *Je ne romprai pas avec Jean, je le verrai quand je voudrai, laisse-moi sortir !* [Mallet-Joris 1982].

В этом предложении отражен эллокутивный речевой акт: глагол восприятия *voir* стоит в 1-м лице ед. числа, он актуализирует ноэму "применение чувствительной способности",

но глагол относится будущему времени (Futur simple) и, следовательно, он находится в зоне вторичного дейксиса дейктического поля.

12. esp. *La pasada noche estuve en el mitin y he visto con mis ojos conducir esposado entre caballos a Don Roque Cepeda. 'Вчера вечером я был на митинге и видел собственными глазами, как вели в наручниках под охраной конных жандармов дон Рокке Сепеда'*. Приведенный пример относится к речевому акту “воспоминание” и, следовательно, к D2.

13. esp. *Barbaro, no grites, habla como la gente, y te escucharemos. 'Да не кричи ты, говори как все нормальные люди, и мы тебя выслушаем'* [Rico-Godoy 1999]. В предложении глагол восприятия стоит в 1-м лице мн. числа, но поскольку время действия отнесено к будущему, это вторичный дейксис дейктического поля.

Итак, мы привели примеры первичного и вторичного дейксиса дейктического поля. Обратимся к **символическому** или, иначе говоря к **ассоциативному** полю, у которого по аналогии с дейктическим полем существует также первичный и вторичный дейксис.

Рассматривая символическое поле, К.Бюлер отмечает, что способом указания на предмет, является *deixis ad phantasma* – “дейксис к *воображаемому*”, указание на абстрактное место (или символическое поле), которое находится в **глубинных слоях памяти** [Бюлер, 1993: 75], то, что Ю.Д.Апресян называет вторичным дейксисом, дейксисом пересказа, нарративным [Апресян, 1995: 632]. Таким образом, память становится семиотическим понятием. «Семантическую память образует информация, извлеченная индивидом не из непосредственно воспринимаемого им мира, но из всякого рода субститутов фактической действительности. Иначе говоря, семантическая память - это хранилище усвоенных нами текстов и сообщений» [Смирнов 1985: 135]. Семантическая память, на наш взгляд, это символическое поле - это апелляция в языку, к воображению, к воспоминанию. Например: fr. *Pour qui nous regarde de loin et pour qui nous regarde de haut, nous sommes des barbares et des fous* [Barbusse 1985]. В этом примере перцептивный глагол *regarder* стоит 3-ем лице ед. числа настоящего времени, он употреблен не в перцептивном значении, это дейксис к *воображаемому*, т.е. символическое поле.

Символическое поле включает в себя функционирование ГВ в различных прагматических ситуациях, в которых формируется иллюкутивная семантика, как например в примере: – *Yo voy a tomar pato a la naranja. – Que rico!* ‘Как вкусно!’ В приведенном примере сема “богатство” меняется на сему “вкусовое ощущение”. Таким образом, мы можем утверждать, что символическое поле – это сфера, в которой не только развивается полисемия прототипических ГВ, но и происходит расширение семантики перцептивной зоны

Рассмотрим примеры первичного и вторичного дейксиса ассоциативного (символического) поля.

III. Первичный дейксис символического поля отражен в следующей фразе:

1. fr. *Je ne sens pas une unanimité dans le pays sur ce sujet.* Многозначный глагол восприятия *sentir* актуализирует значение относящееся к глаголам интеллектуальной деятельности. В предложении отражен мыслительный акт поскольку по семантическому согласованию у него в правом окружении мы фиксируем абстрактное существительное.

2. В качестве волевого акта выступает глагол зрительного восприятия в следующей фразе: it. *Vedi di farcela da solo,* эквивалентной французскому *Tache de te débrouiller tout seul.* Итальянский глагол *vedere* в повелительном наклонении относится к семантической группе глаголов, которые репрезентируют важную семантическую область: модальность с функцией намерения. Эквивалентное значение мы видим в следующей французской фразе: *Voyez qu'il ne lui manque rien.* ‘Проследите, чтобы у него все было’. В конструкции *voir + que + subjonctif* у исследуемого глагола обнаруживается неперцептивное значение, глагол *vedere* актуализирует значение, относящееся к воливному плану.

3. Вербализация сенсорных актов нередко имеет место в диалогах при описании прошлого опыта, как это видно из следующих примеров. Мы видим несовпадение места говорящего с временной точкой отсчета, относя тем самым предложение к группе S1. fr. *Une fois je me suis approché pour tirer sa veste ou crier une sottise et j'ai vu son visage, monsieur Leblanc* [Cesborn, 1985].

4. fr. *Je vois d'ici la page de mon dossier.* В данном контексте глагол *voir* актуализирует значение ‘представить мысленно, вообразить’. Это дейксис к воображаемому.

IV. Вторичный дейксис символического поля:

1. fr. *J'ai vu mourir des centaines de blesses.*

В приведенном примере глагол *voir* 'видеть' употреблен в первом лице ед. числа прошедшего времени (несовпадение места говорящего с пространственной и временной точкой отсчета). Значение 'видеть' у исследуемого глагола почти стерто, что подтверждается возможностью его замены неперцептивными глаголами, в данном контексте он синонимичен глаголу 'вспоминать', 'помнить'.

2. fr. *Gandhi eut la joie de voir l'Inde emue par cet appel.* У глагола *voir* а этом примере актуализируется значение 'понимать'. Глагол стоит в прошедшем времени и относится к субъективному залогу, стало быть, он располагается на оси перцептивных действий, имевших место в прошлом и составляющих когнитивный опыт субъекта перцепции и относящихся к интеллектуальной семантической области с функцией познания. Речевой акт – свидетельство.

3. fr. *Après cinq ans de tentatives et de travaux pénibles il s'était vu possesseur d'une fortune considérable* [Balzac 1974]. В приведенном примере глагол *voir* не актуализирует перцептивного значения, он десемантизирован и относится к ассоциативному полю. Глагол стоит в прошедшем времени, это предложение мы относим к S2.

4. fr. *Nous vimes l'instant fatal ou l'eau nous allait manquer. Comprenez-vous?* [Zola, 1979].

Глагол *voir*, стоящий в 1-м лице мн. числа прошедшего времени выражает неперцептивное действия, актуализируя в данном примере значение 'понимать'. Мы относим этот пример к символическому полю,

5. fr. *Le passe etait le passe, n'est-ce pas? Si on conservait de la rancune apres des neuf ans et des dix ans, on finirait par ne plus voir personne* [Zola, 1979]. Действие происходит в прошедшем времени, глагол *voir*, стоящий в инфинитиве, употреблен в значении *встречать, встречаться*. Этот пример соответствует вторичному дейксису символического поля.

Итак, глаголы восприятия в перцептивных и неперцептивных значениях связаны с теорией поля дейктического и символического, относясь соответственно к интенциональной и

модальной логике. Количественный анализ выявил, что первичный дейксис и того, и другого поля употребляется гораздо реже, чем вторичный. Выявилась еще одна, на наш взгляд, очень интересная закономерность: глаголы зрительного восприятия в речевых актах гораздо чаще употребляются в неперцептивных значениях.

3.2. Многозначность глаголов восприятия

Содержание **символического** поля, как показало исследование, тесно связано с **полисемией** глаголов восприятия, которые в этом поле актуализируют “несобственно-перцептивные” значения, относящиеся к другим модусам. Личный субъект перцептивного акта в символическом поле синкретичен (неоднороден), в нем совмещены две роли: роль субъекта опыта, восприятия и роль субъекта ментального действия - агенса. Зрительное восприятие непосредственно направлено на предмет в его динамических и статических состояниях, которые и интерпретируются субъектом восприятия. Известно, что семантика полисемичных слов представляет собой иерархически организованное единство узуальных значений, связанных отношениями семантической деривации, изоморфными словообразовательным отношениям.

Глаголам восприятия свойственно явление **синкретизма** как прямое следствие полимодусного характера рассматриваемой группы глаголов. Синкретизм, как известно, это совмещение дифференциальных, семантических и структурных признаков единиц языка (некоторых разрядов слов и значений), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности [БЭСЯ 1998: 446]. Под синкретизмом в нашей работе понимается такое явление, когда та или иная лексическая единица семантического поля принимает на себя смысловую нагрузку двух или более участков этого поля или соседних полей.

Синкретизм лексем и вторичную сигнификацию порождает обработка сигнала от внешнего мира, которая проходит с одновременным участием нескольких каналов, ведущих к различным рецепторам и мозгу, например, канал слухового и визуального восприятия, следствием чего является переход от одного сенсорного модуса к другому или их совмещение.

В своем исследовании В.В. Макаров выделяет фиксированный (устойчивый) синкретизм и нефиксированный (неустойчивый, спорадический). Примеры фиксированного синкретизма в латинском языке: *videre* ‘видеть’ и ‘быть зрячим’, *audire* ‘слышать’ и ‘не быть глухим’, *sapere* ‘ощущать на вкус’ и ‘иметь вкус’ *olfacere* ‘обонять’ и ‘делать пахучим’. Нефиксированный синкретизм проявляется в субъектной части между пассивным и активным восприятием: *audire* ‘слышать’, *auscultare* ‘слушать’, *videre* ‘видеть’, *aspicere* ‘смотреть’, *temptare* ‘осязать’, *palpare* ‘ощупывать’, *olfacere* ‘обонять’ + ‘нюхать’. Синкретизм проявляется между субъектным и объектным планами: *oculare* ‘наделять зрением’ и *monstrare, ostendere, clarare, luminare* ‘делать видимым’, *tangere* ‘осязать’, ‘делать осязаемым’, *temptare* ‘ощупывать’ *gustare* ‘пробовать на вкус’ и *gustare* ‘пробовать на вкус’ + ‘слушать’ [Макаров 1972: 79-85].

Рассмотрим, к примеру, французский глагол микрополя зрительного восприятия *regarder* ‘смотреть’. В предложении *Il regarde enfin la pierre qu'on lui montre* у этого глагола проявляются явления синкретизма: исследуемый глагол означает не только *смотреть*, но и ‘направить внимание на...’ *diriger son attention sur...*, т.е. актуализируется сема “зрительное восприятие” + сема “внимание”: субъект действия не просто *смотрит*, но и *рассматривает* предмет, *направляя свое внимание на...*

В примере *La vendeuse regarde le catalogue pour renseigner le client* у исследуемого глагола проявляется полимодусность, совмещаются модусы “восприятие” и “мыслительная деятельность” (*regarder syn. consulter*).

Regarder la mer (*syn. contempler*) – ‘смотреть’ и одновременно ‘любоваться морем’, т.е. происходит совмещение модусов “восприятие” и “эмоциональное переживание”.

Так, у французского глагола *examiner* были выявлены следующие ЛСВ: ‘изучать’, ‘рассматривать с целью изучить’, ‘экзаменовать’, глагол *examiner* актуализирует значение *considerer avec attention, avec reflexion* [Robert 1993: 397], (*syn*) *observer*. т.е. у этого глагола выявляются семы: ‘применение чувствительной способности’, ‘внимание’, ‘умственная деятельность’. Например: *Il va falloir examiner cela de plus pres, (syn) regarder. Il l'examinait de la tete aux pieds*. В последних примерах ЛСВ исследуемого глагола имеет значение ‘изучать’. В предложении *Pierre a examine tous les*

documents исследуемый глагол переводится как ‘рассматривать с целью изучить’, выявляя синкретизм исследуемого глагола. Исследуемый глагол также синонимичен глаголам *deliberer, discuter: examiner les qualites et les defauts, la valeur de qch* [Там же, 397].

В примере *Le professeur examine les etudiants tres longtemps* у данного глагола актуализируется значение ‘экзаменовать’.

Таким образом, исследуемый глагол в разных значениях может принадлежать к разным семантическим полям: к семантическому полю глаголов восприятия, к полю умственной деятельности и др.

Рассмотрим, к примеру, французский глагол *saisir*, этот глагол является полимодусным и кумулятивным. В толковом словаре “Le Petit Robert” отмечены значения: *percevoir par les sens, par l’esprit, par l’intuition ou par le raisonnement* [PR, 1992], ‘воспринимать чувствами, разумом, интуицией или умозаключением’. Три значения из четырех относятся к СП “умственная деятельность”, и только первое значение – к СП “восприятие” из чего можно заключить, что три ЛСВ этого глагола находятся на периферии семантического поля глаголов восприятия, на пересечении с полем умственной деятельности. Так, в примере *Il avait saisi d’un seul coup d’oeil tout ce que representait le tableau* проявляется кумулятивный характер исследуемого глагола, в нем актуализируется сема “зрительное восприятие” (*увидеть*) + сема “умственная деятельность” (*понять*).

Французский глагол *sentir* в приведенном ниже примере синкретичен, он объединяет перцептивное значение ‘чувствовать’ + значение ‘понимать’, относящееся к семантическому полю умственной деятельности. *Plus je me rapprochais de la maison, plus je sentais cette presence proche du chagrin pret a renaitre encore et encore, inlassablement, comme un jet d’eau, plus je devinais, m’attendant dans ma chambre, aussi tangible, aussi poignante qu’en ete l’odeur du tilleul* [Mallet-Joris 1982].

Синкретизм может проявиться и у глаголов слухового восприятия. Так, в примере *Je vous chasserai, entendez-vous?* у глагола *entendre* проявляется кумулятивный характер: абсолютное значение ‘слышать’ + значение ‘понимать’.

Глаголы восприятия, особенно глаголы, актуализирующие ноэму “пассивное применение чувствительной способности”,

отличаются многозначностью, что демонстрируют примеры с глаголом *it. sentire*, приведенные в табл. 7. Примеры из итальянского языка даны в сравнении с их французскими аналогами.

Табл. 7

Проявление многозначности у глагола *sentire*

It.	Fr.
Sentire il caldo	Sentir la chaleur
Sentir un rumor	Entendre un bruit
Sentire : sentimi bene	Ecouter : ecoute-moi bien
Sentire: cosa ti e successo, sentiamo!	Qu'est-ce qui t'arrive, nous t'ecoutons .
Sentire: sentiamo di che si tratta	Voir: voyons, de quoi il s'agit.
Sentire: senti come e buono questo pane	Gouter: goute ce pain, tu verras comme il est bon
Sentire: sentir el polso	Tater: tater le pouls
Sentire: sentire di chiuso	Sentir: sentir le renferme
Sentire: dovresti sentire un medico	Consulter: tu devrais consulter un medecin

Из приведенной табл. видно, что исследуемый итальянский глагол *sentire* соотносится со всеми пятью сенсорными сферами, тогда как французский *sentir* – с тремя. Сравнение показывает, что итальянскому глаголу *sentire* соответствуют семь французских глаголов, т.е. итальянский глагол сверхсинкретичен.

При исследовании развитой полисемии глаголов восприятия мы можем обратиться к эпидигматике. Определяющими характеристиками эпидигматической парадигмы являются прототипические глаголы как начальный способ выражения ноэм, проявление полисемии цепочечной, радиальной и цепочно-радиальной, словообразование с мотивирующей основой (с внутренней формой) и словообразование с немотивирующей основой (со стершейся внутренней формой). В основу выделения типов полисемии мы положили критерий однородности / разнородности (полиреферентности). Однородные полисеманты не выходят за пределы своей сенсорной области, тогда как разнородные соотносятся с различными модусами и различными предметными областями (финансовой, юридической, медицинской и др.), например: *esp. tocar a llamada* *it. 'suonare l'apello'*.

Глаголы восприятия проходят три стадии семантической эволюции: плеонастическую, метафорическую и грамматическую, их десемантизация рассматривалась выше.

Плеонастическая стадия проявляется в высказывании как “избыточность” выразительных средств, используемых для передачи лексического или грамматического смысла [БЭСЯ 1998: 379]. Проявление плеонастичности мы наблюдали, например, в глаголах итальянского и испанского языков, когда рассматривали состав СП восприятия. Так, нами были отмечены итальянские глаголы *occhiare* и *adocchiare*, восходящие к одному корню и имеющие одинаковые значения, или испанские глаголы восприятия, когда в их составе встречаются парные глаголы, такие, как *oliscar = olisquear, perfumar, perfumear, oler, olorozar, aromar, aromatizar*, что означает ‘*comunicar aroma,*’ ‘*ароматизировать*’.

Метафорическая стадия особенно ярко проявляется у глаголов восприятия, основной перцепции, зрительного и слухового восприятия, поскольку именно она обслуживает наибольшее количество коммуникативных ситуаций и скорее всего изнашивается от постоянного употребления [Апресян 1995: 364]. Этим можно объяснить появление большого числа метафор, связанных со слуховым и зрительным восприятием. Различные вторичные значения глаголов, в которых сема “воспринимать органом чувств” не актуализируется, а выявляет несобственно-перцептивные значения у глаголов, входящих в ментальные, эмоциональные или другие семантические поля, распределяясь по другим типам модусов, многие из которых являются производными от модуса восприятия. Неудивительно, что именно глаголы зрения с результирующей семантикой доминируют во всем перцептивном поле. Есть, по-видимому, общие онтологические свойства между этими явлениями. Вспомним, что писал А.А. Потебня: “Язык можно сравнить со зрением. Подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все мирозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем неизменимо” [Потебня 1993: 164]. Вследствие сказанного зрительное и, в несколько меньшей степени, слуховое восприятие нуждается во все новых и новых выразительных средствах. Еще в начале 50-х

годов С. Ульман сформулировал следующую статистическую закономерность: около 80% интерсенсорных (кинестетических) метафорических переносов происходят строго в направлении от нижних уровней иерархии восприятия к ее верхним уровням, и только немногим более 20 % переносов разворачиваются в противоположном направлении [Ulmann, 1977]. Это значит, что метафоры типа *теплые, холодные краски, мягкие тона, колючий взгляд, холодный голос, жесткие звуки, кричаще одета, сладкие речи* и т.д., как отмечает Ю.Д. Апресян, гораздо более вероятны и естественны, чем метафоры типа **тусклый звук, *носатый голос, *красные звуки, *глухие запахи* и т.д. [Апресян 1995: 363].

Так, в семантическом микрополе зрительного восприятия, например, сочетаемость глагола *voir* с неодушевленным подлежащим в левой позиции и с косвенным дополнением с предлогом *sur* – в правой, выявляет у исследуемого глагола значение ‘*выходит на*’. fr. *Cette maison voit sur un jardin ou une rue ?*

Синонимами подобного употребления глагола *voir* являются выражения: *donner (sur), exposer (etre expose), vue (avoir vue) sur...*

В примерах, приведенных далее, глагол *voir* использован **метафорически**: *Cette hauteur voit la place, voit le rempart de la place. Cette plaine a vu de nombreux combats.*

В последнем примере подлежащее также является неодушевленным, но рассказчик, который, возможно, был свидетелем событий, использует в своем изложении возвышенный, поэтический стиль речи.

Когда французский глагол *regarder* соотносится с неодушевленным подлежащим в левом окружении, основное значение исследуемого глагола “зрительное восприятие” затушевывается, уходит в потенцию, и актуализируется другое значение: ‘*быть обращенным к..., выходит на...*’. Например: *Cette maison regarde le midi. ‘Этот дом выходит на юг’* или *Les salles de travail regardaient soit la rue Saint-Jacques soit la morose rue Gujas* [Duhamel 1937].

Исследуемый глагол развивает также другие переносные значения. Так, если левое окружение выражено существительным в неодушевленным в функции подлежащего, а правая позиция представлена именем существительным одушевленным, то у глагола *regarder* наблюдается угасание семы “зрительное

восприятие”, и данная структура актуализирует ии следуемого глагола значение ‘касаться кого-л.’. Например: *Il y a toujours le passe, ce passe obscure. Mais le passe du pere ne regarde pas le fils.*

Таким образом, глаголы основной перцепции для придания большей выразительности языку широко используют метафоры, несмотря на то, что у лексики, относящейся к зрительному восприятию, самая высокая номинативная дробность. Номинативная дробность у лексики, относящейся к ольфакторному восприятию довольно низкая и самая низкая номинативная дробность у глаголов микрополя вкусового восприятия. Но если принять во внимание, что французской культуре свойственно особое отношение к гастрономии – французы издавна считались гурманами и прекрасными знатоками вин – то, очевидно, языковые средства выражения в этой области уходят в сферу лексики других частей речи, в сферу фразеологизмов и стилистических оборотов.

Все признают, что по утонченности, разнообразию французская кухня не имеет себе равных. Франция – это «родина гастрономического искусства», «страна гурманов» [Шабо, 1996:5], где существуют культ вкусной пищи, приготовление которой превращается в творчество. Это внимание и любовь к вкусной пище естественно находят свое отражение в языке, прежде всего во всякого рода фразеосочетаниях. Для французов «настоящий обед – это одновременно и ритуал и произведение искусства». Он порой сравнивается с симфонией постороенной в определенном ритме или с классической пьесой в пяти актах [Michaud, Torres 1975: 314]. Для французов хорошее застолье связано не только с вкусной едой, но и с приятной беседой. Умение оценить поданную пищу рассматривается во Франции как элемент хорошего воспитания. Н Мошам отмечает, что одно из удовольствий, которое важно разделять с другими – это удовольствие «есть и говорить о том, что едят» [Mauchamp 1995: 94]. Интересно, что в данном наблюдении есть явное противоречие между моделью поведения французов и русских. Русская пословица «когда я ем, я глух и нем» фиксирует совершенно иную модель поведения за столом, отмечает Н.А.Кудрина [Кудрина, 2002: 405]. Одним из важных для каждого француза является понятие “гастрономии”, т.е. “искусство хорошо питаться”, в которое кроме кухни и вина включается и последовательность подачи блюд, и соответствие вина блюду, и

соответствие посуды и столовых приборов подаваемому блюду и вину [Там же].

Одна из главных трудностей, с которой сталкивается профессиональный повар и дегустатор – это невозможность передать на словах вкусовые и обонятельные впечатления от некоторых блюд и вин. Количество марок вин необъятно (оно составляет десятки тысяч), к тому же каждый год появляются новые вина, вырабатываемые из винограда нового урожая, и, следовательно, не могущие в точности повторить вкусоароматические качества вин предыдущих урожаев. В переводе с латинского термин *degustare* означает ‘пробовать на вкус’, но дегустация оценивает не только вкус, она производит всестороннюю органолептическую оценку или анализ вина, т.е. определение с помощью зрения, обоняния, вкуса, осязания и даже слуха (оценка игристых вин) его внешнего вида, вкуса и аромата. Оценка внешнего вида включает в себя анализ окраски и прозрачности напитка. Вкус и аромат вина составляют его основу, и им уделяется особое внимание, поскольку вкус вина многогранен. Если принять во внимание сумму различных первичных и вторичных показателей, и чтобы удержать в памяти свои впечатления и ощущения, дегустатору приходится сочетать слова-образы с точными терминами. Однако приходится констатировать в дегустационной терминологии заметный разнобой. Некоторые из уже вошедших в обиход терминов ещё окончательно не кодифицированы, и значение их порой трактуется по-разному.

Рассмотрим самые важные термины, слова и выражения, необходимые для понимания весьма специфического словаря дегустации. В этом словаре можно выделить несколько глав, они посвящены “телу” вина, его винным свойствам, “темпераменту” и, наконец, “вкусу” и “букету”.

Тело вина 'le corps' – это осязательное ощущение “плотности” вина во рту, которое зависит, главным образом, от спиртовой крепости, но в равной степени и от консистенции, и силы вкуса напитка. “Скелетом” вина, на котором держится тело, является, в первую очередь, алкоголь – он придает вину характеризующий его «вес». В соответствии с этим критерием дегустатор может дать вину следующие определения: *aqueux* ‘водянистое’, *leger* ‘лёгкое’, *de corps moyen* ‘среднетельное’, *genereux* ‘щедрое’, *capiteux* ‘хмельное’, *lourd* ‘тяжёлое’, *chaud* ‘крепкое’. Про вино,

которое уже не способно проявить все свои качества, говорят, что оно *утратило тело 'sans corps'*. Хорошие вина гармонично уравновешены, *'ils sont 'equilibre'*,

В процессе знакомства с вином дегустатор может «пожевать» вино во рту *'macher le vin'*, чтобы лучше почувствовать и оценить его *плоть 'chair'*. Кстати, отметим, что глагол *macher*, в этом контексте можно отнести к глаголам вкусового восприятия. Благодаря «жеванию» вкусовые ощущения от напитка становятся ярче, и вино может быть охарактеризовано как *мясистое 'charnu'*, когда оно дает ощущение полноты и гибкой текстуры. Противоположным плотному вину является *тощее вино 'maigre'*,

При минимальном количестве сложных эфиров и кислот вино считается *нервным 'nerveux'*, т.е. обладающим сильной кислотностью, но приятным; при достаточном количестве – *угловатым 'anguleux'*. т.е. терпким и жестковатым, а при их избытке – *щедрым 'genereux'* или *благородным 'noble'*, а значит, обладающим самыми лучшими качествами. Обратим внимание, что все приведенные характеристики вина, выражены при помощи метафор или метафорических эпитетов.

Платье вина 'robe du vin', пожалуй, одна из самых выразительных метафор в подъязыке вина. *Платьем вина* называют его внешний вид и окраску, поскольку одной из задач дегустатора является также дать ему визуальную оценку, рассматривая его на белом фоне. Это – первый психофизиологический контакт, который предваряет последующие впечатления от вина, приятные или неприятные. В данном случае цвет – это обещание. Платье вина может быть *чистым 'nette'*, *сверкающим 'eclatante'*, *светящимся 'lumineuse'*, *переливчатым 'chatoyante'*, *блестящим 'limpide'*, *'brillante'*, *кристально прозрачным 'cristalline'*, *интенсивным 'intense'*, *строгим 'stricte'*.

При определении его цвета дегустаторы отмечают, что оно *бывает рубиновым 'rubis'*, *соломенным 'jaune paille'*, *канареечно-желтым 'jaune serin'*, *золотистым 'jaune dore'*, *красновато-коричневым с золотистым оттенком 'mordore'*, *янтарным 'ambre'*, *коричневым 'rouge brun'*, *гранатовым 'grenat'*. Бывает, что *платье вина* не обещает ничего хорошего, и тогда про вино говорят, что оно чего-то *не договаривает 'il y a du louche la-dedans'* либо что оно – *мутное 'flou'*, *тусклое 'trouble'*, *пасмурное 'sombre'*, *перегруженное 'charge'* [Saint-Roche 2005] А если цвет у *платья*

голубоватый или коричневый с металлическим оттенком, значит, вино заболело, и оно считается *сломанным* 'casse' [Encyclopedie des vins 2000].

У каждого вина есть свой *темперамент* 'caractere', это – самый важный параметр при дегустации, поскольку это – сугубо индивидуальная характеристика вина; от него зависит его ценность и «личные качества», на основании которых напиток относится к разряду вин *превосходных* 'superbe' или *заурядных* 'passable', 'simple'. Вкус, или "*рот вина*" 'bouche' – это комплекс ощущений, возникающих во рту во время дегустации.

И, наконец, еще один параметр, очень сложный, с множеством симфонических вариаций; параметр, которым открывается список поэтических и психологических характеристик вина, – его *букет* 'bouquet' или совокупность и сочетание ароматических оттенков, развивающихся в напитке с выдержкой. Ярко выраженный гармоничный букет – отличительная черта качественных и выдержанных вин. Сложение ароматов вина – это искусство создания гармонии, и оценить букет означает проанализировать весь комплекс ощущений, вызванных данной совокупностью ароматов.

Характеристики букета вина, используемые во Франции, особенно любопытны. Описывая букет, французские дегустаторы применяют выразительнейший арсенал понятий и сравнений. Так, вино, у которого уже нет букета, считается *больным* 'malade', *изношенным* 'use' или *усталым* 'fatigue' вином, про него скажут, что оно *стареет* 'le vin vieillit'. Если вино, напротив, предлагает дегустатору целый веер гармоничных запахов и ароматов, то оно признается *многообещающим* 'c'est un vin a attendre encore pour le voir a son apogee'. Положительная оценка букета позволяет ожидать пленительного продолжения. И если таковое имеет место, про вино говорят, что оно *держится* 'le vin a une belle tenue' [Encyclopedie des vins 2000].

Букет – это душа вина, и душа эта переживает все, что испытывает тело. Букет можно сравнить с постоянно развивающейся личностью. В вине протекают настоящие жизненные процессы, чудо жизни. В своем развитии букет проходит все этапы – от простого винного запаха в момент рождения вина до *копченого* запаха 'fume', свидетельствующего о том, что букет состарился, и многие из его ароматов уже исчезли. И

тогда у вина появляется странный запах: вместо букета слышен запах земли, сырости и дубильного вещества. Букет – вещь тонкая и хрупкая. Вот почему винодел и энолог прилагают столько усилий и знаний, проявляют столько заботы и любви с одной-единственной целью – чтобы вино сохранило прекрасный букет, а значит – душу.

Язык дегустаторов находится в становлении и пока еще не может передать всех особенностей того или иного вина, и когда речь идет не о самом очевидном, а о тонких нюансах, начинаются споры. И это неудивительно, поскольку тонкий букет старого превосходного коньяка, например, приходится выражать в рамках двух десятков квалификаций, являющихся, по существу, метафорическим расширением обыденного языка.

Как указывает в своей работе И.Т. Касавин, профессии, связанные с постоянной и целенаправленной игрой чувственными качествами, предоставляют нам примеры того, как трудно сделать выразимым в языке структурирование чувственного мира [Касавин, 1990].

Осуществляя **КОГНИТИВНЫЙ** подход к описанию семантической структуры слова, мы выделяем в ней, помимо сигнификата другие компоненты, которые по статусу меньше, чем семы, но семный анализ без их учета был бы неполным. Так, В.Г. Гак, употребляя термин “предполисемия слова”, объясняет, что выделение разных аспектов предмета при его обозначении содержит в зародыше возможность изменения слова” [Гак 1998: 30]. К таким аспектам мы относим экспозицию, препозицию, постпозицию, ассерцию, пресуппозицию, салиентность, контролируемость, инкорпорируемость. Все элементы, кроме инкорпорируемости, входят в понятие имплицитной семантики и связаны с полисемией. Только термин “инкорпорируемость” имеет отношение к эксплицитной семантике, он связан со словообразованием, с внешней деривацией. Под *инкорпорируемостью* в работе понимается включенность этимологической лексемы в актуальное значение глагола. Препозицией мы называем подготовительную фазу, действия, а заключительная фаза, т.е. положение вещей, возникающее в момент завершения действия, - это постпозиция. Пример постпозиции при восприятии объекта проявляется у глагола *rencontrer* ‘встречать’. *Nous avons rencontre beaucoup de touristes orientaux.*

Исследование идиоэтничности глаголов восприятия связано с эпидигматической природой семантического поля глагола восприятия, которая разрушает структурную жесткость его составляющих. Эпидигматическую природу поля ГВ в когнитивно-прототипическом аспекте можно рассматривать как метод исследования, что дает возможность понять более правильно функционирование глаголов восприятие в речи. Так, например, исследование показало, что глагол, fr. *percevoir*, esp. *percibir*, it. *percepire*, восходящий к lat. *percipere*, является идентификатором семантического поля глагола восприятия, поскольку, будучи субститутом “своих” гипонимов благодаря архисеме *воспринимать*, он обладает заместительной функцией. Однако динамика его употребления в современном французском языке отражает семантический сдвиг основного значения данного глагола из перцептивной области в сферу номинации финансовой деятельности, что способствовало понижению его роли в качестве “главы” поля по иерархической структуре. Между двумя современными значениями глагола: *percevoir*: 1) *saisir par les sens* ‘воспринимать органами чувств’ и 2) *recueillir de l’argent, les revenus d’une propriete, un impot*, ‘взимать, собирать налоги, доходы’ (*perceveur* ‘сборщик налогов’) многие современные словари ставят на первое место именно “финансовое” значение [Dictionnaire Hachette illustre 2004; Dictionnaire. Langue. Encyclopedie. Noms propres 1990]. Более того, в словаре “карманного” формата Dictionnaire Poche Francais – Italien, Italien – Francais, выпущенного авторитетным издательством Larousse, предназначенного для широкого пользователя и учитывающего частотность употребления слов и их значений, перцептивное значение исследуемого глагола *percevoir* не отмечено [DPFI-IF 2004].

В испанском и итальянском языках аналоги исследуемого глагола esp. *percibir*, it. *percepire* также имеют “финансовое” значение, оно является вторым после перцептивного, однако, оно отличается от французского аналога семей ‘получать плату за свой труд’ (esp. *cobrar dinero*, it. *percepire la retribuzione*), что эквивалентно во французском языке выражениям *toucher, etre remunere*, таким образом, в исследуемых языках произошло разновекторное развитие данного латинского этимона *percibir*.

Гиперонимами микрополей СПГВ во французском языке, как мы отмечали в 2.4., являются глаголы *voir, entendre, sentir, goûter, toucher* и их итальянские и испанские эквиваленты. Остальные глаголы, входящие в эти микрополя, являются гипонимами, однако существуют отдельные глаголы, которые изменили свой статус. Так, например, французский прототипический глагол ***regarder***, является гиперонимом по отношению к своим синонимам *apercevoir, aviser, discerner, considerer, contempler* и др. Глагол ***ecouter*** состоит в гиперо-гипонимических отношениях с синонимичными ему глаголами и выражениями: *ouir, tendre l'oreille, preter l'oreille*. Итальянский глагол ***guardare*** также является гипероним по отношению к глаголам зрительного восприятия, его синонимам *distingere, discernere, osservare* и др. В испанском языке глагол ***mirar*** является гиперонимом по отношению к глаголам *distinguir, divisar, contemplar, advertir, descubrir* и др. Таким образом, получается как бы трехступенчатая иерархическая организация микрополей глаголов основного вида перцепции: зрительного и слухового восприятия. Доминантой микрополя зрительного восприятия является прототипический глагол fr. *voir*, его синоним, прототипический глагол *regarder* стоящий ступенью ниже, является гиперонимом по отношению к ряду глаголов зрительного восприятия, на третьем, нижнем ярусе находятся все гипонимы микрополя глаголов зрительного восприятия. Глаголы слухового восприятия имеют ту же схему: доминанта микрополя – прототипический глагол *entendre*, на втором ярусе находится гипероним, прототипический глагол *ecouter* и ниже располагаются гипонимы этого микрополя.

Итак, анализ семантики глаголов восприятия с учетом иерархической ядерно-периферийной организации поля показал, что в ядре семантического поля глаголов восприятия находятся прототипические глагольные лексемы, отраженные в табл. 8, эти ЛЕ являются гиперонимами СПГВ в исследуемых языках.

Таблица 8

Прототипические глагольные лексемы ядра СПГВ

Fr.	It.	Esp.
Voir	Vedere	Ver
Regarder	Guardare	Mirar
Entendre	Sentire /udire	Oir

Ecouter	sentire /*ascoltare	Escuchar
Sentir	Odorare	Oler
Gouter	Gustare/assaggiare	Catar / gustar
Toucher	Toccare	Tocar

Один и тот же глагол может сочетать в себе значения разных “первичных” модальностей, например, испанский глагол *tocar* ‘трогать, касаться’ совмещает осязательную модальность и слуховую ‘звенеть, звонить, играть на музыкальном инструменте’: *tocar a llamada*. Во французском и итальянском языках аблюдается та же картина с эквивалентами этого глагола: соответственно fr. *toucher* – ‘*sonner, jouer de la guitare*’, it. *toccare* – *suonare*, например, *suonare l’appello*. Таким образом, названные лексемы, будучи прототипическими, являются гиперонимами по отношению к своим синонимам.

Следует, однако, отметить, что семы одного и того же глагола могут находиться не только в отношениях включения или соположения, но и в отношении противопоставления. Например, esp. *velar* имеет значения fr. *veiller* ‘бодрствовать, следить’ и fr. *voiler* ‘окутывать покрывалом, скрывать, прятать’ [GDEF-FE 1998: 823].

Один и тот же глагол может сочетать в себе значения разных “первичных” модальностей, например, испанский глагол *tocar* ‘трогать, касаться’ совмещает осязательную модальность и слуховую ‘звенеть, звонить, играть на музыкальном инструменте’ (соответственно fr. *toucher, sonner, jouer de la guitare*, it. *toccare, suonare*: esp. *tocar a llamada* – it. *suonare l’appello*). Таким образом, названные выше лексемы, будучи прототипическими, являются гиперонимами по отношению к их синонимам.

Глагольные перифразы с существительными общего значения широко используются для восполнения аспектуально-залоговых значений, выходящих за рамки простых глаголов. Это существительные: fr. *sens*, esp. *sentido*, it. *senso* и их гипонимы fr. esp. it. *la vue, la vista, la vista*; *l’odorat, el olfato, l’odorato*; *l’odorat, el olfato, l’olfatto*; *le gout, el gusto, il gusto*; *le toucher (sens), el tacto, il tatto, le toucher (action), el tocar, il tasto*. Перифразы с этими существительными употребляются при выражении трех фаз действия: начала, состояния, прекращения, как, например, *prendre*

gout a qch, avoir le gout de qch, faire passer le gout de qch. Описание перцептивного акта, рассматриваемого со стороны субъекта или объекта, с учетом их одушевленности и неодушевленности может также осуществляться при помощи фразеологизмов *jeter des regards, attirer les regards, echapper aux regards.*

3.3. Полимодусность глаголов восприятия

Восприятие человека не ограничивается одним типом сенсорики, оно синкретично и совмещает в себе не только межсенсорные процессы (it. *sentire*), но и межмодусные (fr. *entendre* ‘воспринимать на слух’, ‘воспринимать умом’, ‘воспринимать другого’ – этический акт взаимопонимания).

Исследование семантического поля глаголов восприятия показало, что одной из главных черт перцепции является ее полимодальность: «Познавательная деятельность человека не проистекает, опираясь лишь на одну изолированную модальность (зрение, слух, осязание или обоняние), любое предметное восприятие системно, оно является результатом полимодальной деятельности» [Лурия 1978]. Один из перцептивных глаголов - обычно это “глава” перцептивной иерархии - начинает более активно, чем другие глаголы восприятия, развивать когнитивные смыслы. Чаще всего, как мы уже отмечали, это глагол зрительного восприятия, занимающий доминирующее положение в иерархии чувств [Viberg 1983b: 147-149], но возможны и глаголы слуха.

Исследуя ГВ в их неперцептивных функциях, мы обращаемся к семантике модусов. Способность восприятия к анализу, расчленению понятий уже само по себе сближает его с эпистемическим модусом. В основе **полимодусности** ГВ лежат когнитивные механизмы перцептивной деятельности человека. Анализ особенностей проявления одной и той же семантической универсалии в разных языках можно отнести к актуальным проблемам семасиологии. Языковая универсалия определяется как некоторый признак, закон, тенденция, свойственная большинству языков: “это единообразный, изоморфный способ выражения внутрисистемных отношений языковых элементов, или однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые

результаты, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира [Серебренников, 1972: 5]. Метод универсалий позволяет изучать черты, присущие языкам мира или их отдельным группам. Анализируя функционирование в языке лексики, относящейся к сфере восприятия, С. Ульман выделяет три семантических процесса, формирующих языковые универсалии, причисляя их к семантическим законам:

1) синестетические метафоры – ассоциативные переносы признаков из одной сферы восприятия в другую;

2) перенос из сферы физического восприятия в сферу умственную;

3) перенос из сферы восприятия в сферу моральных качеств [Ульман 1970: 279-280].

Перенос из сферы физического восприятия в сферу умственную наблюдаются у ГВ, когда они употребляются **в мыслительном акте**. Когнитивный цикл развивается от восприятия к знанию. Современная когнитивная психология также настаивает на неразрывной связи восприятия с **эпистемическими** процессами. То, какую сторону предмета или явления воспринимает человек, зависит от его установки, предопределяемой интуицией и конвенциональной категорией стимулов [Найссер 1981: 93 и сл.].

Значения модусов могут быть распределены по следующим основным планам: *перцептивному* (сенсорному), *ментальному* (когнитивному, эпистемическому), *эмотивному* и модусу *волеизъявления* (волитивному) и др. [Арутюнова 1998].

К **сенсорному** плану Н.Д. Арутюнова относит модусы чувственного восприятия, это глаголы *видеть, слышать, чувствовать, замечать, ощущать* и др. Восприятие не отделено от ментальных операций, таких как таксономия, отождествление, интерпретация, извлечение импликаций и др. Этапом развития когнитивного цикла является богатый, сложный по своему составу **ментальный** модус. К **ментальному** плану принадлежат модусы, выражающие:

1) полагание (мнение): *думать, считать, полагать, представляться, казаться* и др.;

2) сомнение и допущение: *сомнительно, возможно, может быть* и т.д.;

3) истинностную оценку: *правда, ложь, верно, неверно, невозможно, невероятно, не может быть* и др.;

4) знание: *знать, быть известным*;

5) незнание, сокрытие и безразличие: *не знать, неизвестно, тайна, секрет, все равно, не существенно, трудно сказать* и т.п.

К **эмотивному** плану принадлежат модусы эмоционального состояния и отношения: *грустно, жаль, противно, радостно* и т.п. например: *ne pas se sentir de joie* 'быть вне себя от радости'.

К **волитивному** плану относятся модусы: 1) желания и волеизъявления: *хотеть, требовать, приказано* и др.; 2) необходимости: *необходимо, нужно* [Там же: 411].

Компоненты лексико-семантического поля глаголов восприятия способны к широкому семантическому взаимодействию с **ментальной сферой**, с которой они тесно связаны выражением внутреннего состояния человека, с его способностью воспринимать и отражать окружающий мир. Благодаря перцептам, образовавшимся в мозгу, мы не только воспринимаем объективный мир, мы одновременно осознаем (постигаем его значение), интерпретируем, вкладывая свое личное отношение. Поэтому сознательный образ предмета, кроме двух его образующих (чувственной ткани и значения), имеет третью – личный опыт, выражающий пристрастность человеческого сознания, вследствие чего приоритетной особенностью глаголов восприятия является кумулятивный характер их семантики [Там же: 118]. Так, русский глагол *видеть* актуализирует значение 'представлять' («Я вижу, точно это было вчера»), считать («Не вижу в этом ничего дурного»), 'понимать' («Вы видите свою ошибку»), 'знать' («Не видеть путей выхода из кризиса») [примеры Ю.Д. Апресяна, 1995].

В наивной, как и научной картинах мира, человек через систему восприятия получает всю информацию, которая направляется на обработку в сознание, на основании которого человек осмысливает действительность и получает знания. Было давно замечено, пишет Ю.Д. Апресян, что восприятие и мышление настолько уподобляются друг другу и прорастают друг в друга, что основной глагол восприятия – *видеть* – развивает главные ментальные значения [Там же: 50]. Отметим, что это замечание относится не только к русскому языку, но в полной мере и к аналогичным глаголам в трех исследуемых нами языках.

Способность к приобретению когнитивных значений различна у разных перцептивных глаголов. Она зависит от первичного значения глагола, в частности, его семантического типа, а также от специфики конкретных языков. “Значение пропозициональной установки несовместимо с обозначением”- пишет Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988: 113]. Поэтому оно не развивается у глаголов действия – таких, как *слушать, смотреть, нюхать, ощупывать, пробовать на вкус*. Оно возникает у глаголов результативной, “констатирующей” семантики: *слышать, видеть, пробовать, осязать, ощущать на вкус*.

Вопрос о том, насколько велика дистанция между восприятием и мышлением, обсуждался практически всеми философскими школами и когнитивно ориентированными психологическими направлениями [См. об этом Арутюнова, 1988: 413-420].

Зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, чем слуховые впечатления. Первые больше связаны с чувственной и рациональной природой человека, вторые ассоциируются скорее с его иррациональным началом. Перцептивный модус в западно-романских языках выявляется прежде всего у глагола *видеть*, который способен непосредственно преобразовываться в эпистемический модус, что повышает его уровень в когнитивном цикле. Этот глагол, переключаясь в когнитивный план, колеблется между значениями, характерными для ряда ментальных модусов. Рассмотрим функционирование этого глагола во французском языке.

Словарь Le Petit Robert выделяет у многозначного глагола *voir* значения, относящиеся ко второму семантическому стержню и перемещающие его на пересечение с другими семантическими полями: 1) ‘percevoir, saisir par l’intelligence’ (syn. ‘comprendre, concevoir’).

Comprendre - se faire une idee claire des causes, des motifs de qch [PR, 1972: 1270]. Например: *C’est pour voir si vous m’entendez bien* [Moliere 1972: 32]. ‘*Это, чтобы увидеть, хорошо ли вы меня слышите*’. В данном примере исследуемый глагол актуализирует значение ‘понимать’.

2) *etudier* = ‘se faire une opinion sur qch’ [PR, 1972: 1270].

“*Quand vous la connaîtrez mieux, vous verrez comme elle est fine et gentille*” [Maupassant, 1958: 42]. ‘Когда вы ее узнаете лучше, вы увидите, насколько она тонкий и милый человек’.

3) concevoir, comprendre: *Je ne vois pas de quoi il s’agit* ‘Я не понимаю, о чем идет речь’. *Je ne vois rien à répondre* – ‘Я не нахожу (не знаю), что ответить’.

4) prévoir, discerner: *Bien définir, c’est voir exactement sans confusion*.

5) constater: *Il voyait avec étonnement que pendant des heures entières, l’abbé Chasle lui parlait des ornements possédés par la cathédrale* [Stendhal, 1958: 139].

6) savoir – en incise, pour appuyer une opinion en invitant à la réflexion. – *Vois-tu, mon petit, tout dépend de l’aplomb, ici* [Maupassant, 1958: 16].

В зависимости от характера валентности и семантики актантов, их свойств, глагол претерпевает определенные сдвиги в значении. Объективно, набор валентностей глагола может служить **средством разграничения** ЛСВ одной и той же семемы, определяя значение глагола. В зависимости от характера валентности и семантики актантов, их свойств глагол претерпевает определенные сдвиги в значении.

При валентности глагола *voir* + N, где N – абстрактное существительное, его синонимами являются следующие глаголы с ментальными значениями: 1) *apercevoir, se représenter par la pensée, comprendre, concevoir, connaître, considérer, constater, découvrir, discerner, distinguer, envisager, figurer (se), imaginer, juger, observer, prévoir, regarder, représenter (se), trouver, représenter (se), revoir* [DS-1967; 1984]. Например в предложении *Il vit tout de suite un lien entre les deux nouvelles*. ‘Он сразу же увидел связь между этими двумя новостями’ [Maupassant 1958: 89]. В этом примере глагол *voir* в качестве объектного окружения сочетается с абстрактными существительными, и по закону семантического согласования актуализируется сема “абстрактность”, у исследуемого глагола нарушается исходная валентность, исчезает сема “конкретность”. Сема “способность зрительного восприятия” угасает, уходит в потенцию, на первый план выступает сема “умственное восприятие”, выявляя такие значения, как ‘понимать’, ‘знать’, ‘умозаключать’.

В примере *Certes, il a vu la mort a ce moment-la. Il l'a vue.* 'Конечно, он увидел смерть в этот момент. Он ее увидел' [Maupassant 1976: 126] обратим внимание на повтор глагола *voir*, употребленный автором для утверждения истинного положения дел. Такой прием называется **ассерция** - обычный случай манифестации присутствия говорящего в высказывании [Бенвенист 1974]. Ассерция - противоположность пресуппозиции. Если функцией пресуппозиции является предположение, то утверждение и подтверждение сказанного есть функция ассерции.

При валентности глагола *voir qch a, d'apres, en, avec* сопровождающегося дополнением или обстоятельством образа действия, выраженного наречием, выявляется значение 'constater', 'faire la preuve de'. Например: *Voir les choses avec insouciance.*

При непереходной конструкции (S+V+Oi) косвенное дополнение присоединяется к исследуемому глаголу при помощи предлога *a, dans* например: *voir a qch, a qn*, выявляя у глагола значения, синонимичные таким глаголам СП умственной деятельности, как *decouvrir, remarquer, trouver (telle ou telle chose) en quelqu'un*, находящимся на периферии СП зрительного восприятия *Cette folle audace qu'on lui voit dans la pensee.*

В инфинитивных конструкциях при сочетании с абстрактным существительным глагол *voir* указывает на то, что субъект воспринимает факт действительности не органами чувств, а умозрительно, т.е. глагол *voir* приобретает когнитивные смыслы, когда значение исследуемого глагола выходит за пределы собственно визуального восприятия, обозначая восприятие умозрительное. В контексте *Nous voyions venir la guerre.* 'Мы видели, что война приближалась' (видели=понимали) у глагола *voir* наблюдается семантический сдвиг, объясняющийся как характером присоединенного именного дополнения, так и характером самого инфинитива. В этом предложении ни сам процесс, выражаемый инфинитивом *venir*, ни именное дополнение *la guerre* не являются непосредственно наблюдаемыми, что означает восприятие более общее, связанное с умозаключением или суммарным наблюдением, когда у глагола *voir* актуализируется значение 'приходить к мысли', 'осознавать', 'понимать', 'делать заключение'.

Потеря глаголом *voir* его основного значения 'видеть' дает возможность выполнять разные синтаксические задачи, в частности

вводит дополнительные придаточные предложения с помощью союзов *que, combien, comment, quel, ou*. В этих случаях анализируемый глагол актуализирует значение, синонимичное глаголам умственной деятельности: *comprendre, apercevoir, remarquer*. *Je vois, Mademoiselle, que vous etes toute devouee a M. de Foehn* [Cocteau 1968: 101].

При валентности глагола *voir qch a, d'apres, en* + глагол выявляется значение – ‘constater’, ‘faire la preuve de’. Например: *Je ne vois rien a redire a sa conduite*. В итальянском языке глагольное управление у глагола *vedere* в аналогичной ситуации иное: *vedere qc di* + глагол. Например: *Non vedo nulla di riprovevole nel suo comportamento*.

Глагол *se voir* может актуализировать значение, относящееся к полю умственной деятельности. Например: *C'etait une putain, Emma, mais c'etait au fond une bonne fille. Ca se voit bien a son testament* [Bazin 1973]. В данном примере левое субъектное окружение выражено местоимением *ca* с семой “неодушевленность”, следовательно, в этом случае глагол не может выражать свое первичное значение “воспринимать что-то зрительно”. В предложении актуализируется значение, относящееся к полю умственной деятельности. *Ca se voit bien a son testament* мы переводим как ‘Это хорошо видно из ее завещания’.

Исследуемый глагол употребляется в директивном акте, когда он стоит в повелительном наклонении и сопровождается наречиями *comme (Voyez comme...)* или *combien (Voyez combien...)*. В этом значении глагол *voir* синонимичен глаголам *considerer, juger, observer, regarder*.

Voyez comme tout est calcule au Parthenon.

Voyez comme tous les prix s'avalissent.

Глагол *voir* в прототипическом значении, как мы отмечали, относится к статическим предикатам, но в приведенных выше примерах он развивает сему “действие”, выявляя директивное значение и актуализируя значение *regarder* ‘смотреть’. Например: *Voyez donc cet enfant, comme il est beau!* – ‘Посмотрите-ка на этого ребенка, как он хорош!’

У глагола *considerer* выявлены значения, относящиеся ко второму семантическому стержню. Например, *Nous verrons qu'elle put considerer un peu plus tard que l'amour sensuel etait moins*

encore... [Proust 1988: 55]. В этом предложении глагол *considerer* синонимичен глаголам *concevoir*, *se rendre compte de qch*.

У глагола *remarquer* актуализируется значение ‘constater’, относящееся ко второму семантическому стержню. *Julien remarqua que dans ces conversations, qui cessaient brusquement a son approche, il etait souvent question d’une grande maison appartenant a la commune de Verrieres* [Stendhal 1958: 112].

У глагола *s’apercevoir* словарь Le Petit Robert отмечает значение ‘prendre conscience, se rendre compte (d’un etat, ou d’un processus complexe)’ [PR 1992: 80], , относящееся к полю “мыслительная деятельность”. В примере “*Il s’apercut bien vite que, pour ne pas paraitre vulgaire aux yeux de la marechale, il fallait surtout se bien garder des idees simples et raisonnables*” [Stendhal *ibid.*]. значение исследуемого глагола синонимично глаголам ‘concevoir’, ‘comprendre’. Например: “*A son grand etonnement, Julien s’apercut qu’on le haissait moins; il s’attendait au contraire, a un redoublement de haine*” [Stendhal *ibid.*]. В этом значении глагол позиционно отходит от центра поля, смещаясь на периферию в зону пересечения с полем умственной деятельности.

Глагол *entendre* также актуализирует ментальное значение ‘понимать кого-л., что-л.’ *Entendre un mot, une expression* ‘понять слово, выражение’. В синтаксической конструкции ‘*qn entend qch a qch*’ глагол приобретает значение ‘понимать что-л. в чем-л.’ *Je n’entends rien a...* ‘Я ничего не смыслю в...’.

У глагола *sentir*, как было отмечено в первой главе, также могут проявляться ментальные значения, как, например, в словосочетании *sentir de loin* ‘предвидеть заранее’.

Глагол *saisir* (qch) - многозначный, он актуализирует сему ‘percevoir par les sens’ (СП восприятия) и сему ‘saisir par l’esprit, par l’intuition ou par le raisonnement’ (СП умственной деятельности).

Глагол *it. guardare* относится к глаголам **активного** восприятия и имеет следующие значения

1. *custodire, sorvegliare: i soldati guardavano il ponte* ‘солдаты охраняли мост’;

2. *mostrare interessamente per qlcu: i compagni non guardavano per lui* [DGLI 1965: 789]. В этом значении глагол относится к семантическому полю умственной деятельности (syn. *pensare, rivolgersi*).;

3. *prestare attenzione: guardiamo a lui come a un amico* [DGLI: 1965: 789];

4. (ant) conservare, custodire, riservare: *Dolce mio caro e prezioso pegno / che natura mi tolse e il ciel mi guarda* [Petrarca – цит. по DGLI, 1965: 789].

Восприятие также тесно связано с аффективной (эмоционально-оценочной) сферой психики человека, так как “человек воспринимает и перерабатывает опыт при наличии определенного эмоционально-оценочного отношения к этому опыту” [Залевская, 2002: 69]. Эмоция и оценка в составе коннотативного макрокомпонента ЛЕ взаимосвязаны, в большинстве случаев оценка функционирует в составе коннотации совместно с эмоцией, но все же они являются различными семантическими компонентами.

Основным функциям ощущений как элементов познания нередко сопутствуют признаки **эмоциональности**, восприятие таким образом способно вступать во взаимодействие с явлениями эмоционального порядка. Эмоциональная система – одна из наиболее сложных систем человека. В возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы: восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы, в частности, разнообразная моторика, включая мимику, и даже речь. Признаки эмоциональности нередко сопутствуют основным функциям ощущений как элементов познания. Достаточно привести в качестве примера французский глагол *admirer*, esp. *admirar*, it *ammirare* ‘восхищаться’, которые скрывают в себе внутреннюю форму (уже стершуюся) латинского глагола восприятия *mirare*. Глагол *admirer* означает *considerer avec plaisir ce qu'on juge superieur, contempler avec admiration, avoir de l'admiration pour (ce qui est beau, grand)* [Robert 1993: 15]. Семантический компонент, входящий в значение этого глагола ‘восхищаться чем-л.’ имеет прямое отношение к полю эмоций. Исследуемый глагол является по отношению к идентификатору микрополя, глаголу *voir* гипонимом, занимая более низкий уровень в его иерархической организации. Согласно позиционному принципу, исследуемый глагол смещен от центра поля зрительного восприятия к периферии и находится на пересечении с семантическим полем эмоционального переживания.

Понятийное значение и эмоциональное значение лексических единиц связаны с двумя или более разными психическими «способностями»: во-первых с интеллектом, во-вторых, с

воображением и эмоциями [Лайонз, 1978: 473]. Таким образом, при актуализации ГВ в **эмоциональном акте** проявляется синкретизм глаголов восприятия: сочетание понятийного и эмоционального значений. Например: fr. *Tiens! qui vois-je!* it. *Guarda chi ti trovo!*

fr. *Voyons un peu!* esp. *Veremos!* it. *Vediamo un po'.*

fr. *Voyez-vous, je voudrais le faire mais je ne peux pas.* esp. *Vera Ud, qui siera hacerlo, pero no puedo.* it. *Veda, vorrei farlo, ma non posso.*

fr. *Voyons!* esp. *Anda! A ver!* it. *Como es eso! Vaya! Ma via!*

Insomma!

Синкретизм глаголов, входящих в словосочетания, можно проследить на следующих примерах: fr. *avoir une bonne vue, avoir une mauvaise vue, avoir une vue percante*, эти глагольные словосочетания, относясь к ноземе “наличие ЧС”, актуализируют также сему “оценочная деятельность”. В примерах, приведенных ниже следует отметить кумулятивный характер ГВ с проявлением **оценочного** компонента:

fr. *voir qn d'un bon oeil / d'un mauvais oeil*, = it. *vedere di buon occhio / di cattivo occhio* или

fr. *voir juste, claire*, it. *vedere bene, chiaro*

fr. *etre bien vu / mal vu par qn* = it. *essere ben visto / mal visto da qisci.*

Следует, однако, отметить, что если в системе языка эквивалентность существует между лексемами в их основном значении, как это было продемонстрировано выше, то в функциональном плане стоит только поместить ГВ в минимальный контекст, как эквивалентность нарушается, и их отношения становятся либо вариантными, либо синонимичными. Например, эквивалентные в системе языков гипонимические лексемы «плохо пахнуть» fr. *puer* (lat. *putere*), it. *puzzare* (lat. *putere'*), esp. *heder* (lat. *foetere* ‘*puer*’) в речи частично заменяются гиперонимами, как это происходит, например, во французском языке, в котором действует синтагматический закон несогласования [Гак 1977: 26]. Этот закон заключается в устранении общей семы в двух членах синтагмы, у одного члена синтагмы эта сема остается, у второго отсутствует. Так, французы говорят *il sentait la sueur* ‘от его пахло потом’, *la piece sent le renferme* ‘в комнате пахло спертым воздухом’, игнорируя глагол *puer* ‘плохо пахнуть’. Исходя из закона несогласования, оценочная сема «плохой» заключена в лексемах

sueur, (le) renferme, являющаяся в них салиентной (от французского *saillant* ‘выступающий, выдающийся’), следовательно, второй член синтагмы – глагол, употребленный в этих словосочетаниях должен быть нейтральным. Тот же закон продолжает действовать и в синтагмах противоположного типа. Если сема «плохой запах» не является включенной в семему субстантивной лексемы, то избирается глагол *puer*: fr.- *puer l’ail, puer au nez, puer le vin, puer comme un bouc*.

В отличие от французов, итальянцы склонны распределять отрицательную сему между глаголом и существительным: it. *puzzava di sudore, la stanza puzza di chiuso* fr. ‘*la piece sent le renferme*’; it. *puzzare di bruciato* fr. ‘*sentir le brule*’; it. *la faccenda comincia a puzzare* fr. ‘*l’affaire commence a sentir mauvais*’.

В испанском СПГВ в одних синтагмах употребляются глаголы с инкорпорированной семой «плохой запах» esp. *apestar a ajo*, (с корнем *peste* «чума» – аллюзия на больных чумой, ср. fr. *empester*, (it. *apestare*) и *estomagar* от *estomago* «желудок». В испанском языке прототипический глагол *oler* не чуждается сочетаний со словами, имеющими сему «плохой запах»: *oler a vino; oler a chotuno, oler a defunto* и т.д.

В приведенных французских и итальянских примерах при полной их лексической и синтаксической эквивалентности также наблюдается явление синкретизма: актуализируются семы ‘восприятие’ + ‘оценочная деятельность’, как и в следующем примере: “*On se voit d’un autre oeil qu’on ne voit son prochain*” [La Fontaine, 1978].

Мотивационные детерминанты и мотивационная установка в совокупности с семой *воля* составляют важную пресуппозиционную составляющую в семантической структуре перцептивных глаголов. Глаголы восприятия проявляются и в **волевом акте**, например: fr. *Voyez qu’il ne lui manque rien*. – ‘*Проследите, чтобы у него все было*’. *Voyez a nous faire souper, a nous loger*. ‘*Проследите, чтобы нас накормили и разместили*’. У глагола *voir* в повелительном наклонении в конструкции *voir + a + глагол* происходит ослабление прямых связей, и его компонентный состав изменяется настолько, что уже не обозначает действие, а может актуализировать значение, относящееся к СП волеизъявления.

Глагол слухового восприятия *entendre* также выявляет значение, относящееся к полю волеизъявления с семой 'иметь намерение, намереваться', синонимичное глаголам:

1) *vouloir* 'хотеть', 'желать', 'иметь намерение': *j'entends qu'on m'obeisse!*; *j'entends etre obei* 'я хотел бы, чтобы меня слушались'. *Chacun fait, chacun agit comme il l'entend (a sa guise)*.

2) *exiger, pretendre* 'требовать', например: *Faites comme vous l'entendez* (syn. *desirer*).

Переносное значение расширяет объем экспозиции, например, глагол *toucher* способен включать в себя бисенсорную экспозицию и передавать либо альтернативно, либо синкретично как зрительную, так и слуховую информацию: *я этим тронут j'en suis touche*, глагол *toucher* в данном примере актуализирован в эмоциональном речевом акте.

Глаголы восприятия могут выражать **пространственные отношения и движение**. В обозначении и того, и другого более всего участвует прототипический глагол *видеть*. Важно отметить, что он лежит в основе семантики многих других глаголов. В одних он присутствует эксплицитно, например, *voir* в глаголах пространственного перемещения, таких как fr. *visiter*, esp. *visitar*, it. *visitare* (с учетом этимологии глагола зрительного восприятия), сравним. it. *vedere un museo* fr. '*visiter un musee*' 'посетить музей', но чаще всего этот глагол представлен имплицитно: действия глаголов неперцептивных семантических групп в качестве подготовительной фазы (препозиции) имеют зрительное восприятие, что мы отмечали у глаголов *брать, находить, встречать* и др.,

Синкретизм глаголов, обозначающих "восприятие" + "движение", отражен в примере: fr. *On ne le voit plus* (букв. 'Его больше не видят'), что означает *Il vient rarement* 'Он редко приходит'.

Можно выделить несколько значений глагола *voir*, выражающих движение:

1) *rencontrer*:

Mais il n'etait pas console puisqu'il fallait aller voir son oncle Baldassare Silvande, vicomte de Sylvanie. Certes, depuis le jour ou il avait entendu dire que la maladie de son oncle etait inguerissable, Alexis l'avait vu plusieurs fois [Proust 1987].

2) *visiter - aller voir qn, frequenter*:

3) *venir*:

Je ne peux pas vous le promettre, je ne l'ai pas vu depuis deux mois et ne le reverrai peut-être jamais [Duhamel 1937]. В этой примере глагол в отрицательной форме “*je ne le reverrai jamais*” означает (букв. ‘он никогда не придет’).

Синкретизм глаголов, выражающих восприятие + движение виден также в следующем примере из “Кола Брюньона” Р. Роллана “*C'est la faute a Martin, dis-je, on ne le voit plus*”. В переводе М.Лозинского ‘*Это Мартын сам виноват, он что-то не показывается*’ глагол *voir* в этом контексте означает ‘он больше не появляется (не приходит)’.

Глаголы восприятия участвуют и в номинации **этического акта**. Примером подобного употребления ГВ может послужить сложный предикат fr. *faire la sourde oreille* ‘*притвориться глухим*’, актуализирующийся в нозме ‘неприменение чувствительной способности’. Например: *J'ai dit a l'abbe que j'avais frappe a sa porte et que dans mon emotion j'avais cru voir remuer le rideau. L'abbe fit la sourde oreille, et Martine disparut dans la cuisine. Ils etaient surement la, pourquoi ne m'ont-ils pas ouvert ?* [Triolet, 1952]. В приведенном примере значение фразеосочетания *faire la sourde oreille* не относится к числу онтологических способностей живого существа и входит в поле этических актов человека, по этой причине данное словосочетание независимо от типа дейксиса относится к символическому полю.

Примером этической оценки служит выражение: *se sentir gene* ‘*чувствовать себя неловко*’.

Глаголы восприятия могут обозначать **органические ощущения**. Например: fr. *je ne puis le souffrir* esp. *No lo puedo ver*. ‘*Я его не выношу*’.

Итак, отметим, что глаголы восприятия не являются обособленным классом в языковой системе. Лексико-семантическое поле глаголов чувственного восприятия связано с семантическими полями, обслуживающими системы интеллектуальной, оценочной деятельности, эмоциональной системы, системы различных действий (движения). В наибольшей степени эта связь проявляется в отношении к СП интеллектуальной деятельности и в наименьшей – в отношении семантического поля глаголов движения.

3.4. Общее и идиоэтническое в семантике исследуемых глаголов в трех языках

До проведения психолингвистических исследований, как отмечает Ю.С. Степанов, можно было думать, что общность человеческих оценок основана на едином для всех людей устройстве органов восприятия, и что воспринимаемый мир членится и оценивается соответственно способу восприятия – с точки зрения зрительной, слуховой, осязательной, вкусовой, обонятельной. Исследования показали, что в основе человеческих оценок лежит не способ восприятия, а реакция, ответ на восприятие [Степанов 1966: 223].

Сравнительное изучение языкового отражения референциального мира в романских языках посредством изучения семантического поля глаголов восприятия может быть плодотворным для решения проблемы типологических сходств и различий родственных языков. Это направление представляется весьма перспективным, так как при наличии значительных совпадений легче проследить степень своеобразия каждого отдельного языка, различия в функции генетически тождественных элементов и т.д.

Был период, когда типологию упрекали в том, что она “очень мало говорит о самом языке” [Скаличка 1963: 20], и что “изоморфные качества сами по себе мало что говорят об их роли в общей системе” (Макаров 1972: 12). В настоящее время характерологический метод, при помощи которого исследуется внутренняя типологическая специфика конкретного языка, а также группы языков, объединяемых чаще всего по признакам генетического родства, дает хорошие результаты. Лингвисты по достоинству оценили этот подход к сопоставительному изучению языков и к поискам в них идиоэтничности.

По структурным элементам лексико-семантических полей, по интенсивности заполнения отдельных их участков можно судить о процессах, происходящих в сознании народа, о роли, которую играет та или иная сфера лексикона в жизни и в деятельности национальных коллективов. Анализ одноименных лексико-семантических полей в исследуемых языках вскрывает когнитосферу народов говорящих на этих языках, таким образом,

сравнительные исследования языков выходят сейчас на новый виток: после периода их изучения структурными методами наступил период когнитивного подхода (Slodzuan 1997: 14).

Выявление межъязыковых соответствий между значениями слов на материале разных языков было предметом исследований многих лингвистов [см. Супрун 1975; Силин 1974; Барнет 1983, Конецкая 1993], Эта проблема интересует лингвистов вследствие объективных трудностей, связанных с изучением различий в семантике лексических единиц, относящихся даже к родственным (близкородственным языкам).

Рассматривая типы соответствий между значениями слов в родственных языках, Р.А. Будагов отмечает, что в различных монографиях и статьях по семиологии существуют различные классификации типов значений по отношению к языку вообще или применительно к одному из языков, в частности, однако в них не ставится вопрос о типах соответствий значений слов между родственными языками. “Лексические соответствия так же, как и лексические несоответствия между родственными языками выступают как проблема исторически и лингвистически гораздо более конкретная, более очевидная. Вместе с тем проблема эта сложна ввиду ее недостаточной разработанности” (Будагов 2000: 230).

Если типы соответствий в фонетике и грамматике хорошо изучены, то типы соответствий в семасиологии недостаточно исследованы. Исконный словарный фонд, общий для всех родственных языков, является сходным. Между тем, сформировавшись из единого источника, слова родственных языков впоследствии начинают функционировать в каждом из них настолько своеобразно, что не позволяют говорить о семантическом и стилистическом единстве лексем, с генетической точки зрения, казалось бы, однородных. Классификация, предложенная Будаговым, строится на функциональном и понятийном основании. Вначале дается сравнительная функциональная характеристика типов значений слов в родственных языках, затем прослеживается, как выражены понятия в лексике одного языка соотносительно с выражением тех же понятий в лексике других родственных языков. Предлагаемая классификация становится, таким образом, перекрестной. Она опирается на системные отношения, пронизывающие лексику

любого языка. Отсюда и возникают оппозиционные противопоставления внутри каждой пары межъязыковых значений.

Первый тип соотношений между значениями слов в родственных языках, когда определенное значение выступает как основное, в другом или других как – неосновное, как более или менее периферийное, когда в силу тех или иных обстоятельств позиция той или иной лексической единицы смещается в одном из родственных языков от центра поля к периферии или наоборот, а в другом она остается на своем месте, в результате чего в родственных языках происходит расхождение значений этой единицы.

По сути, каждый пример сопоставления лексических соответствий имеет свои индивидуальные особенности, которые порой весьма сложно подогнать под какую-либо обобщенную модель. Главное для нас сейчас – это установление типологии лексических отношений.

Идиоэтнические черты в семантике глаголов восприятия проявляются по следующим параметрам:

а) на лексическом уровне: выявление специфических лексем методом взаимной импликации словарных лексем;

б) на семантическом уровне: сравнение полисемичных парадигм прототипических лексем с целью выявления специфических сем;

в) выявление функциональных особенностей в речи на материале художественной литературы и словарных иллюстраций.

В парадигматике проявления идиоэтничности мы видим в том, например, что СПГВ одного языка обогащается новыми лексемами или содержит лексемы, не имеющие переводных эквивалентов в других языках. Так, при сопоставлении глаголов зрения в трех рассматриваемых языках обнаруживается идиоэтничность французской лексемы *toiser qqn* – ‘*regarder de haut en bas, avec un mépris ou avec un défi*’ [Robert 1993: 1016] ‘*смотреть презрительно*’. Она не имеет эквивалентов в испанском и итальянском языках. В двуязычных французско–испанских и французско-итальянских словарях эта лексема передается описательно: esp. *mirar de arriba abajo hombro*’ [GDEF-FE 1998: 667], it ‘*sguardare, guardare dalla testa ai piedi*’ [DFI-IF 1988: 986]. Заметим, что дефиниции в исследуемых языках передают лишь сигнификативное значение, не указывая на ярко выраженные

эмоционально-оценочные коннотации. Объяснение идиоэтничности этой ЛЕ лежит в сфере лингвокультурологии. Именная лексема *toise* «мера длины» восходит к народной латыни, к причастию *tensa* от глагола *tendere* 'тянуть' (этимология общая с глаголом fr. *entendre*), означала протяженность дороги [Dauzat 1948]. Во французском языке эта лексема расширила свое значение, войдя в старую систему мер, обозначая 1 949 м. Данная единица была в ходу лишь в Париже и его окрестностях, чем и объясняется ее нераспространенность за пределами Франции и, как следствие, отсутствие эквивалентов в испанском и итальянском языках, для которых соответствующее понятие является лакуной.

Французский глагол *lorgner* также не имеет лексического эквивалента в испанском языке. Этимологически эта ЛЕ восходит к лексеме франсийского диалекта *lurni*, что означало 'guetter'. В современном французском языке глагол *lorgner* имеет два значения: первое относит данную лексему к микрополю зрительного восприятия: '*regarder avec insistance*', а второе значение '*convoiter secretement qn*' (syn. *reluquer*) – к семантическому полю эмоций. В итальянском языке эквивалентом первому ЛСВ является глагол '*sbirscare*' [DFI-IF 1988: 595]. В испанском языке аналогичное значение передается описательно: '*mirar de reajo*', '*mirar con gemelos o con el rabillo*' [GDEF-FE 1998: 401]. Следовательно, французскому глаголу *lorgner* в испанском языке также соответствует лакуна.

В ходе исследования была выявлена семантическая эволюция отдельных лексем слухового восприятия с целью выделения в их семантике культурно-исторического компонента, а в нем – круга неологических значений, связанных по преимуществу с нашим технократическим временем. Так, французский неологизм *bruiter* означает 'создавать искусственную имитацию естественных звуков' (употребляется на радио и телевидении). В испанско-французском словаре французскому глаголу соответствует перифраза '*producir effectos sonores*' [GDEF-FE 1996: 96], в итальянском языке ему соответствует - *produrre rumori, effetti sonori* [DFI-IF, 2004: 144]. От рассматриваемого французского глагола позже произошли следующие ЛЕ: *bruitage* – 'искусственное воспроизведение звуков природы'; *bruiteur*, тот, кто создает искусственную имитацию звуков. От глагола *ecouter*, например, произошло выражение, относящееся к этой же сфере: *heure de*

grande écoute – время наиболее активного прослушивания (просмотра) радио / телепередач.

Приведенные выше лексемы *toiser*, *lorgner* и *bruiter* могут быть названы идиолексемами (термин Н.Н. Кирилловой), лексемами, не имеющими лексических эквивалентов в других языках. Их межъязыковая эквивалентность находит выражение в компенсационных языковых формах.

Романские языки во многом унаследовали латинскую систему словообразования: аффиксацию и словосложение [Будагов 1985: 104-119]. Поэтому инкорпорируемость является органическим свойством процесса обогащения лексической системы. Так, испанский глагол **asomar** включает lat. *sumus* ‘le plus haut’ [Benaben 2000: 32]. Перцептивная сема у исследуемого глагола ощущается лишь в экспозиции: обозначение пространственных координат возможно только при условии зрительного восприятия. Однако именно эта сема определяет дальнейшее семантическое развитие глагола **asomar**. С граммемой *непереходность* этот глагол имеет значение ‘показаться, появиться, например, *’hoу el sol no asoma*, fr. ‘*aujourd’hui le soleil ne se montre pas*’; с граммемой *переходность* означает ‘высовывать, выставлять наружу’: *asomar la cabeza por la ventana* ‘высунуть голову в окно’; с граммемой *рефлексив* *asomarse* - ‘показаться (наверху, сверху)’. Производные существительные **asomada** ‘*acción de dejarse ver por raso tiempo*’, и **asoma** «знак, метка» подтверждают, что доминирующей семой является сема “сделаться видимым”. Так, исходная сема “наверху” проявляет себя в актуальных значениях современного испанского глагола. Это один из многочисленных примеров, когда неперцептивная лексема становится корнем перцептивного слова.

Итальянский глагол *affacciarsi* (rfl) ‘показаться (на балконе, в окне’ синонимичен испанскому *asomar(se)*. Этот глагол также является инкорпорированным, но у него иная производная основа (итальянское существительное *faccia* ‘лицо’), и следовательно, другая когнитивная структура, что делает его мотивированным в отличие от испанского аналога. Ответ на вопрос, почему когнитивная структура ‘показаться на балконе или в окне’ существует в испанском и итальянском, но не существует во французском, лежит в области культурологии. Когда, кем и кому исполнялась вечерняя песня, известно нам по итальянской и

испанской литературе, но не по французской. И в этой ситуации неизменно присутствовал балкон. Например, *Parecio dormirse, y la mejor manera para mantenerme en silencio fue **asomarme** al balcon y mirar hacia el exterior, mirar pasar a la gente habanera, observar sus andares y sus vestidos y escuchar sus voces a distancia. 'Казалось она заснула и лучшим способом не мешать ей было уйти на балкон и наблюдать за проходящими людьми, их походками, одеждой, слушать их отдаленные разговоры'* [Corazon, 22].

Инкорпорированную перцептивную сему также имеют французские дейктики *voici, voila* в отличие от испанских и итальянских (*me voila – ?heme aqui !– eccomi; le voila – ?ahi esta !– eccolo*).

Данное языковое явление свидетельствует об определенной, стершейся в процессе семантической эволюции слов дейктичности глаголов восприятия.

Исследуя, например, глаголы движения в испанском языке, Р.Д. Кирпичников анализирует и глаголы других семантических полей, синонимичных глаголам движения. Среди них значительное место занимают испанские глаголы восприятия: *llegar(le)* в значении fr. '*arriver*' может актуализировать значение *sentir (algo)* во фразе *De dia lo que hace es tomar y con el frio no le llega*, "Днем он лишь пьет, но от холода он не чувствует этого". Этот глагол синонимичен также глаголам *tocar, irritar (a uno)*, например, *Este libro no me llega = ... no me toca* 'Эта книга оставляет меня равнодушным'. В предложении *El tio me llego bastante = me irrito mucho* 'Как он меня достал' [Кирпичников 1993: 29]. Испанский глагол *llegar* относятся к ЛЕ, вошедшим в перцептивное поле из других полей.

Национальный компонент в микрополе зрительного восприятия проявляется, например, у таких итальянских глаголов, как *intravedere*, актуализирующего следующие значения: 'видеть неясно', 'видеть мельком, 'смутно предвидеть' [НИРС 1995: 477]. Глагол *stravedere* имеет значения 'отлично видеть', 'видеть то, чего нет' [Там же: 884]. Глагол *occhiare (adocchiare)* переводится как 'рассматривать внимательно', 'разглядывать'; *ravvisare* - 'узнавать, распознавать, замечать, усматривать'; *riesaminare* 'перезкзаменовывать, переоценивать'. Возвратный глагол *specchiarsi* актуализируется как 'смотреться в зеркало', *sbirciare* 'разглядывать исподтишка', *raffigurare* 'узнавать, изображать, представлять'. Во французском языке мы не всегда находим

соответствующие этим итальянским глаголам цельнооформленные лексические единицы, переводными эквивалентами в этом случае становятся свободные словосочетания, перифразы или фразеологизмы.

Национальная специфика значения лексической единицы любого языка выявляется только при сопоставлении с каким-либо другим языком и является таковой по отношению к языку сравнения. Рассмотрим, например, итальянский глагол, относящийся к микрополю вкусового восприятия *spilluzzicare* 'есть маленькими кусочками, поклевывать (разг)' [НИРС 1995: 864] и его синоним *sbosconcellare*, 'есть неохотно, маленькими кусочками' [Там же: 786]. Второй глагол имеет явную отрицательную коннотацию. Французских и испанских эквивалентных соответствий этим двум итальянским глаголам не существует, следовательно, в итальянском языке эти ЛЕ являются безэквивалентными, а во французском и испанском они лакуны.

Национально-специфичным характером в испанском языке характеризуется цельнооформленный испанский глагол *encarar*, во французском языке ему эквивалентно словосочетание 'regarder en face' [GDEF-FE 1998: 327].

В микрополе слухового восприятия национальная специфика ЛЕ выявляется у итальянских глаголов *origliare*, этому глаголу во французском языке соответствует словосочетание *fr. écouter (aux portes)* [DFI-IF 2004: 1756], в русском языке 'подслушивать'.

Эквивалентность определяет степень сохранения информации единиц исходного языка на переводной язык, необходимую и достаточную для положительной оценки воспринимаемого текста перевода иноязычным реципиентом. Явление дивергентности у глаголов восприятия выражается в появлении новых значений у отдельных глаголов в одних языках и их отсутствия в других. Так, глагол *accrocher* (производное от *croc* 'крюк'), согласно нормативным словарям, относится к переходным (*accrocher qch a un clou*) и имеет значения: 1) вешать, 2) достать, получить, 3) зацепить. Однако в связи с характерным для него современным употреблением сформировались новые значения, в частности сенсорное значение: *accrocher l'attention de qn* 'привлекать внимание к-л. (публики, слушателей)'. *Le disque accroche ou n'accroche pas. Le succes est immediat ou c'est le fiasco* [Улановский 1998]. Этого значения нет ни у испанского эквивалента *enganchar*,

ни у итальянского *appendere*. У анализируемого французского глагола перцептивная сема оказалась весьма устойчивой, она появилась во многих его производных, например, *'un accrochage' dans un programme de radio* означает *'phrase de transition entre le programme et le message publicitaire qui lui fait suite'*, *'accrocheur'* se dit de qch qui cherche a attirer l'attention: например, *un titre accrocheur, un sourire accrocheur'*.

Если рассматривать глаголы с точки зрения их эпидигматических свойств, то фокус внутри этой структуры может перемещаться, образуя историческую траекторию ее семантической эволюции, что и произошло вследствие преобразования латинской лексики в лексику романских языков. Так, испанский глагол **catar** демонстрирует следующую траекторию: от *lat. captare 'chercher a saisir'* (*пытаться воспринимать смысл*), к *'chercher a percevoir par les sens'* (*пытаться воспринимать чувствами*), от него к старопанскому слову имеющему значение *'regarder'* (*смотреть*), и к современному, основным значением которого является *'gouter (пробовать)*. Таким образом, произошло перемещение фокуса от одной перцепции к другой: от мыслительного акта – к акту широкой перцепции, затем к зрительной перцепции и, наконец, к вкусовой, с возвращением к зрительно-мыслительному акту в производном глаголе *esp. percatarse fr. 's'apercevoir, se rendre compte'* (*заметить, отдавать себе отчет*) [Benaben, 2000: 69]. Этот пример является примером межмодусной внутриязыковой полисемии: мысль-восприятие-зрение-вкус-мысль.

Эпидигматический рисунок перемещения фокализации в семантической структуре каждого прототипического ГВ и сопоставительное его рассмотрение по трем языкам может составить теоретическую и практическую базу при рассмотрении языковой картины мира исследуемых национальных языков.

Рассмотрим фокализацию семантической структуры прототипического испанского ГВ *mirar*, она также индивидуальна: ее траектория от «удивляться» (корень «чудо») к «восхищаться», затем к нейтральному акту восприятия «смотреть» до оценочной семы адъективной *miron* «*que mira con curiosidad*» [Aristos 1993] 'fr. badaud', и субстантивной «*que, sin jugar, presencia una partida de juego*»: *al miron le toca oir, ver y callar* (вар. *miron y errarla*) «не

советуй под руку” (подсказывающему ход в игре), ‘не стой над душой’ (ИсРФС 1985: 412).

Основным критерием выделения **межъязыковых эквивалентов** при сравнении ЛЕ исследуемых языков является соответствие плана выражения лексической единицы плану ее содержания, т.е. семантико-структурный параллелизм. Но поскольку большинство глаголов восприятия многозначны, объем значения анализируемых слов в исходном языке может частично совпадать, частично различаться с лексическими единицами в переводном языке.

Изучаемое лексико-семантическое поле характеризуется в западно-романских языках, как мы отмечали в первой главе, признаками многообразной общности. Исконный словарный фонд, общий для всех родственных языков является сходным. Между тем слова родственных языков, сформировавшись из единого источника, впоследствии начинают функционировать в каждом из них настолько своеобразно, что не позволяют говорить ни о семантическом, ни о стилистическом единстве лексем, с генетической точки зрения, казалось бы, совершенно однородных.

Когнитивная цепочка афферентных или ингерентных связей между семемам одного и того же полисемичного глагола в разных языках не совпадает по причине разных отношений внутренней зависимости между семами. Полисемия - результат различной интерпретации воспринимаемого объекта или понятия. Она в большей степени свойственна французскому языку в силу имманентного характера ее лексики [Togebu, 1951, 144; Гак, 1998] Сопоставление многозначных слов во французском языке с их переводными эквивалентами в итальянском и испанском показывает, что минимальный контекст и сочетаемость в речи дает возможность выявить актуальное для каждого контекста значение. Так, например, французский глагол *sonner* во француско-итальянском словаре дает четыре итальянских переводных соответствия *suonare, scoccare, sqillare, chiamare* [DFI-IF, 2004: 931]. Рассмотрим французский глагол *sonner* и его итальянские переводные соответствия.

Sonner 1) *suonare*: *fr. les cloches sonnent a toute volée, it. le campane suonane a distesa; fr. on sonne a la porte it. suonano alla porta;*

2) *scoccare*: fr. *minuit vient de sonner* it. *e appena scoccata la mezzanotte*;

3) *squillare*: fr. *le telephone sonne sans arret* it. *il telefono squilla ininterrottamente*;

4) *chiamare*: fr. – *Madame a sonne ?* it. – *La signora a chiamato?*

У французского глагола *retentir* проявляются та же тенденция, в итальянском языке ему соответствует три глагола: *echeggiare*, *riecheggiare*, *risonare* [DFI-IF, 2004: 874].

Так, в примере fr. *Le theatre retentissait d'applaudissement*, глаголу *retentir* соответствует итальянский глагол *echeggiare*, и французское предложение переводится как it. *'il teatro echeggiava di applausi'*.

Иное соответствие исследуемой лексической единице мы видим в следующем примере: fr. *Un coup de fusil a retenti dans le bois*. It. *Una fucilata e riecheggiata (risonata) nel bosco* [Там же: 874].

Французский глагол *craquer* переводится как *crocchiare scrocchiare* и *scricchiolare*: fr. *parquet qui craque*, it. *parquet che scricchiola*; fr. *pain qui craque sous la dent*, it. *pane che crocchia sotto i denti*; fr. *faire craquer les doigts*, it. *'far scrocchiare le dita'* [Там же: 255].

Французский глагол *grincer* имеет четыре итальянских переводных эквивалента *cigolare*, *stridere*, *digrignare*, *scricchiolare*: 1) *la girouette grince* it. *la banderuola cigola*; 2) *la chauve-souris grince* it. *il pipistrello stride*; 3) *grincer des dents* it. *digrignare i denti*; 4) *la porte grince* it. *la porta scricchiola* [Там же: 487].

Анализ глагольных словарных статей показывает, что французский глагол при сравнении его с итальянскими переводными соответствиями обозначает действие в более общей форме, тогда как итальянские глаголы более конкретизированы, а французские глаголы имеют более широкое значение. При соотношении род – вид, как отмечали лексикологи [Гак 1977; Чекалина: 1998], у французских глаголов преобладает первое, а в итальянских – второе, что подтверждается результатами данного исследования. Именно этим объясняется в ряде случаев большая номинативная дробность итальянских и испанских глаголов как зрительного, так и слухового микрополей восприятия.

Поскольку в контрастивных исследованиях анализируются типы лексических и фразеологических соответствий в исходном языке и языке сопоставления, выявляя национальную специфику

семантики исследуемых языков, отражающих языковую картину мира этноса.

Известно, что средства глагольной морфологии в романских языках не ограничиваются только глагольными формами. Выражению аспектуально-темпоральных отношений служат преморфологические глагольные образования [А.Н. Степанова], перифрастические, полуперифрастические и квазиперифрастические глагольные конструкции (Р.Д. Кирпичников), так называемые аналитические слова [З.Н. Левит]. Они выполняют в языке компенсирующую роль. Термин "аналитические конструкции" и понятие аналитического строя языка были выдвинуты лингвистами по отношению к новым индоевропейским языкам [Жирмунский, 1965:5].

Структура поля глаголов восприятия позволяет осуществить сопоставительные штудии с целью выявления эквивалентов, переводных соответствий и лакун, с одной стороны, и аналитических конструкций, с другой. Рассматривая эти положения, следует принимать во внимание, что система в семасиологии выступает как система противоречивая, часто асимметричная, она постоянно нарушается внутренним движением.

Исследование межъязыковой эквивалентности требует анализа типологии лексических значений как инструмента комплексных семантических разработок. Основная масса современных типологических исследований может быть названа типологией подсистем - отдельных уровней или категорий.

Анализ **межъязыковых соответствий** в западно-романских языках показал, что многие ЛЕ, имеющие тождественное значение, различаются фонетически вследствие закономерных фонетических изменений дивергентного характера, происходивших в разное время в исследуемых языках. Самое большое разнообразие типов соответствий наблюдается на семантическом уровне: первый тип соотношений между значениями слов в родственных языках может быть представлен следующим образом: одно из значений ЛЕ в семантическом поле выступает как основное, в другом или других языках оно может оказаться периферийным. Это связано с тем, что в силу разных обстоятельств позиция той или иной лексической единицы в одном из родственных языков смещается от центра поля к периферии или наоборот, от периферии к центру, а в других случаях она остается на своем месте, в результате чего в

родственных языках происходит расхождение значений той или иной лексической единицы. Как было показано в первой главе, латинский глагол *sentire* (доминанта СПГВ) потерял не только свое главенствующее положение в новороманских языках, перейдя в разряд дробных репрезентантов, но также утратил отдельные значения. Так, во французском языке у него были потеряны значения, относящиеся к основным видам перцепции

Объем значения слов родственных языков может частично совпадать, частично различаться, так что данные слова иногда рассматриваются в качестве частичных межъязыковых синонимов.

Три парадигмы глаголов восприятия, репрезентирующие три вида перцептивной способности (пассивную, активную и каузирующую) уже в период становления «новых» романских языков приобретали дивергентные черты, которые продолжали эволюционировать, закладывая основы национальных языковых картин сферы восприятия. Факторы, влияющие на эволюцию лексем это: 1) социум, 2) внешняя система языка (связь слова с предметами и явлениями внешнего мира) и 3) внутренняя структура языка (взаимодействие формы и содержания слов в диахронии), все три фактора находятся во взаимодействии. Диапазон дивергентности достаточно широк: от несовпадения лексем до несовпадения коннотативных сем.

Так, например, значение французского глагола *admirer-regarder avec un sentiment de respect pour sa beaute ou ses qualites morales* [PR 1992] актуализируется в сфере нравственно-интеллектуальной, а у испанского *admirar: contemplar con sorpresa, placer o entusiasmo* и у итальянского. *ammirare: guardare con meraviglia, rimanere stupefatti* актуализация происходит в сфере сугубо эмоциональной: удивление и удовольствие [Zanicchelli, 1999].

В приведенных ниже предложениях даются примеры **межсенсорных вариантов**: fr. *Tu n'as rien a voir la-dedans* = it. *Sono affari che non ti riguardano* = esp. *Son cosas que no te tocan* = 'Это тебя не касается'. Исследуемые в них глаголы относятся к СПГВ, но к разным его микрополям: во французском – это гипероним семантического микрополя зрительного восприятия *voir*, в итальянском – гипоним этого же микрополя *riguardare*, в испанском – глагол, относящийся к микрополю осязания *tocar*, все они употреблены не в своих первичных перцептивных значениях.

В следующем примере также наблюдается межсенсорный вариант fr. *Se sentir en danger* it. '*Vedersi in pericolo*' во французском языке употреблен широкозначный глагол *se sentir*, в итальянском - глагол микрополя зрительного восприятия *vedersi*.

Основной единицей развития лексико-семантической структуры языка является отношение номинации: обозначающего и обозначаемого. Однако при изменении сигнификата возможны сдвиги на уровне денотата. У глаголов, отвлеченных существительных и оценочных прилагательных границы сигнификатов особенно зыбки, что приводит к легкости изменения их значения и возникновению асимметрии [Гак 1988: 5-6].

Б. Потье предлагает подробную схему типологического анализа по уровням, включающую изучение системы ("инвентаря") элементов и изучение текста в функциональном аспекте. Его схема предполагает как квантитативный, так и квалитативный подход к языковому материалу [Pottier 1968: 300-320]. В некоторых научных трудах, посвященных сопоставительному рассмотрению языков, осуществляется иной подход: отказ от подачи материала в строгом соответствии с уровнями языковой системы на том основании, что между языками «уровневая структура выступает в снятом виде» [Репина 1996]. Действительно, на межъязыковом уровне межуровневая соотнесенность утрачивает в основных чертах свою релевантность, тем более это верно для проводимых исследований в рамках линвокогнитивистики.

Если рассматривать самые частотные фразеосочетания семантического поля восприятия в трех западно-романских языках, то в **количественном** отношении их можно представить как четыре группы аналогов: трехъязыковые аналоги: фр.- исп.- ит. и три пары двуязычных аналогов: фр.-ит.; фр.- исп.; исп.- ит.

В литературе по фразеологии неоднократно отмечалось, что все разнообразие фразеологии сосредоточено не на плане содержания, а на плане выражения. Типологизируя в **качественном** отношении это разнообразие в виде шкалы сходств и различий, Н.Н. Кириллова [Кириллова 2003] предлагает по мере уменьшения сходств и увеличения различий у межъязыковых фразеологических аналогов следующие типы: межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ), межъязыковые фразеологические варианты (МФВ), межъязыковые фразеологические паронимы (МФП), межъязыковые фразеологические синонимы

(МФС). Тип исследуемого межъязыкового соответствия в данном случае это словосочетание – словосочетание.

Основным критерием выделения МФЭ является соответствие плана выражения фразеологической единицы (ФЕ) плану ее содержания. В приведенных ниже таблицах даются примеры межъязыковых фразеологических эквивалентов в трех исследуемых языках, а также в двух парах языков: французском – итальянском и французском – испанском.

Табл. 9

**Межъязыковые фразеологические эквиваленты
в трех западно-романских языках**

Fr.	Esp.	It.
perdre de vue	perder de vista	perdere d'occhio
A perte de vue	a perdita de vista	A perdita d'occhio
detourner les yeux de	apartar la mirada (la vista)	distogliere gli occhi da
regarder a la derobee	mirar de reajo	Guardare di sottocchi
jeter un coup d'oeil	echar una ojeada	dare un occhiata

Представленные в табл. 9 фразеологизмы относятся к семантическому микрополю зрительного восприятия, в них наблюдается межъязыковая симметрия: полное соответствие плана содержания плану выражения.

Табл. 10

**Межъязыковые фразеологические эквиваленты
во французском и итальянском языках**

Fr.	It.
voir de ses propres yeux	vedere con i propri occhi
il ne voit que d'un oeil	vede da un occhio solo
voir juste, clair	vedere giusto, chiaro
Voyons un peu	vediamo un po'

В табл. 10 приведены примеры межъязыковых фразеологических эквивалентов французских и итальянских фразеологизмов из словаря Garzanti (DG 1988). В основе этих фразеологизмов лежит глагол зрительного восприятия *видеть*: fr. *voir*, it. *vedere*, в примерах наблюдается полное соответствие плана содержания плану выражения

Критерием выделения межъязыковых фразеологических вариантов является наличие несущественных различий в плане выражения при полном совпадении их плана содержания. Так французское выражение *c'est encore a voir* в плане содержания полностью совпадает с итальянским *e da vedere*. В плане выражения в силу особенностей французского языка, требующего обязательного грамматического подлежащего, фразеологизм начинается с местоимения *se*.

Явление межъязыковой фразеологической вариантности может быть вызвано номинативной **синонимией**, что явствует из следующего примера: fr. *toucher au but*, esp. *llegar a la meta*, it. *toccare la meta* 'достичь цели'. Основу этого фразеологизма во французском языке составляет глагол *toucher*, в итальянском - *toccare* 'трогать, касаться', а в испанском соответственно глагол *llegar*, прототипическое значение у которого 'приезжать, приходить' (ИРФС).

В приведенных ниже примерах предоставлены межъязыковые синонимы: it. *Veda di trovarci un alloggio*. fr. *Occupez-vous de nous trouver un logement*. 'Займитесь поиском крова'. В итальянском и французском предложении план содержания совпадает, но планы выражения различаются: если в итальянском употребляется перцептивный глагол *vedere* 'видеть', то во французском языке употребляется глагол *s'occuper* 'заниматься', не имеющий отношения к перцепции. В других фразеосочетаниях ситуация прямо противоположна: во французском языке употреблены перцептивные глаголы в неперцептивных значениях, в итальянском - глаголы, относящиеся к другим семантическим полям. Например: 1) fr. *J'ai appris votre malheur, vous m'en voyez navre*. it. 'Ho saputo della disgrazia, ne sono veramente costernato'. 2) fr. *Essayez donc voir!* it. 'Provateci un po'!

К межъязыковым фразеологическим синонимам можно отнести: fr. *qui s'y frotte s'y pique* (ФРФС), esp. *mirar y no tocar* 'с ним лучше не связываться; или fr. *sans avoir l'air d'y toucher*, esp. *como quien no quiere la cosa* 'словно невзначай'. В этих примерах различия в плане выражения довольно существенные.

В таблице 11 приведены примеры на межъязыковых фразеологических вариантах на французском и испанском языках.

МФВ во французском и испанском языках

Fr.	Esp.
toiser des yeux	Mirar de alto abajo
avoir soin de son individu	Mirar por si
prendre soin de	Mirar por uno
voir de bon oeil	ver con buenos ojos

Межъязыковые фразеологические варианты по своей природе могут быть топонимическими, грамматическими и стилистическими.

Грамматические варианты предполагают варьирование грамматических компонентов: глаголов и глагольных форм, предлогов, вводящих различные дополнения, изменение категории существительного в ФЕ и т.п. Так, в примере fr. *voir de bon oeil* = esp. *mirar con buenos ojos* представлен морфологический вариант: изменение числа существительного: во французском языке употреблено французское существительное *oeil* ‘глаз’ в ед. числе, а в испанском – *ojos* - во множественном.

В следующем примере французское существительное ‘глаз’ стоит во мн. числе, а итальянское *occhio* – в единственном: fr. *fermer les yeux sur...* it. *chiudere un occhio*

Топонимическими мы называем варианты, когда в разных языках во фразеосочетаниях употребляются различные части тела (соматизмы), входящие в ФЕ. Например: fr. *Par ses beaux yeux* = esp. *por su bella o linda cara* или *Entre quatre yeux* = esp. *cara a cara*. Во французских фразеологизмах употребляется существительное ‘*yeux* ‘глаза’, а в испанских - *cara* ‘лицо’.

Французскому выражению fr. *toucher du doigt* ‘тронуть (коснуться) пальцем’ соответствует итальянское *toccare con mano*, итальянцы касаются рукой *con mano*, итальянцы касаются рукой *con mano*, тогда как во французском языке употреблено существительное ‘палец’ [DFI-IF, 2000: 991].

Иногда манифестации функции в одном языке соответствует наименование органа зрения в другом: esp. *ver del mismo modo* = fr. *voir du tete oeil*. В приведенном примере во французском языке употреблена лексема, означающая часть тела, а в испанском - функция органа – инструмента. В следующих фразеологизмах: fr.

tourner ses regards vers... = esp. *volver los ojos a...* во французском фразеологизме употреблено существительное *regard* 'взгляд', в испанском - наименование органа зрения: *ojo* 'глаз'.

Стилистическими мы называем варианты, когда образной номинации в одном языке соответствует необразная в другом, или когда в основе вариантов лежат разные стилистические тропы.

fr. *Avoir les yeux baisses* = esp. *Tener los ojos clavados en el suelo*. Во французской ФЕ отражена необразная номинация, в испанском же примере употреблена метафора: *clavar* 'забивать, 'прибивать', *el suelo* – 'поверхность земли', буквальный перевод – 'глаза, прибитые к земле'.

На стилистическом уровне в рамках трех языков можно найти разнотипные и более разнообразные отношения: так, французский устойчивый оборот *fermer les yeux sur qch* 'закрывать глаза на что-либо' находится в отношениях вариантности к итальянскому *chiudere un occhio* и образной синонимии к испанскому фразеосочетанию *hacer la vista gorda*.

Французское фразеосочетание *regarder du coin de l'oeil* 'смотреть украдкой' построено на метонимии, а его испанское соответствие *mirar de reajo, con el rabillo del ojo* – на метафоре. Испанскому *mirar con el rabillo del ojo* эквивалентно итальянское *guardar colla coda dell'occhio* 'смотреть искоса (украдкой)'. И в том, и в другом случае использована одна и та же метафора: it. *coda* 'хвост' esp. *rabillo* 'хвостик'. Французская ФЕ *regarder du coin de l'oeil* соотносится с ними как стилистический вариант: fr. *coin de l'oeil* 'уголок глаза'.

Межъязыковые фразеологические **паронимы** возникают вследствие обозначения несхожих ситуаций в ФЕ разных языков, например, во французской ФЕ *toucher la corde de pendu* 'иметь удачу' речь идет о веревке повешенного, якобы приносящей счастье, а в итальянской ФЕ *toccare una sola corda* 'говорить только об одном, настаивать на ч.-л.' говорится о струне. Несмотря на то, что в приведенных примерах наблюдается соответствие плана выражения план содержания у них различен.

Исследуя МФС в западно-романских языках, мы видим, что иногда повторяются корреляции французского существительного *les yeux* и испанского *la vista*: fr. *Cela saute aux yeux, cela creve les yeux* = esp. *eso salta a la vista* 'это бросается в глаза'; fr. *lever les yeux sur qch* = esp. *alzar la vista*, fr. *detourner les yeux* = esp. *apartar la*

vista. Эта регулярная повторяемость, регулярное соответствие говорит, казалось бы, о норме, однако в МФС fr. *perdre de vue* = esp. *perder de vista* = it. *perdere d'occhio* 'потерять из виду' проявляется уже другое соотношение существительных: французская лексема *vue*, испанская - *vista* в итальянском языке передается существительным *occhio* 'глаз'. Вывести регулярность лексических соответствий в ФЕ разных языков невозможно, так как выбор лексических единиц во фразеологизмах предопределен их **идиоэтничностью** в языке.

Известно, что при межъязыковом сопоставительном анализе лексических и фразеологических единиц эквивалентность в языке (в системе) отличается эквивалентности в речи (в тексте), что показал сопоставительный анализ глаголов и глагольных сочетаний, относящихся к полю восприятия на материале сборника рассказов итальянского писателя Dino Buzzati «Il Colombre» (1990) и его перевода на французский язык и на материале романа Ф. Стендаля «Красное и черное» (Stendhal F. *Le rouge et le noir*, 1958) и его перевода на испанский. Проведенный нами сопоставительный анализ показал, что в тексте задействованы иные факторы, к ним, в первую очередь, относится референтная отнесенность, важным фактором является также **сочетаемость** слов, в тексте существенную роль играют синтагматические отношения, когда выбор слова зависит от его окружения, что приводит в итоге к различению понятий семантической и лексической сочетаемости слов. **Семантическая сочетаемость** слова зависит от его значений (лексико-семантических вариантов) и связана, таким образом, с семантической структурой сигнификата. **Лексическая сочетаемость** слова означает его способность вне зависимости от вариаций значения сочетаться только с определенными словами, что обнаруживается исключительно в контексте (Апресян 1995: 81). Отдельно можно выделить **ситуативную сочетаемость**, когда выбор слов в процессе коммуникации связан не только с содержанием предложения (микрконтекста), но и с референтной ситуацией, в которой осуществляется общение (макрконтекст). Таким образом, фактором, влияющим на эквивалентность отношений, является не только лингвистические, но и прагматические факторы, которые более ясно различаются, если обратиться к текстам, к сопоставлению оригинала и его перевода в исследуемых языках.

При переводе, как известно, передача смыслов, заключенных в знаках одной системы, знаками другой с частичной их трансформацией осуществляется с использованием операций, затрагивающих все типы семиотических отношений: семантические, синтаксические и прагматические, что приводит к разнообразным трансформационным операциям: семантические перераспределения, антонимические, синонимические, гипогиперонимические транспозиции, синтаксические преобразования и др. (Гарбовский 2004). В ходе сопоставительного анализа оригинала книги Д. Будзатти и его перевода на французский язык было отобрано и проанализировано 515 итальянских примеров, содержащих глаголы и глагольные перифразы, входящие в семантическое поле восприятия. Материал исследования показал, что полными межъязыковыми эквивалентными соответствиями на французский язык было переведено 346 глаголов: например: – it. *Il padre, non vedendo Stefano piu in giro, dopo averlo chiamato a gran voce invano, scese dalla plancia e ando a cercarlo.* fr. *Le pere qui ne voyait plus Stefano, et l'avait hele sans succes, descendit de sa passerelle de commendement pour se mettre a sa recherche.*

it. *Perche ridete? Perche toccate ferro?* fr. *Pourquoi riez-vous? Pourquoi touchez-vous du fer?*

it. *Si avvicinarono, esaminandosi a vicende.* fr. *Ils s'approcherent l'un de l'autre, s'examinant reciproquement.*

Анализ материала выявил межъязыковые фразеологические эквиваленты: it. *Quella notte non riuscii a chuidere occhio.* fr. *Cette nuit-la je ne reussis pas a fermer l'oeil*

Частичными эквивалентами в результате различных трансформационных операций было переведены на французский язык 130 итальянских глаголов и глагольных сочетаний. Гиперогипонимическая транспозиция выявляется в предложениях: it “*Lo vedi che golosi sono?*”- *mi disse, soddisfattissima.* fr. “*Non, mais regarde, comme ils sont gourmants*”, *me dit-elle toute heureuse.* it. *E aveva visto che quando ho in mano la spada, la sentenza per l'altro e gia segnato.* fr. *Et il avait du remarquer que lorsque j'ai une epee en main, le sort de mon adversaire est deja regle’.* Итальянский гипероним микрополя зрительного восприятия *vedere* переведен гипонимами *regarder* и *remarquer*. Приведенные эквиваленты относятся к **моносенсорному** типу, к лексическим единицам, принадлежащим к одному микрополю.

Пример эврисемичных отношений (гпо-гипонимия) глаголов восприятия в тексте оригинала и перевода наблюдается в следующих предложениях: it. *Stefano la prese fra le dita e guardo*. fr. *Stefano la prit entre ses doigts et l'examina*. Переводчик осуществляет синонимическую замену в поле глаголов зрительного восприятия, как бы усиливая интенции персонажа, который не просто *посмотрел*, но *посмотрел с намерением изучить*.

В примере с **межсенсорным** вариантом перевода it. *E un gusto vedere uno che ha tanta paura*. fr. *Ca fait plaisir de ouir quelq'un qui a peur a ce point-la* глагол зрительного восприятия *voir* передан глаголом слухового восприятия *ouir*. Этот вариант перевода связан с семантической сочетаемостью слов в предложении оригинала и его перевода.

Полисемичные перцептивные глагольные единицы содержат значения, относящиеся и к другим модусам: в первую очередь, к мыслительному. В примере it. *Con la fantasia si sforzo di vedere; il figlio come sarebbe stato fa fra quindici, vent'anni*. fr. *Elle essaya d'imaginer son fils dans quinze, vingt ans*. итальянский глагол *vedere*, актуализирующий в данном контексте неперцептивное значение переведен на французский глаголом *imaginer*, относящимся к полю интеллектуальной деятельности.

Неэквивалентность представляет собой отношения между разноязычными лексическими единицами, не входящими в одно лексико-семантическое поле. Проведенный анализ выявил 33 случая неэквивалентности и 6 примеров лексических лакун. В предложении it. *"Guarda, guarda!" Gemette il pittore porgendole il giornale*. fr. *"Tiens... lis!" gemit le peintre en lui tendant le journal* итальянский глагол *guardare*, в форме 2-го лица ед. числа повелительного наклонения повторен дважды, во французском переводе ему соответствует междометие *tiens* + полнозначный глагол *lire*. Переводчик уловил сущность авторской коммуникативной установки и преобразовал текст перевода. Данный случай можно отнести к ситуативной сочетаемости.

В примере it. *Lei guardo, impallidi, e, con la meravigliosa irragionevolezza delle donne, scoppio in un pianto disperato*. fr. *Elle le prit, palit et, avec le merveilleux illogisme des femmes, eclata en sanglots desesperes* итальянский перцептивный глагол "guardare" переведен французским глаголом *prendre*, относящийся к семантическому полю глаголов деятельности.

Анализ материала по книге Ф. Стендаля “Красное и черное” выявил в оригинальном французском тексте 1053 примера, содержащих глаголы и глагольные перифразы поля восприятия, подавляющее число которых относится к микрополю зрения.

В его испанском переводе было выявлено 693 межъязыковых эквивалента, частичная эквивалентность наблюдается в 275 случаях, неэквивалентность - в 76. Было отмечено также 9 лексических лакун. В выявленных примерах по частотности преобладает французский глагол *voir*, что связано с явлением широкозначности французского глагола (Гак 1978), на испанский язык он переводится как полными эквивалентами, так и его синонимами: *notar, divisar, mirar, observar* и др., выявляя в данном случае гиперогипонимическую транспозицию. Например: fr. *Donnez-moi le bras, dit-elle enfin avec un accent de courage que Julien ne lui avait jamais vu.* esp. *Deme usted el brazo - acabo por decir, con un acento de valor que Julien no habia observado en ella hasta entonces.* Пример гиперогипонимические транспозиции.

Перифрастические глагольные единицы в тексте переведены эквивалентами в шести случаях, а вариантами – в восьми предложениях: fr. *Comme il la cherchait des yeux, Mathilde le regarda.* esp. *Mientras estaba buscando-la con la vista, Mathilde lo miro.*

Глагольная перифраза переведена глагольной лексемой в пяти примерах: fr. *M-lle de La Molle promenait ses regards sur les jeunes Francais avec ce serieux profond qu'aucune de ses rivales ne pouvait imiter.* esp. *La senorita de la Molle miraba a los jovenes franceses con aquella seriedad profunda que ninguna de sus rivales podia imitar.* Глагольная перифраза *promener les regards* переводится испанским глаголом *mirar*, но некоторые коннотативные оттенки словосочетания *promener les regards* ‘пробегать вскользь глазами’ не отражаются в тексте перевода.

Глагол переведен глагольной перифразой в 29 предложениях. fr. *Contre son attente, Julien se trouva le desir de la revoir, il songeait a sa main si jolie.* esp. *Contra lo que esperaba, Julien sintio deseo de volver a ver, pensaba en su mano tan linda.*

Особый интерес для исследования представляют контексты, в которых французские глагольные перифразы переводятся не эквивалентами, а вариантами: fr. *Et combien les hauts personnages qu'il avait apparemment sous les yeux devaient tenir a ce qu'elles*

restassent secretes! esp. !Y cuanto interis debian tener en que permaneciesen secretos los grandes personajes que tenia ante su vista!

Теория перевода, как и всякая другая наука, занимается двумя типами проблем: описательными и объяснительными. Обычно в переводоведении большое внимание уделяется второй, более сложной проблеме, ученые стремятся проанализировать факторы, которые ведут к разнообразным переводческим заменам и обуславливают выбор дисэквивалентного варианта при переводе [Гак 1998: 382].

Обобщая результаты наблюдений над исследованием проблемы межъязыковой эквивалентности на базе семантических теорий, выделим некоторые общие черты, присущие каждой из них:

1) основание для сравнения представляет собой структуру некоего семантического содержания;

2) основание для сравнения относится к сфере содержания, а сравниваемые конструкции, между которыми устанавливаются отношения эквивалентности, – к сфере выражения;

3) эквивалентными являются конструкции, базовые структуры которых в сравниваемых языках совпадают, при этом допустимы различия в способах их выражения.

3) эквивалентными являются конструкции, базовые структуры которых в сравниваемых языках совпадают, при этом допустимы различия в способах их выражения.

Заключение

Лексическая система языка – это не просто структурированная совокупность отдельных слов, а система взаимосвязанных, пересекающихся классов слов разного объема и характера, между которыми нет резких границ. Лексическая система вся состоит из явлений, склонных к взаимопереходам, взаимопроникновению. Объединение глагольной лексики в рамках поля - эффективный способ анализа из познания языка.

Семантическое поле глаголов восприятия как системно-структурное объединение существует в виде логически организованных иерархических структур. Поле восприятия предстает в виде сложного построения, многомерного образования, включающего пять микрополей в соответствии с числом органов чувств: микрополе глаголов зрительного, слухового, осязательного,

обонятельного, вкусового восприятия. Поле – это открытое образование, границы которого размыты участками других полей, обеспечивая целостность всей языковой системы. Совокупность единиц, называемая семантическим полем, предполагает определенную структурную организацию, а именно: ядро, центр и периферию, находящихся в иерархических отношениях, т.е. в отношениях подчинения. В ядре поля сосредотачивается максимальная концентрация полеобразующих интегральных семантических признаков, оно находится в центре координат семантического поля, ядро образуют единицы с наиболее обобщенным понятийным содержанием. В нашем исследовании это – доминанты микрополей, занимающие в сознании носителей языка ведущее место, характеризующиеся высокой употребительностью и нейтральной окраской.

Периферию составляют лексические единицы, а) перцептивные, способные входить и в другие семантические поля, б) неперцептивные лексемы, «пришедшие» из других полей.

Семантическое поле восприятия имеет иерархическую организацию, во главе всего поля стоит идентификатор, объединяющий все поле. Глаголы каждого из микрополей иерархически взаимосвязаны, как по вертикали, так и по горизонтали, организуя всю систему восприятия. Материал исследования подтверждает, что глаголы зрительного и слухового восприятия являются ведущими, в соответствии с ролью сенсорных систем, которые они обозначают. Благодаря этой роли они противопоставляются по семантическому диапазону трем другим сенсорным системам – обонятельной, вкусовой и осязательной.

Перцептивная информация о мире или ономаσιологический аспект рассмотрения глаголов восприятия и когнитивная информация, или семасиологический аспект их рассмотрения, дают возможность более полного и всестороннего исследования поля восприятия в лексической системе языка. Исследование выявило связь глаголов восприятия с дейксисом, фундаментальное различие между полем указания собственно перцептивным, в котором функционируют знаки, выполняющие дейктическую функцию, и символическим полем несобственно перцептивным. Анализ материала привел также к необходимости введения коррелятивных понятий первичного и вторичного дейксиса. В зависимости от поведения актантной, временной и пространственной координат в

высказывании (тексте) они образуют первичный и вторичный дейксис дейктического поля и первичный и вторичный дейксис символического поля. Структура дейктического поля разработанная методом ноэмического анализа, служит надежной основой для проведения сопоставительного анализа в рамках семантического поля глаголов восприятия. Символическое поле образованным перцептивными глаголами, в большей степени ситуационно независимыми, относящимися к другим модусам, производным от модуса восприятия. Восприятие способно вступать во взаимодействие с явлениями эмоционального порядка. Возникает тесная связь СП глаголов чувственного восприятия с семантическими полями глаголов, обслуживающих системы интеллектуальной, оценочной деятельности, эмоциональной системы, системы различных действий. Наиболее тесная связь с СП интеллектуальной деятельности наблюдается у глаголов зрительного восприятия, т.к. именно через зрение в наше сознание поступает большая часть информации. Более активно когнитивные смыслы развивают гиперонимы семантического поля восприятия. Таким образом, глаголы восприятия могут принимать участие в мыслительном, эмоциональном, оценочном и волевом актах, а также в эстетическом и этическом актах и выражать пространственные отношения.

Выявленные онтологические и на их фоне национально-языковые особенности глаголов восприятия обнаруживают когнитивные предпосылки национально-специфического компонента в семантике этих глаголов, достоверным свидетельством чему является языковое наполнение ноэм.

Материал исследования показал, что картина восприятия в трех западно-романских языках во многом совпадает, что обусловлено прежде всего универсальной природой реально существующего процесса восприятия действительности человеком и относительной схожестью географических, социальных условий и культур западно-романских народов. Наличие сходных процессов семантического развития перцептивных глаголов в трех языках объясняется общей физиологической и психологической основой процесса восприятия у людей. Различия, возникающие на уровне актуализации тех или иных типов переносов, связаны с разницей в осознании и интерпретации полученной от органов

ощущений информации. Эта интерпретация во многом определяется коллективным и личным опытом носителей данного языка, а также сложившимися в данном языковом коллективе традициями и стереотипами.

Поскольку у перцептивных глаголов интенсивно развивается полисемия, идущая в различных направлениях: пространственно-конкретном, временном и понятийном, то сочетание свойств этой тройственной модели в исследуемых языках, она также обуславливает несовпадение семантических структур полисемантов, которые являются носителями идиоэтнических свойств семантики ГВ с их иноперцептивными и неперцептивными значениями; последние являются манифестацией третьей составляющей когнитивного процесса – «личностного смысла» на уровне этнического социума. Различия обусловлены также тем, что семантическая эволюция глагольной лексики восприятия, включающая три ее стадии: грамматическую (десемантизация), синкретическую и метафорическую развивалась в каждом языке по-своему.

Исследование когнитивных, структурных и функциональных особенностей лексико-семантического поля глаголов восприятия на материале трех западно-романских языков показало следующее, что исследуемое СП является одной из основных языковых структур, репрезентирующих ментальную деятельность человека. Когнитивный характер данной структуры имеет эпидигматическую природу, то есть образуется перекрещиванием смысловых ассоциаций по линии полисемии и деривации, образуя глубинную ось поля.

Исследование выявило также, что самым ‘консервативным’ из исследуемых романских языков является итальянский язык. С точки зрения эволюции у французских глаголов более всего проявились инновации. Глаголы поля восприятия в испанском языке претерпели наибольшее количество семантических изменений.

Полученные данные подтверждают, что, не будучи обособленной замкнутой группой в языковой системе, семантическое поле глаголов восприятия с точки зрения своей значимости является особым классом в лексическом составе языка.

В заключении еще раз подчеркнем, что в современной лингвистике отмечается важнейшее значение тесной структурной и

функциональной зависимости единиц, составляющих **единое поле**, а также подчеркивается наличие специфических структурных и функциональных связей одного лексико-семантического поля, воплощающего фрагмент **общей лексико-семантической системы языка**, с другими полями.

ЛИТЕРАТУРА

- Алферов А.В. Дейксис de dicto: функциональный класс интеракциональных индексалов / А.В. Алферов // Филологические науки. №2. – М., 2001. – С. 85-93.
- Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка / Т.Б. Алисова. – М.: МГУ, 1971. – 293 с.
- Алисова Т.Б. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. – М.: Высшая школа, 1982. – 343 с.
- Ананьев Б.Г. Теория ощущений / Б.Г. Ананьев. – Л.: ЛГУ, 1961. – 456 с.
- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Том II. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. – 472 с.
- Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания, №1. – 1995б. – С. 37- 67.
- Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка / И.Н. Арнольд. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1973. – 303 с.
- Арнольд И.В. Семантическая структура слова в английском языке, методика ее исследования / И.Н. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1966. – 192 с.
- Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте / И.В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1979. – № 6.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. - М.: Наука, 1988. – 341 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. – 895 с.
- Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. - М.: Наука, 1980. – С. 156-249.
- Ахманова О.С. Лингвистическое значение и его разновидности / О.С. Ахманова // Проблема значения в лингвистике и логике. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – С. 8 - 10.
- Бабушкин А.П. Объективное и субъективное в категоризации мира / А.П. Бабушкин // Общие проблемы строения и организации языковых категорий. – М.: Институт языкознания РАН, 1998.
- Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
- Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во литературы на иностранном языке, 1961. – 394 с.
- Барабанщиков В.А. Динамика зрительного восприятия / В.А. Барабанщиков. – М.: Наука, 1990. – 240 с.
- Барабанщиков В.А. Основные направления и тенденции развития психологии восприятия / В.А. Барабанщиков // Психология восприятия. – М.: Наука, 1986. – С. 5-14.
- Барабанщиков В.А. Ментальная репрезентация: динамика и структура / В.А. Барабанщиков // Вестник РГНФ, 1999. – №2. – С. 89-91.
- Барабанщиков В.А. Системность. Восприятие. Общение / В.А. Барабанщиков, Носуленко В.Н. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – 480 с.
- Барабанщиков В.А. Восприятие и событие / В.А. Барабанщиков / РАН, Инст-т психологии. – Науч. изд. – СПб.: Алтейя, 2002. – 512 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист // Под ред., вст. статьей и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
- Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц / С.Г. Бережан. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 372 с.
- Березина О.А. Концептуальная дивергентность как отражение динамики восприятия в языке / О.А. Березина // Studia linguistica, 9: Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – СПб, 2000. – С. 288 - 293.
- Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация высказывания / Богданов В.В. – Л.: ЛГУ, 1977. – 204 с.
- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 148 с.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
- Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
- Бородин М.А. Категория субъекта и объекта в романских языках / М.А. Бородин, Л.М. Скредина // Категория субъекта и объекта в различных языках. – Л., 1982. – С. 4-22.
- Бортничук Е.Н. Представление английских аффиксальных производных в лексикографических источниках / Е.Н. Бортничук, Л.П. Пастушенко // Система мови та мовленнєва діяльність. Вісник Харківського Державного Університету. – № 386. – Харків: Константа, 1996. – С. 21-23.
- Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки / Р.А. Будагов. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – 301 с.
- Будагов Р. А. Введение в науку о языке / Р.А. Будагов. – М.: Просвещение, 1965. – 492 с.

- Будагов Р.А. Типы соответствий между значениями слов в родственных языках / Р.А. Будагов // НДВШ. – Филологические науки, 1968. – № 5. – С. 3 - 12.
- Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал / Р.А. Будагов. – М.: Наука, 1985. – 160 с.
- Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека / Р.А. Будагов. – М.: Добросвет, 2000. – 304 с.
- Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т.В. Булыгина // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – 356 с.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс "Универс", 1993. – 302 с.
- Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи / Л.М. Васильев // Очерки по семантике русского глагола. – Уфа, 1971. – С. 38 - 310.
- Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
- Васильев Л.М. Методы современной лингвистики / Л.М. Васильев. – Уфа, 1997.
- Васильева В.Ф. Семантика русского глагола / В.Ф. Васильева. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
- Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
- Вежбицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVIII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 336-369.
- Вейнрейх У. О семантической структуре языка / Вейнрейх // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. – С.163-249.
- Вилюман В.Г. Семантические и функциональные связи слов и их связи в современном английском языке. Автореф. докт. филол. наук / В.Г. Вилюман. – Л.: ЛГПИ, 1971. – С. 38.
- Виноградов В.В. О формах слова / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 39 - 50.
- Винокур Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Г.О. Винокур. – М., 1990.
- Вишнarenко С.В. Опыт сравнительного описания семантической структуры существительного «honour» в раннеанглийский (1500-1570) и новоанглийский (1920-1990) периоды / С.В. Вишнarenко. – СПб., 1997. – 40с.
- Волков А. Чем пахнут кварки? / А.Волков // Знание – сила. – 2004 – №12. С.– 86-88.
- Волкова Ж.А. Субъективно-инклюзивный дейксис и классификация глаголов в современном английском языке / Ж.А. Волкова // Теория лингвистических классификаций. – М.: МОПИ, 1987. – С. 16-23.
- Вундт В. Введение в философию / В. Вундт. – М.: Добросвет, 1880. – 336с.
- Вygотский Л.С. Психология развития как феномен культуры / Л.С. Вygотский. – М., Воронеж: АПСН, 1996. – 512 с.

- Выготский Л.С. Мышление и речь. / Л.С. Выготский Собрание сочинений. – В 6т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. –С. 5 –361.
- Выготский Л.С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. – М., 1956. –519 с.
- Выготский Л.С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. – М.,
- Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов *отношение* в современном русском языке / Р.М. Гайсина. – Саратов: СГУ, 1981. – 185 с.
- Гак В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1966. – 335 с.
- Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов / В.Г. Гак // Общее и романское языкознание. – М.: Изд-во Московского университета, 1972. – С. 144 -157.
- Гак В.Г. Типология романских языков и различные аспекты языковой реализации / В.Г. Гак // Вопросы испанской филологии: Материалы 1 Всесоюзной научной конференции по испанской филологии. – Л.: ЛГУ, 1974 – С. 100 - 108.
- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
- Гак В.Г. О сопоставительной стилистике / В.Г. Гак // Методы сопоставительного изучения языков. – М.: Наука, 1988. – С. 48 - 53.
- Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа ”Языки русской культуры”, 1998. – 768 с.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г.Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
- Гвишиани Н.Б. Контрастивные исследования современных языков и корпусная лингвистика / Н.Б. Гвишиани // Филологические науки. – 2004. – № 1. – С. 59 - 72.
- Гельмгольц Г. О восприятии вообще / Г. Гельмгольц // Психология ощущений и восприятия. – М.: ЧеРо, 1993. – С. 21 - 46.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
- Гинзбург Е.Л. Референтная соотнесенность слова и сочетаемость / Е.Л. Гинзбург // Сб. науч. Трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1979. – Вып. 145. – С. 9 - 23.
- Гладров В. Сопоставительное изучение немецкого и русского языков: грамматико-лексические аспекты / В. Гладов. – М.: МГУ, 1994. – 189 с.
- Глубинные и поверхностные структуры. – М.: МГПИИЯ, 1972.– 52 с.
- Гольдберг В.Б. Гиперо-гипонимическая связь как знак общих закономерностей и национально-специфических особенностей познания / В.Б. Гольдберг // Язык и национальное сознание. –Вып.2 – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 58-62.

- Гольдберг В.Б. Типология структурных связей, организующих идеополе “Биологическое существование человека” / В.Б. Гольдберг // Когнитивная семантика. Ч.2. – Тамбов: ТГУ, 2000. – С. 60-64.
- Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий. – М., 1969.
- Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков / А. Гудавичюс. – Вильнюс: Мокслас, 1985. – 175 с.
- Гудавичюс А. Лексико-семантическая группа зрительного восприятия в русском и литовском языках (Опыт семантической типологии). Дис. ... канд. филол. наук. – Вильнюс, 1970. – 180 с.
- Гулыга Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 182 с.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
- Гурычева М.С. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галло-романская подгруппа / М.С. Гурычева Н.А. Катагощина. – М.: Наука, 1964
- Даниленко В.П. Лингвистическая характерология в концепции В.Матезиуса / В.П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 120 - 128.
- Данте А. О народном красноречии / А. Данте // Малые произведения. – М.: Наука, 1968. – С. 270 - 304.
- Денисенко В.Н. Семантическое поле как функция / В.Н. Денисенко // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 44 - 52.
- Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П.Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1993. – 245 с.
- Долинин К.А. Интерпретация текста / К.А. Долинин. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
- Евгеньева А.П. Основные вопросы лексической синонимии / А.П. Евгеньева // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1966. – С. 4 - 29.
- Евгеньева А.П. Синонимы русского языка и их особенности / А.П. Евгеньева. – Л.: Наука, 1972. – 248 с.
- Емшанова Е.Д. Фразообразовательная активность французского глагола (на материале глаголов зрения) / Е.Д. Емшанова. – Хабаровск, 1988. – 64 с.
- Ерасова Л.Г. Глаголы физического восприятия в современном английском и французском языках: Автореф. канд. филол. наук / Ерасова Людмила Григорьевна. – Воронеж, 1973. – 21 с.
- Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова / А.А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1982. – 80 с.
- Залевская А.А. Слово в лексиконе человека / А.А. Залевская. – Воронеж, ВГУ, 1990. – 204 с.
- Залевская А.А. Некоторые проблемы понимания текста / А.А. Залевская // Вопросы языкознания – 2002. №3. – С.?
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. М.: РГГУ, 2000. – 381 с.

- Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста / А.А. Залевская // Вопросы языкознания. – №3. – С. 63-73.
- Зализняк Анна А. Контролируемость ситуации в языке и жизни // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1988. ???
- Запорожец А.В. Восприятие и действие / А.В. Запорожец, Л.А. Венгер, В.П. Зинченко, А.Г. Рузская. – М.: Просвещение, 1967. – 323 с
- Звегинцев В.А. Семасиология / В.А. Звегинцев. М., 1957. – 272с.
- Зинченко В.П. Образ и деятельность / В.П. Зинченко. – М., Воронеж, 1997. – 608 с.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
- Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков / А.В. Исаченко // Slavica, 1958. – № 3. – С. 339 - 341.
- Йордан Й. Романское языкознание: Историческое развитие, течение, методы / Й. Йордан. – М., 1976. – 342 с.
- Кабакова Г.И. Французская этнолингвистика: Проблематика и методология / Г.И. Кабакова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 6. – С. 100 - 113.
- Кант И. Сочинения в 6-ти томах / И. Кант. – М.: Мысль, 1964.
- Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57 - 68.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеология / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
- Караулов Ю.Н. Индивидуальный ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 5. – С. 5 - 15.
- Категория субъекта и объекта в языках различных типов. – Л.: Наука., 1982. – 189 с.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М.: Наука, 1965. – 108 с.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 215 с.
- Кезина С.В. Семантические поля как система / С.В. Кезина // НДВШ Филологические науки. – 2004. – № 4. – С.79-86
- Кириллова Н.Н. О типологии межъязыковых фразеологических соответствий / Н.Н. Кириллова // Проблемы идиоэтнической фразеологии. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. – С. 33-42
- Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: Монография/ Н.Н. Кириллова. – СПб.: РГПУ, 2003. – 319с.
- Кирпичников Р.Д. Истоки аналитизма испанского предиката (на материале глаголов движения в поэме «Песнь о моем Сиде»)/ Р.Д. Кирпичников // Вестник СПбУ- 1993. – Сер.2. – Вып.4. – С.45-49.
- Климов Г.А. Вопросы континентально-типологического описания языков / Г.А.Климов // Принципы описания языков мира. – М., 1976.**
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

- Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 192 с.
- Конечкая В.П. Введение в сопоставительную лексикологию германских языков / В.П. Конечкая. – М.: Высшая школа, 1993. – 201 с.
- Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж, 1978. – 191с.
- Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е.Е. Корди. – Л.: Наука, 1988. – 165с.
- Коротова Е.Г. Проблема межъязыковой эквивалентности в лексической семантике: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Е.Г. Коротова. – М., 1997.
- Косовский Б.И. Типы значений слова / Б.И. Косовский // Методы изучения лексики. – Минск, 1975.**
- Крейдлин Г.Е. Движения рук: касание и тактильное взаимодействие в коммуникации людей / Г.Е. Крейдлин // Логический анализ языка: Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – 520 с.
- Крейдлин Г.Е. Невербальные акты и глаголы касания / Г.Е. Крейдлин // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 109 - 121.
- Кретов А.А. О лексикографической интерпретации глаголов общего физического восприятия / А.А. Кретов // Аспекты лексического значения. – Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1982. – С. 103 - 108.
- Кретов А.А. Функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия в современной русской прозе / А.А. Кретов // Проблемы глагольной семантики. – Свердловск: КрГУ, 1984. – С. 78 - 85.
- Кретов А.А. Глаголы зрительного восприятия / А.А. Кретов // Парадигматика в лексике и словообразовании. – Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1987. – С. 47-52.
- Кронгауз М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. – М.: РГГУ, 2001. – 399 с.
- Крылов С.А. К типологии дейктических систем / С.А. Крылов // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. – М., 1984. – Ч. 1. – С. 138 - 148.
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: ИЯ РАН, 1997. – 328 с.
- Кубрякова Е.С. Парадигматика// Лингвистический энциклопедический словарь. 1990 – С. 366-367
- Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. – М.: Наука, 1986. – 125 с.
- Кузнецов А.М. Этно-семантическая составляющая лексического значения в аспекте контрастивного анализа / А.М. Кузнецов // Язык: теория, история, типология. – М.: УРСС, 2000. – С. 238 - 242.
- Кузнецова С.В. Предикатные компоненты семантики глагола / С.В. Кузнецова, О.А. Михайлова // Семантика слова и синтаксические конструкции. – Воронеж: ВГУ, 1987. – С. 38-46.

Кузьмина Р.А. О семантике компонентов сочетания “глагол восприятия + объектный инфинитив” / Р.А. Кузьмина // Вопросы романского языкознания: Межвуз. сборник. – Калинин: КГУ, 1974. – С. 62 - 71.

Кузьмина Р.А. Инфинитивный оборот и его синтаксические эквиваленты при глаголах восприятия (на материале современного французского языка). Автореф. дис. ...канд.филол.наук. Л., 1980. – 16 с

Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. – М.: Наука, 1986. – 125р.

Кустова Г.И. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы / Г.И.Кустова // логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Изд-во “Индрик”, 1999. – С. 229-238.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

Лакофф Дж. Когнитивное моделирование / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143 - 184.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981.– С. 350-368.

Лейкина Б.М. Когнитивная лингвистика / Б.М. Лейкина // Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке. – М., 1982.

Лейчик В.М. Типы лексико-семантических соответствий между словами двух родственных языков (на материале русской и польской лексики) / В.М. Лейчик // Язык: теория, история, типология. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 243 - 252.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения / А.А. Леонтьев // Семантическая структура слова. Многозначность слова в языке и в речи. –М., 1984. – С. 31 - 33.

Леонтьев А.А. Избранные психологические труды / А.А. Леонтьев. – М. Моск. психолого-социальн. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 575 с.

Леонтьев А.Н. О путях исследования восприятия / А.Н. Леонтьев // Восприятие и деятельность: Сб. ст. – М.: МГУ, 1976. – С. 3 - 27.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

Леонтьев А.Н. Ощущение и восприятие как образы предметного мира / А.Н. Леонтьев // Познавательные процессы ощущение и восприятие / Под ред. А. В. Запорожца. – М.: Педагогика, 1982. – 336 с.

Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты) / Л.В. Лисоченко. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1992. – 160 с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 445 с.

Лурия А.Р. Функциональная организация мозга / А.Р. Лурия // Естественнонаучные основы психологии. – М.: Педагогика, 1978. –

С. 109 - 139.

Лухт Л.И. Глагол / Л.И. Лухт // Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. – М.: Наука, 1972. – 411 с.

Лухт Л.И. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык / Л.И. Лухт. – М. Наука, 1970.

Макаров В.В. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков / В.В. Макаров. – Минск, 1972. – 390с.

Малкина Л.М. Принципы организации лексического состава художественного текста / Л.М. Малкина // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Сб. науч. тр. – Белгород, БелГУ, 1998. – С. 153 - 155.

Матезиус В. "О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) / В. Маткзиус // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – С. 18-26.

Мерзлякова А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля "Восприятие". На материале английского, русского и французского языков. – М.: УРСС, 2003. – 352 с.

Мартине А. Основы общей лингвистики. Ф.Мартине // Новое в лингвистике. – М., 1963. Вып.3. – С. 366-394.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.

Минина Н.М. Сопоставительный анализ семантики глаголов зрения русского и немецкого языков / Н.М. Минина // Иностранные языки в высшей школе. – М., 1962.

Минкин Л.М. Соответствие как отношение и принцип в организации языковой системы // Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод. Тезисы докладов и сообщений. – Орел, 1987. – С. 26-28.

Минкин Л.М. Некоторые вопросы языка и речи / Л.М. Минкин // Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія філологія. Том 3. №2. – Київ, 2000.

Моисеева Н.В. Глаголы восприятия в русском языке / Н.В. Моисеева // Вестник Московского университета. – М., 1998. – Серия 9. Филология. – № 6. – С. 82 - 92.

Моисеева С.А. Глаголы восприятия и дейксис / С.А. Моисеева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. № 3(5). – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. – С. 106-115.

Моисеева С.А. Парадоксы семантики глаголов восприятия (на материале французского языка) / С.А.Моисеева // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Вып.7. – Белгород: БелГУ, 2003. – С.125-130.

- Моисеева С.А. Семантическое пространство глаголов восприятия в языке и речи (на западно-романском языковом материале) / С.А.Моисеева // Вестник Российского университета Дружбы народов. – 2005. – С. 67-75.
- Мурясов Р.З. К проблеме актуальности контрастивных исследований в лингвистике / Р.З. Мурясов // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания: Материалы научно-практической конференции. – Уфа, 1998. – С. 3 - 5.
- Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найссер. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
- Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. / М.В. Никитин. – СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
- Новиков Л.А. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др. // Под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», - 2001. – 864 с.
- Олянич А.Г. Глагольная олигосемия в современном английском языке (Лингвистический статус и семантические характеристики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Олянич Андрей Владимирович. – М., 1989. – 21 с.
- Падучева Е. В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике / Е.В. Падучева. – М.: Известия АН СССР, 1993. – Т. 52. – № 3.
- Петренко В.Ф. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа / В.Ф. Петренко // Восприятие и деятельность / Под ред. проф. А.Н. Леонтьева. – М.: МГУ, 1976. – С. 268 - 293.
- Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. – М.: Прогресс, 1988.**
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении: зрительное восприятие + знание / А.М. Пешковский. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.
- Пиотровский Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка / Р.Г. Пиотровский. – Л.: Наука, 1979. – 12 с.**
- Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек / Р.Г. Пиотровский. – Л.: 1985. – 324 с.
- Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 60с.
- Попова З.Д. Полевые структуры в системе языка / З.Д. Попова, И.А.Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 198 с.
- Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8 - 69.

- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня // В 4-х т. – М.: Просвещение, 1958. – Т. 2. – 342 с.
- Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 190 с.
- Психология человека от рождения до смерти. Психологическая энциклопедия. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, Москва "Олма-Пресс", 2002. – 656 с.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2002. – 416 с.
- Репина Т.А. Сравнительная типология романских языков (французский итальянский, испанский, португальский, румынский) / Т.А. Репина. – СПб: Изд-во СПбУ, 1996. – 280 с.
- Реферовская Е.А. Формирование романских литературных языков. Французский язык / Е.А. Реферовская. – Л.: Наука, 1989. – 198 с.
- Рок И. Введение в зрительное восприятие. М.: 1980.**
- Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. – М.: Наука, 1997. – 463.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С.Л. Рубинштейн. – М.: АН СССР, 1957. – С. 259-280.
- Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79 - 100.
- Рылов Ю.А. Синтаксические связи слов в испанском предложении / Ю.Ф. Рылов. – Воронеж: ВГУ, 1985. – 188 с.
- Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов. – Воронеж, 2003. – 272 с.
- Сгалл П. Пражская типология и модели языка: Тезисы совещания по математической лингвистике 15-21 апреля 1959 г. / П. Сгалл, Л. Новак. – Л., 1959.
- Сен-Рош К.Р. Вкус вина и слова. – Париж, 1995.**
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. 654 с.
- Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание / М.В. Сергиевский. – М.: Лит-ра на иностранных языках, 1952. – 304 с.
- Сергиевский М.В. Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания / М.В. Сергиевский // Вестник Московского университета – М.: МГУ, 1946.**
- Серебрянников Б.А. О лингвистических универсалиях / Б.А. Серебрянников // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 3 - 16.
- Ситкарева И.К. Лакуны в художественном тексте. Лингвокультурологические исследования (на мат-ле художественных произведений писателей франкоязычной Европы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь: ПГПУ, 2001. – 24 с.

- Скаличка В. О современном состоянии типологии / В. Скаличка // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 19 - 35.
- Скрелина Л.М. Система языка и речевой деятельности: Методы исследования. Курс лекций / Л.М. Скрелина. – Л.: ЛГПИ, 1980. –
- Скрелина Л.М. Грамматическая синонимия: учеб. пособие к спецкурсу / Л.М. Скрелина. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987.
- Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 600 с.
- Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. – М., Наука. 1972. – 411 с.
- Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи". М.: "Наука". – 1976. – 224 с.
- Степанов Г.В. Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой / Г.В.Степанов // Принципы описания языков мира. – М., 1976.
- Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – С.108
- Степанов Ю.С. Французская стилистика / Ю.С. Степанов. – М.: Высшая школа, 1965. – 355 с.
- Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
- Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1979. – 156 с.
- Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1985. – 172 с.
- Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – Воронеж, 2004. – 190 с.
- Столин В.В. Исследование порождения зрительного пространственного образа / В.В. Столин // Восприятие и деятельность. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – С. 101 - 208.
- Токаревич Н.М. Лексико-семантическое поле в соотношении его системных и текстообразующих особенностей: Автореф. дис....канд. филол. наук / Наталья Михайловна Токаревич. – Минск, 1987. – С. .
- Ульманн С. Семантические универсалии/ С.Ульманн // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.5. – М.: Прогресс, 1970. – С.250-299.
- Умаханова Э.М. Структурно- семантическая характеристика глаголов физического восприятия (на материале английских глаголов see, hear, feel, smell, taste): Автореф. ... канд. филол. наук / Э. М. Умаханова. – М., 1975. – 21 с.
- Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Зарубежная лингвистике. – Т.1. – М.: Изд. группа "Прогресс", 1999. – С.58-91

- Урысон Е.В. Языковая картина мира VS. Обиходные представления (Модель восприятия в русском языке) / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. 1998. – № 2. – С. 3 - 21.
- Успенский Б.А. Языковые универсалии / Б.А. Успенский // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1970. – Вып. 5. – 300 с.
- Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе / А.А. Уфимцева. – М., 1968. – 272 с.
- Уфимцева А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – 206 с.
- Уфимцева А.А. Языковая номинация: Общие вопросы / А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
- Уфимцева А.А. Семантика слова / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5-85.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
- Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XII. – М.: Радуга, 1983. – С. 74-122.
- Фресс П. Экспериментальная психология: восприятие / П. Фресс, Ж. Пиаже – М.: 1966.
- Харченко В.К. Словарь богатств русского языка В.К. Харченко. – М.: Астрель, 2006.
- Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл. – М.: Крон-Пресс. 1997. – 656 с
- Холодович А.А. Проблемы грамматической теории / Ф.Ф. Холодович. – Л., 1979.
- Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности (на материале английского языка) / Е.Г. Хомякова АДД филол. наук. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 35 с
- Храковский В.С. Пассивные конструкции / В.С. Храковский // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. – Л., 1974
- Храковский В.С. Диатеза / В.С. Храковский // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
- Хроленко А.Т. Теория языка / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов // Под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Наука, 2004. – 512 с.
- Чекалина Е.М. Лексикология французского языка / Е.М. Чекалина, Т.М. Ушакова. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1998. – 236 с.
- Чобану Я.И. Семантика романского глагола (историко-семасиологическое исследование) / Я.И. Чобану. – Кишинев: Штиинца, 1985. – 110 с.
- Шапиро Д.И. Расплывчатые категории в задачах принятия решений (психолингвистический аспект) / Д.И. Шапиро, А.А., Леонтьев // Общение: теоретические и прагматические проблемы. – М., 1978. – 148 с.
- Шмелёв Д.Н. Об анализе семантической структуры слова / Д.Н. Шмелёв // Zeichen und System der Sprache. Bd. III Berlin, 1966.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

Щур Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 334 с.

Actes du 1-er Colloque Europeen sur la Grammaire et le Lexique Compare des Langues Romanes. – Amsterdam: Benjamins, 1984. – VIII – 264 p.

Alonso M. Ciencia del lengua??? e arte del estilo. - Aguilar. 1982. 1. p.207

Bally Ch. Traite de stylistique francaise / Ch. Bally. – 3-e ed. nouv. tir. // Geneve-Paris: Georg [usw], 1951. – Vol. 1. 2.

Bechtel F. Ueber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprache: Ein Beitrag zur Bedeutungsgeschichte / F. Bechtel. – Weimar: Bohlau, 1879. – XX – 168 s.

Berlin B., Key P. Basic color terms. Their universalilty and evolution / B. Berlin B., P. Key, Berkley, 1969. – 178 p.

Blinkenberg A. Le probleme de transitivite du francais moderne / A. Blinkenberg // Essai syntacto-semantique. – Copenhagen, 1960.

Brunot F. La pensee et la langue / F. Brunot. – P.: Masson et cie, 1926. – XXXVI – 954 p.

Buhler K. Sprachtheorie: die Darstellungsfunktion der Sprache / K. Buhler. – Jena: Fisher, 1934. – XVI – 434 s.

Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression / P. Charaudeau. – P.: Hachette education, 1992. – 927 p.

Combe D. Pensee et langage dans le style / D. Combe // Qu'est-ce que le style ? Actes du colloque international / Sous la direction de G. Molinie et de P. Cahne. – P. : PUF, 1994. – 354 p. – P. 71 - 91, 85 - 86.

Condillac E. –B. L'essai sur l'origine des connaissances humaines in : Oeuvres philosophiques, ed. G. Le Roy. – P., 1947

Cristeva T. Parasyonymie et construction de classes lexico-grammaticales: remarques sur les verbes de perception en francais / T. Cristeva // Revue Roumaine Linguistique. XXXII. – Bucarest, 1987. – Vol. 3. – P. 1989. – P. 225 - 230.

Dauzat A. La geographie linguistique. P. : Flammarion, 1948. –226 p.

Dietrich W. El aspecto verbal perifrafistico de las lenguas romanicas. - Madrid: Catedra, | 1983.-P.182

Diez F. Grammaire des langues romanes / F. Diez. – 3-e ed. refondue et augm. – P.: A. Franck, 1874. – T. 1. – 476 p.

Diez F. Etymologisches Worterbuch der romanischen Sprachen / F. Diez. – Bonn: Marcus, 1887. – XXVI – 866 s.

Dik S.C. Functional Gammar / S.C. Dik. – Amsterdam, 1979.

Dik S.C. The theory of functional grammar / S.C. Dik. – Dordrecht; Providence: Foris publ., 1989. – XIV – 433 p.

Dupas Ch. Perception et langage. Etude linguistique du fonctionnement des verbes de perception auditive et visuelle en anglais et en français / Ch. Dupas. – Louvain – P.: Ed. Peeters, 1997. – 351 p.

Fillmore Ch. Towards a descriptive Framework for Spatial Deixis / Ch. Fillmore // Space, Place and Action. Studies in Deixis and Related Topics. Ed. by Jarvella and W.Klein. – Chichester, N.Y., 1982.

Fillmore Ch. Lectures on Deixis / Ch.Fillmore. – Stanford, California: CSLI Publication, 1997. – 145 p.

Fillmore's Case Grammar: A Reader/Ed. By R. Dirven and Gunter Radden. Heidelberg, 1987.

Franckel J.-J. et Lebaud D. Les figures des sujets. A propos des verbes de perception. – P: Ophrys: 1990.

Gibson J.J. The senses considered as perceptual systems / J.J. Gibson. – Boston: Houghton Mifflin, 1966. – 336 p.

Greimas A. J. Semantique structurale / A.J. Greimas. – P.: Presses Universitaires de France, 1995. – 262 p.

Grober G. Geschichte der romanischen Philologie / G. Grober // Grundriss der romanischen Philologie. I. – Strassburg: K.J. Trubner, 1904 -1906. – 1115 s.

Grimm J. Die fünf Sinne / J. Grimm // Zeitschrift für deutsches Altertum, 6. – Leipzig, 1848. – S. 1 - 15.

Guillaume P. La psychologie de la forme / P. Guillaume. –P.: Flammarion, 1979.

Guiraud Ch. Les verbes significant "voir" en latin / Ch. Guiraud. – P.: Klincksieck, 1964. – 95 p.

Hagege C. L'homme de parole. Contribution linguistique aux sciences humaines/C. Hagege. –P.: Fayard, 1985. – 314p.

Hymes D. On communicative competence // Sociolinguistics. Harmondsworth, 1972. –

Hjelmslev L. Anime et inanime, personnel et non-personnel / L. Hjelmslev // Travaux de l'Institut 1 de linguistique. –P., 1956. – Vol.1. – P. 134 - 209.

Holley F. Actualité des recherches sur la perception olfactive / F. Holley // Psychologie française. – 1996. – T. 43 -3. – P. 207 - 215.

Iordan I. Lingvistica romanică, evoluție, curente, metode / I. Iordan. – București: Editura Academiei Republicii populare romine, 1962. – 440 p.

Jaubert A. La lecture pragmatique. - P.: Hachette, 1990. – 229p.

Kaplan D. Syntax and semantics. / D. Kaplan // Pragmatics. – N.Y.: San-Francisco, London: Academic Press, Harcourt Brace Jovanovich Comp., 1978. – XII – 340 p.

Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft Heidelberg / Koller. – Berlin, 1992. – 321p

Kurilowicz J. Essays on deixis. – Tübingen, 1983.

Koffka K. Principles on gestalt psychology / K. Koffka. – N.Y.: Brace, 1935. – 720 p.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous things. What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford: Stanford Univ. Press. 1987. – 516 p.

Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 539 p.

Le Bidois G. Syntaxe du français moderne/ Ses fondements historiques et psychologiques / G. Le Bidois , R. Le Bidois. T.1. – P., 1971. – 560 p.

Levinson St. Pragmatics / St. Levinson. – N.Y.: Cambridge University Press, 1983. – XVI – 420 p.

L'intercompréhension: le cas des langues romanes // Numero special, janvier 1997 / coordonne par C. Blanche-Benveniste, Andre Valli. – Universite de Provence, 1997. – 131 p.

Machek V. Verbes slaves pour designer les cinq sens / V. Machek // Sbornik praci filosoficke faculty brnenske university", rocnik IV, rady jazykovedne (A) Brno, 1955.

Malblanc A. Stylistique comparee du français et de l'allemand: essai de representation linguistique comparee et etude de traduction / A. Malblanc. – P.: Didier (Nevers, impr. Grama), 1961. – II – 353 p.

Mamoudian M. Ou en est la semantique? / M.Mamoudian // La linguistique. Vol.25. – P., 1989.

Mathiot M. An approach to the cognitive study of language / M. Mathiot. – Bloomington: Indiana University, 1968. – XV – 224 p.

Meyer-Lubke W. Romanisches Etymologisches Worterbuch / W. Meyer-Lubke. – Aufl. – Heidelberg: C. Winter, 1935. – XXXIV – 1204 s.

Merleau-Ponty M., Le visible et l'invisible / M. Merleau-Ponty. – P.: Gallimard, 1964. – XVI – 533 p.

Merleau-Ponty M. La phenomenologie de la perception: L'oeil et l'esprit / M/ Merleau-Ponty. – P.: Gallimard, 1949. – 95 p.

Merleau-Ponty, M. цит. по: Combe D. Pensee et langage dans le style // Qu'est-ce que le style? Actes du colloque international. Sous la direction de G. Molinie et de P. Cahne. P.: PUF, 1994. - 354 p. - P. 71-91.

Metzeltin M. O signo, o comunicado, o cydigo/ M. Hagege. –Coimbra, 1978. – 162 p.

Morris Ch. Signs, language and behaviour / Ch. Morris. – N.Y.: Prentice Hall, 1946. – XIII – 365 p.

Nolon G. Materiales para el estudio lexico contrastivo del espanol, del frances y del italiano/ G. Hagege // TLL, Strasbourg, 1985.

Peirce Ch. S. Collected papers / Ch.S. Pierce. – Cambridge (Mass): The Belknap press of Harvard university press, 1979. – Vol. I. – XIV – 433 p., Vol. 2. – X – 601 p. – P. 156 - 173.

Piaget J. The mechanisms of perception / J. Piaget – N.Y.: Basic Books, 1969. – 284 p.

Porzig W. Die Gliederung des indjgermanischen Sprachgebiets / W. Porzig. – Heidelberg: C.Winter, 1954. – 252 s.

Porzig W. Des Wunder der Sprache, Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft / W. Porzig. – Bern: A. Francke, 1950. – 415 s.

Posner R. The Romance Languages / R. Posner. – Cambridge; New York: Cambridge University press, 1996. – XVII – 376 p.

Posner R. Trends in Romance linguistics and philology / R. Posner. – Berlin. Vol. 1-2.

Pottier B. La typologie. Encyclopedie de la Pleiade. Le langage / B. Pottier. – P., 1968. – 300-310

Pottier B. Linguistique generale. Theorie et description / B. Pottier. – P.: Klincksieck, 1974. – 338 p.

Pottier B. Theorie et analyse en linguistique / B. Pottier. – P.: Hachette, 1987. – 223 p.

Pottier B. La parente des langues romanes / Pottier//L'intercomprehension: le cas des langues romanes. – P., 1997. – P. 75-82

Reichenbach H., Elements of Symbolic Logic. -N.Y., 1947: the Macmillan Company, 1947. – XIII – 444 p

Reinheimer S. Pratique des langues romanes: espagnol, francais, italien, portugais, roumain / S. Reinheimer, L. Tastowsky. – P.; Montreal: Ed. l'Harmattan, 1997. – 285 p.

Reinheimer S., Tastowsky L. “Pratique des langues romanes. Espagnol, francais, italien, portugais, roumain”. P.; Montreal, 1997;

Renson J. Les denominations du visage en francais et dans autres langues romanes: Etude semantique et onomasiologique / J. Renson. – P.: Les Belles lettres, 1962. – Vol. 1-2. – 738 p.

Reuning K. Joy and Freude. A Comparative study of the linguistic field of pleasurable emotions in English and German / K. Reuning. – Swarthmore; Pa, 1941. – 141 p.

Rogers A. Three Kinds of Physical Perception Verbs/ Comparative Linguistic Studies. – 1971. №7. P. 206-223.

Rousseau J. L'escalier derobe de Babel/ J.Rousseau// L'intercomprehension: le cas des langues romanes/ – P., 1997. – P. 38-45.

Rosch E. H. Human categorization / E.H. Rosch // Studies in Cross-Cultural psychology. – N.Y.: Academic Press, 1977. – Vol. 1. – P. 1 – 49.

Rosch E.H. Prototype classification and logical classification: the two systems / E.H. Rosch // Studies in Cross-Cultural Psychology. – N.Y.: Academic Press, 1977. – Vol. 1. – P. 73 - 86.

Rosch E.H. Natural Categories / E.H. Rosch // Cognitive Psychology. – 1973. – Vol. 4. – № 3. – P. 326 - 350.

Ryan M.-L. Pragmatics of personal and impersonal fiction. Poetics / M.-L. Ryan. – Amsterdam, 1981. – Vol.10.

Searle J.R. Speech acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1974.

Scovel T. A Look-see at Some Verbs of Perccption / T. Scovel // Language Learning. –Vol. 21. – № 1. – 1971. – P. 75-85.

Shyldkrot H.B. Le verbe *voir*: le developpement d'un auxiliaire en francais / H.B. Shyldkrot // 14-eme colloque europeen sur la grammaire et le lexique compares des langues romanes. Resumes des communications. – Tel-aviv: Universite de Tel-aviv, 1995. – P. 4 - 5.

Searle J.R. Speech acts: an essay in the philosophy of language / J.R. Searle. – Cambridge: Cambridge university press, 1992. – VI – 203 p.

Slodzuan M. Quels outils de l'apprentissage de la comprehension multilingue? / M. Slodzuan // L'intercomprehension: le cas des langues romanes. Numero special, 1997 coordonne par C. Blanche-Benveniste, Andre Valli. Un-te de Provence. – 1997. P.14-24.

Smith G. Visual perception. An even over time / G. Smith // Psychol. Rev. – 1957. – Vol. 64. – P. 306-313.

Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine/ C. Tagliavini.–Bologna, -- 1972.

Todorov T. Problemes de l'enonciation / T. Todorov // Langages. 17. Mars. – P., 1970

Togeby K. Structure immanente de la langue francaise, T.C.L.C., VI. – Copenhagen: Nordisk Sprog-og Kulturforlag, 1951. –282 p.

Touratier Ch. La semantique / Ch. Touratier. – P. : Armand Colin, 2000. – 192 p.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbeirh des Verstandes, 1 / J. Trier. – Heidelberg: C. Winter, 1931.

Ulmann S. Semantics. An introduction to the science of meaning / S. Ulmann. – Oxford, 1977. – 278 p.

Verbes de parole, de pensee, de perception: Etudes syntaxiques et semantiques / Textes reunis et presentes par Jean Chuquet. – Presses Universitaires de Rennes / MSHS, Universite de Poitier, 2003. – 240 p.

Viberg A. The verbs of perception: A typological study / A. Viberg // Explanations for language Universals. – Berlin: Mounin, 1983a. – P. 133 - 162.

Viberg A.A. A universal lexicalization hierarchy for the verbs of perception / A.A. Viberg // Papers from the 7-th Scandinavian Conference of Linguistics. – Helsinki: Department of General Linguistics, University of Helsinki, 1983b. – P. 147 - 149.

Vinay J.-P. Stylistique comparee du francais et de l'anglais / J.-P. Vinay, J. Darbelnet. – P.: Didier, 1958. – 331 p

Wartburg (von) W., Zumtor P. Precis de syntaxe du francais contemporain / W. W artburg (von), P. Zumtor. – Berne: Ed. A. Francke S.A., 1958. –400 p.

Wierzbicka A. Dociekania semantyczne / A. Wierzbicka. – Wroclaw - Warszawa - Krakow, 1969.

Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture - specific configurations / A. Wierzbicka. – N.Y.: Oxford: Oxford university press, 1992. – VIII – 487 p.

Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie / D. Wunderlich. – Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1976. – 416 p.

СПРАВОЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Русская:

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 608 с.
- БЭСБ. Большой энциклопедический словарь. Биология. гл. ред. М.С.Гиляров. – М.: 1998. – 864 с.
- БЭСЯ Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – 658с.
- ЛРС – Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1986. – 846 с
- Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1990.
- КСКТ. Кубрякова Е.С., Демьяненко В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1997. – 245 с.
- НФРС Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: Русский язык, 1995. – 1196 с.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
- ФС – Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-оу изд. – М.: Политиздат, 1987.

Французские словари

- ФРФС – Французско-русский фразеологический словарь / В.Г.Гак, В.А. Кунина и др. – М.: Гос. Изд-во иностр. И нацю словарей, 1963. – 1112 с.
- DA – Dictionnaire analogique des mots par les idees, des idees par les mots / Par Ch. Marquet. – P.: Librairie Larousse, 1971. – 592 p.
- DAALF-1985 – Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise / De Paul Robert. – 2-eme ed. rev. et enrichi par A. Rey. – P.: Dictionnaire Le Robert, 1985 - 1987. – 9 v.
- PR-1992 – Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise. Le petit Robert. – P.: Le Robert, 1992. – 2172 p.
- Dauzat A. Dictionnaire etymologique de la langue francaise / A. Dauzat. – P.: Librairie Larousse, 1938. – 712 p
- Dauzat A. Nouveau dictionnaire etymologique de la langue francaise / A. Dauzat A., J. Dubois, H. Mitterand. –P.: Larousse, 1993. – 822 p.
- DELF – Dictionnaire etymologique de la langue francaise / A. Dauzat. – P.: Librairie Larousse, 1938. – 712 p.
- DESL – Dictionnaire encyclopedique des Sciences du langage / O. Ducrot, T. Todorov. – P.: Ed. du Seuil, 1972. – 470 p.
- Dictionnaire. Langue. Encyclopedie. Noms propres. 1990.
- Dictionnaire Hachette illustre 2004

DFE-EF – Dictionnaire Francais – Espagnol, Espagnol – Francais / Par J.P. Vidal. – P.: Hispano Bordas, 1989. – 461+ 61 p.

DPFI-IF – Dictionnaire Poche Francais – Italien, Italien – Francais / Par Giovanni Picci. – P.: Larousse / SEJER, 2004. – 354 + 341 p.

DFV – Dictionnaire des frequences. Vocabulaire litteraire des XIX et XX siecles // Etudes statistiques sur le vocabulaire francais. – P.: Didier, 1971. – 579 p.

Dubois – Dubois J. Dictionnaire du francais contemporain / J. Dubois R. Lagane, G. Niobey, D. Casalis, H. Meschoonic. – P. 1966

DLFI-IF – Dictionnaire Larousse Francais-Italien Italien-Francais / Par R. Boch. – Bologna: Zanichelli, 2000. – 2175 p.

DS-1967– Dictionnaire des synonymes / Par E.D. Bar. – P.: Garnier, 1967. – 395 p.

DS-1984 – Dictionnaire des synonymes / Par P. Mace, M. Guinard. – P. : Nathan, 1984. – 444 p.

DSLIF Dictionnaire des synonymes de la langue francaise / Par P. Ripert – P.: Booking international, 1995. – 325 p.

HW – Hallig R. et Wartburg W. von. Systeme raisonne des concepts pour servir de base a la lexicographie. Essai d'un schema de classement / R. Hallig, W. von Wartburg. – Berlin, 1963. – 315 p.

Lexis. Dictionnaire de la langue francaise / par Jean Dubois. – Paris, 1978. – 1946 p.

Larousse –Le petit Larousse. – P.: Ed. Larousse, 2004. – 1860 p.

PR – Le petit Robert. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise. – P.: Le Robert, 1992. – 2172 p.

Robert 1993 – Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui / Par Alain Ray. – P.: Dictionnaires Le Robert, 1993. – 1091p.

Quillet – Dictionnaire Quillet de la langue francaise. V.1-3 . – P. 1955

Итальянские словари

НИРС – Новый итальянско-русский словарь / Г.Ф. Зорько, Б.Н. Майзель, Н.А. Скворцова. – М.: Русский язык, 1995. – 1119 с.

GDLI. – Grande Dizionario della lingua italiana / S. Bataglia. V. 1 – 12. – Unione tipografico. Editrice torinese. – Torino, 1961- 1995.

Battisti C, Alesio G. Dizionario etimologico italiano. Vol. I-V - G. Barbeza Firenze. 1950-1957.

DGLI – Dizionario Garzanti della lingua italiana. Realizzato della redazione lessico. – Milano, 1965. – 1990 p.

DFI-IF, 1988 – Dictionnaire Garzanti Francese-Italiano, Italiano-Francese / Direzione da G. Cusatelli. – P.: Bordas-Milano, 1988. – 2029 p.

DGLI – Dizionario Garzanti della lingua italiana. Realizzato della redazione lessico. –Milano, 1965. – 1990 p.

Ponard G. Vocabolario ideologico (Dalle parole ai concetti). – Milano, 1953.

DLI – Dizionario Garzanti della lingua italiana. Realizzato della redazione lessico. – Milano, 1965.

DSC-1952 – Cinti D. Dizionario dei sinonimi e dei contrari / D. Cinti. – Milano, 1952.

DSC – 1979 Dizionario dei sinonimi e dei contrari. Analogico editoriale italiano. – Milano: G. Aldo, 1979. – 866 p.

Devoto G. Avviamento alla etimologia italiana. Dizionario etimologico / Devoto G.– Milano: Mandadori 1979. – 502 p.

GDLI – Grande Dizzionario della lingua Italiana / S. Battaglia.– Torino: Unione tipografico edifitric torinese, 1961-1984. – 12 v.

LFLI – Lessico de frequenza della lingua italiana contemporanea / V. Bartolini, C. Tagliavini, A. Zampolli. – Italia: Garzanti IBM, 1972. – 856 p.

Migliorini B. Vocabolario della lingua italiana. Ed. rinovota – Torino, 1975. – 1637 p.

Ponard G. Vocabolario ideologico (Dalle parole ai concetti). – Milano, 1953.

Zanichelli G. Dizionario etimologico della lingua italiana. Bologna, 1999. – 1856 p.

Испанские словари:

ИРССУ – Испанско-русский словарь современного употребления / А.В. Садиков, Б.П. Нарумов. – 2-е изд., доп. – М.: Русский язык, 1998. 752с.

ИРС – Испанско-русский словарь / Б.П. Нарумов. – М.: Русский язык, 1995. – 831 с.

ИРФС Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско- русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 1078 с.

Alonso M. Diccionario del espanol moderno / M. Alonso. – Sexta edicion. – Madrid: Aguilar, 1981. – 1159 p.

Aristos Diccionario de la lengua espanola. Nueva ed. –Barcelona: Sopena, 1993. – 832 p.

Aristos. Diccionario ilustrado de la lengua espanola. Habana. sine anno.

Benaben M. Dictionnaire etymologique de l'espagnol / M. Benaben. – P.: Ellipses, 2000. – 556 p.

GDEF FE – Gran Diccionario Espagnol - Francais Francais-Espagnol Larousse Bordas - Paris 1998. – 840 p. + 716 p.

DI – Diccionario ideologico de la lengua espanola. Julio Casares. Ed. Gustavo Gill - Barcelona, 1975. DILE – Diccionario ideologico de la lengua espanola: Desde la idea a la palabra; desde la palabra a la idea / Par J. Casares. – 2-da ed. – Barcelona: Gustavo Gill. S.A., 1975. – 887 p.

DEM – Diccionario del espanol modernoю Sexta edicion. Alonso M. –Madrid/ Aguilar -1981 1159 p.

Hispano Bordas Dictionnaire Francais- Espagnol, Espagnol – Francais / par J.P.Vidal. – Paris: Bordas, 1989. – 461+ 61 p.

Moliner M. Diccionario de uso del espanol. – Madrid: Gredos, 1985. - 450p.

Английские словари:

Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages. A contribution to the history of ideas / C.D. Buck. – Chicago, Ill: University of Chicago Press, 1949. – XIX , 1515 p.

Frequency dictionary of French words / A. Juilland. – P.: The Hague - Mouton, 1970. – 503 p.

Frequency Dictionary of Spanish Words / A. Juilland, E. Chang-Rodriguez. – P.-London: The Hague-Mouton, 1969. – 500 p.

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Barbusse H. L'Enfer. – P.: A.Michel, 1985. – 285p.
- Bazin H. Cri de la chouette. –M: Tallandier, 1973. – 253p.
- Bazin H. Chapeau bas. – P., 1982.
- Benzoni I. La jeune Mariee. France Loisirs –P. 1990 404 p.
- Buzzati D. Il Colomdre. – P.: Le Livre de poche. – 288 p.
- Camus A. L'etranger. – P.: Gallimard, 1996. – 173p.
- Cesborn G. Il est minuit, docteur Schweitzer .–P. : Presses pocket, 1985. – 186p.
- Cocteau J. Les Monstres sacres. – P.: Gallimard, 1968. – 215p.
- Colette A. La naissance du jour. Oeuvres choisies. – M.: Radouga, 1983. 459 p.
- Corazon
- Delibes. El principe destronado. – Madrid, 1956.
- Duhamel G. Le desert de Bievres.– P. Mercure de France, 1937.– 250 p.
- Druon M. Les Grandes Familles. – P.: Plon, 1989. – 747p.
- Gard R. du Les Thibault. – P.: Gallimard, 1956, 3 vol. – 291p. -353p. –421p.
- Mallet-Joris F. Chambre rouge. – P.: Presses pocket, 1982. – 252p.
- Maupassant G. de Bel ami - M.: Ed. des langues etrangeres, 1958. – 352p.
- Maupassant G. de Contes et nouvelles choisies. –M.: Ed. Du Progres, 1976. – 336c.
- Maurois A. L'instinct du bonheur. – P., 1967.
- Mauriac F. Therese Desqueyroux. – M. : Bernerd Grasset, 1927. – 184p.
- Merimee P. Nouvelles.- M.: Ed. des langues etrangeres, 1958. – 444p.
- Merino J. M. Regreso al cuaderno de hojas blancas. Madrid, Ed. Anaya, 1997. – 100p.
- Moliere J.B. Oeuvres choisies. –P.: Gallimard, 1972. – 238 p.
- Perez Galdys. Dona Perfecta. – Madrid, 1983.
- Proust M. A la recherche du temps perdu. – 4 vol. – P., 1987-1989 .
- Renard J. Oeuvres choisies. – M. : Ed. des langues etrangeres, 1958.
- Rico – Godoy C. Como ser una mujer y no morir en el intento.– Madrid: Ed. Temas de hoy, – Madrid, 1999. – 196 pns., p., 183
- Robbe-Grillet A. Scene. Conteurs francais du XX-e siecle. 1945-1977. – M.: Ed. Du Progres, 1981. – 494 p.
- Sabatier R. Les alumettes suedoises. – Л.: Просвещение, 1976.
- Sagan F. Le ciel d'Italie // Conteurs francais du XX-e siecle. 1945-1977. – Moscou: Ed. Du Progres, 1981. P. 441-448
- Sagan F. Un certain sourire – P. , 1987.
- Saint-Exupery A. de. Pilote de guerre. –P., 1967.
- Simenon G. Maigret se fache. –M.: Просвещение, 1980.
- Stendhal F. Le Rouge et le Noir. - M.: Ed. des langues etrangeres, 1958.
- Stendhal F. El Rojo y ei Negro. Editorial, Pueblo y Educacion, 1983
- Suskind P. Le parfum. Fuyard –P. 1986. – 280 p.
- Triolet E. Personne ne m'aime. – P.: Les editeurs francais reunis, 1952. –253p.

Vian B. L'Ecume des jours. –P.: Bourgeois, 1984. –317p.
Zola E. L'Assommoir. – P. Le livre de poche, 1979. – 495p.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГВ – глаголы восприятия
ЛЕ – лексическая единица
СП – семантическое поле
ФЕ – фразеологическая единица
ЯКМ – языковая картина мира
DES – дескриптивный залог
EXI – экзистенциальный залог
EQU – эквативный залог
D1 – первичный дейксис дейктического поля
D2 – вторичный дейксис дейктического поля
S1 – первичный дейксис дейктического поля
S2 – вторичный дейксис дейктического поля
Esp. – espagnol
It. – italiano
Fr, – francais

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ	8
1.1. Полевой подход в системе методов изучения лексики определенных групп	8
1.2. Картина мира и восприятие	12
1.3. Значение слова с когнитивной точки зрения	27
1.4. Сравнительно-сопоставительные исследования в языкознании	36
1.5. Генетическая эволюция семантики глаголов восприятия в западно-романских языках	50
ГЛАВА 2. СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ В ЗАПАДНО-РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ	67
2.1. Функционально-семантическая типология глаголов восприятия.....	67
2.2. Группы глаголов восприятия как полевые структуры	73
2.3. Состав семантического поля глаголов восприятия в западно-романских языках	87
2.4. Структура семантического поля глаголов восприятия	100
2.5. Глаголы восприятия в грамматическом аспекте.....	136
ГЛАВА 3. СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ В ЗАПАДНО- РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ	
3.1. Дейктическая и символическая составляющие в системе глаголов восприятия	155
3.2. Многозначность глаголов восприятия	183
3.3. Полимодусность глаголов восприятия.....	195
3.4. Общее и идиоэтническое в семантике глаголов восприятия	208
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	227
ЛИТЕРАТУРЫ	232

Подписано в печать 06.12.2005. Формат 60?84/16.
Гарнитура Times. Усл. п. л. 14,41. Тираж 500 экз. Заказ 264.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в издательстве
Белгородского государственного университета
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

